

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ЦЕМБАЛЮК СВЕТЛАНА ИВАНОВНА

**БАЙТОВСКАЯ КУЛЬТУРА
НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
В ЛЕСОСТЕПНОМ И ПОДТАЕЖНОМ ПРИТОБОЛЬЕ**

Том 1

Специальность – 07.00.06 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
В.А. Зах

Тюмень – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. История изучения древностей раннего железного века Зауралья.....	12
1.1. Изучение памятников в 40–70-е гг. XX в.....	12
1.2. Исследование и анализ материалов в 80-е гг. XX в. – начале XXI в.....	18
ГЛАВА 2. Материальная культура и жизнеобеспечение населения Притоболья в начале раннего железного века	37
2.1. Физико-географическая характеристика Притоболья	38
2.2. Ареал байтовской культуры и особенности расселения ее носителей.....	44
2.3. Типы поселений и жилищ байтовской культуры	49
2.4. Инвентарь и хозяйственная деятельность носителей байтовской культуры.....	67
2.5. Характеристика керамики байтовских памятников.....	86
ГЛАВА 3. Происхождение, хронология и историческая судьба байтовского населения.....	100
3.1. Формирование байтовской культуры.....	100
3.2. Периодизация и хронология	108
3.3. Историческая судьба носителей байтовской культуры	124
3.4. Байтовская культура среди культур начала раннего железного века Западной Сибири	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	137
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	145
ИСТОЧНИКИ.....	145
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	152
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	180

ТОМ 2

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	2
Приложение 1	3
Приложение 2	51
Иллюстрации.....	103

ВВЕДЕНИЕ

Начало раннего железного века в Зауралье обычно определяется в рамках конца VII – начала VI вв. до н.э. На данном временном отрезке формируются культурные образования, связываемые с новой исторической эпохой – ранним железным веком [Могильников, 1989, с. 74; Корякова, 1991а, с. 20-24; История Курганской области..., т.1, 1995, с. 76; Матвеева, 1998, с. 3; Илюшина, 2011, с. 21-23; Зимина, Цембалюк, 2013 и др.]. В лесостепном и подтаежном Притоболье в этот период складывается баитовская культура. Характеристике этой культуры, существовавшей в конце второй четверти – середине I тыс. до н.э., посвящена настоящая работа.

Актуальность темы исследования заключается в следующем. Во-первых, баитовские древности наименее исследованы по сравнению с предшествующими бархатовскими и иткульскими (восточный вариант) и последующими – саргатскими и гороховскими, которым посвящены монографические работы [Матвеев, Аношко, 2009; Зимина, Зах, 2009; Корякова, 1988; Матвеева, 1993, 2000 и др.]. Во-вторых, назрела необходимость введения в научный оборот новых или частично опубликованных источников по баитовской культуре, накопленных с момента активных исследований баитовских памятников и интерпретаций полученных фактов в 80-х гг. XX в. В-третьих, требуется обобщение и систематизация всех известных по настоящее время материалов баитовской культуры, а также их анализ с привлечением данных естественных наук (палинологии, палеозоологии и т.д.), и радиоуглеродного датирования. В-четвертых, следует уточнить хронологию баитовских древностей Притоболья, что позволит скорректировать культурно-хронологическую шкалу раннего железного века этого региона. В-пятых, комплексная

характеристика баитовской культуры, заполнит пробел в изучении археологических культур Зауралья позднего бронзового века – эпохи раннего железа, возникший в результате неравномерности их исследования. В-шестых, решение вопросов, связанных с изучением баитовской культуры, расширит возможности для реконструкции исторических процессов в раннем железном веке Зауралья.

Целью исследования является характеристика баитовской культуры, основанная на комплексном изучении материалов ее памятников.

Задачи исследования, которым соответствует структура диссертации следующие:

1. Определить этапы в изучении археологических культур раннего железного века Зауралья и рассмотреть основные точки зрения, сложившиеся в историографии рассматриваемого периода.
2. Установить ареал и систему расселения носителей баитовской культуры.
3. Выявить традиции домостроительства и оборонного зодчества баитовского населения.
4. Реконструировать хозяйство баитовских групп.
5. По результатам статистической обработки керамики провести сравнительный анализ материалов баитовской культуры и сопоставить их с материалами предшествующих и синхронных ей культур региона.
6. Выявить культурные компоненты, участвовавшие в формировании баитовской культуры, и механизмы их трансформации.
7. Уточнить хронологические рамки существования баитовской культуры и разработать ее периодизацию.
8. Выяснить историческую судьбу носителей баитовской культуры.
9. Обосновать место баитовской культуры среди культур раннего железного века Зауралья.

Объектом исследования является баитовская культура, существовавшая в начале раннего железного века на территории Притоболья, рассматриваемая в процессе ее развития от происхождения до исторической судьбы. *Предметом* – источники по баитовской культуре, полученные в ходе раскопок поселений, оставленных баитовским населением и включающие в себя остатки его материальной культуры.

Территориальные рамки работы – лесостепное и подтаежное Притоболье, т.е. основной ареал памятников баитовской культуры. В соответствии с современным административным делением это территории Тюменской, Свердловской и Курганской областей.

Хронологические рамки исследования охватывают диапазон с конца II четверти до середины I тыс. до н.э., т.е. время существования баитовской культуры.

Источниковый фонд диссертации составили в первую очередь археологические материалы. Они включают в себя: отчеты, полевую документацию по исследованным памятникам и вещевой материал (древняя посуда, инвентарь).

Основой диссертации являются материалы опорных памятников, которые можно разделить на однослойные; многослойные хорошо стратифицированные; и многослойные. Это материалы, полученные автором в результате самостоятельных исследований археологических памятников на юге Тюменской области. В 2007 г., 2009 г. автор проводила раскопки на однослойном городище Боровушка 2 (543 кв.м.) [Цембалюк, Отчет..., 2008; 2010; Цембалюк, 2009а; Цембалюк, Илюшина, 2011; Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011]; на многослойных, но хорошо стратифицированных: на поселение Чечкино 4 (125 кв.м.) в 2007 г. [Цембалюк, Отчет..., 2009; Цембалюк, Зимина, 2010; Цембалюк, Зимина, Рябогина и др., 2009] и в 2011 г. на Бочанецком городище (234 кв.м.) [Цембалюк, Отчет..., 2013; Цембалюк, 2010б]. Автор данной работы в 2004 г. принимала участие в раскопках

однослойного городища Большой Имбиряй 3 (257 кв.м.) [Матвеева, Цембалюк, 2004; 2010].

В работе использовались данные исследований В.А. Заха: однослойное поселение Чепкуль 8б (1147 кв. м.) [Зах, Цембалюк, 2009], многослойное городище Калачик 1 (276 кв. м.) [Зах В.А, Зах Е.М., 1994; Зах, Цембалюк, 2013]; Н.П. Матвеевой¹: хорошо стратифицированное поселение Устюг 2 (219 кв.м.) [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011], однослойное поселение Ботники 1а (422 кв. м.) [Матвеева, 1989], многослойное поселение Рафайлово 2 (134 кв.м.) [Матвеева, 1989], сложно стратифицированное Рафайловское городище (2500 кв. м) [Матвеева, 1987а; 1989; Матвеева, Чикунова, Орлова и др., 2004; Комплексное изучение..., 2005]; однослойное поселение Верхне-Ингальский борок 1 (108 кв. м.) [Матвеева, 1989]. Также использовались материалы памятников расположенных на территории Курганской области: Т.М. Потемкиной: многослойное поселение Язево 1 (1406 кв. м.) [1985]; С.В. Шараповой: многослойное городище Баитовское (472 кв.м.) [Шарапова, 2000; Habitats et nécropoles..., 2002]; Т.Н. Рафиковой: хорошо стратифицированное городище Усть-Терсюкское (72 кв.м.) [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008]; В.Е. Стоянова: хорошо стратифицированное Носиловское 2 поселение (488 кв.м.) [Стоянов, 1975]; С.Н. Шилова: однослойное поселение Дачное 1 (144 кв.м.) [Шилов, Рябина, 2006].

Помимо этого привлечены материалы, полученные в 1960 – 2000-х гг. О.М. Аношко, Г.В. Бельтиковой, Е.М. Беспрозванным, В.А. Борзуновым, И.А. Бусловым, Н.Н. Бутаковой, Т.Г. Бушуевой, В.Д. Викторовой, Н.Б. Виноградовым, Е.Н. Волковым, Т.Г. Гашевой, В.Ф. Генингом, С.В. Данилевич, И.В. Жилиной (Усачевой), О.Ю. Зиминной, Д.Н. Исаевым, Л.Н. Коряковой, Г.А. Маминым, В.А. Могильниковым, Б.Б. Овчинниковой, Ю.В. Рыжковой (Костомаровой), К.В. Сальниковым, В.И. Стефановым, Н.К.

¹ Автор благодарит Н. П. Матвееву за возможность использования частично опубликованных материалов.

Стефановой, В.Е. Стояновым, В.Н. Фроловым, С.В. Шараповой, С.Н. Шиловым, В.Т. Юровской (Ковалевой).

Коллекции с вышеперечисленных памятников хранятся в фондах: Курганского областного краеведческого музея (г. Курган), ДOME-музее декабристов (г. Курган), лаборатории археологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург), Музейном комплексе имени И.Я. Словцова (г. Тюмень), Музее археологии и этнографии Тюменского государственного университета (г. Тюмень), секторе археологии и этнографии Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета (г. Тюмень), а также Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (г. Тюмень).

При подготовке диссертации использованы материалы 109 памятников, расположенных на территории лесостепного и подтаежного Притоболья: 39 объектов исследованы раскопками и 70 – разведками (Прил. 1).

Вторым типом источников, использованных при подготовке работы, являются данные естественных наук – палинологии, палеозоологии, а также радиоуглеродного датирования.

Методологическая основа работы. Методологически базовое в данном исследовании понятие археологическая культура до сих пор вызывает оживленные дискуссии в ученых кругах. Под археологической культурой автор понимает совокупность материальных памятников, сосредоточенных на одной территории, относящихся к одной эпохе и имеющих общие черты [БРЭ. Т.16. М., 2010].

При написании работы мы опирались на принципы и подходы общей теории познания и в частности системный подход. С этих позиций байтовская культура рассматривается нами как целостный комплекс взаимосвязанных элементов. В системно-элементном, или системно-комплексном, аспекте это означает изучение: ареала распространения байтовских памятников, устройства городищ, поселений, жилищ,

хозяйственных построек, фортификаций, керамических комплексов и т.д.. Определение структуры внутренней организации байтовской культуры, системы связей между ее элементами представляет собой системно-структурный аспект исследования. Системно-ресурсный аспект предполагает изучение ресурсов (как природных, так и антропогенных), обеспечивающих функционирование байтовской культуры как целостной системы. Системно-интеграционный аспект диктует необходимость выявления основных признаков байтовской культуры, обуславливающих ее целостность и подчеркивающих ее особенности. Важен и системно-коммуникационный аспект – цель, установление внешних связей носителей байтовской культуры с представителями других культурных образований. И наконец, системно-исторический принцип используется при выяснении истоков формирования байтовской культуры, динамики ее этапов и исторической судьбы ее носителей.

Экологический подход позволил объяснить особенности жизнеобеспечения населения байтовской культуры природно-климатическими и ландшафтными условиями в начале раннего железного века в Зауралье.

Методика исследования представлена традиционными при изучении археологических источников методами, также применялись данные, полученные с помощью естественнонаучных методов. Система расселения и ареал байтовской культуры реконструировались с использованием картографического метода (в том числе с изучением спутниковых снимков в программах: «Google map» и «SAS. Планета 131111.7624 Stable»).

Воссоздание среды обитания, природно-климатических условий, в которых протекала жизнедеятельность байтовского населения, осуществлялось на основе результатов спорово-пыльцевого анализа. Керамические коллекции изучались с применением сравнительно-типологического анализа в совокупности с методами математической

статистики, в частности многомерной классификации (агломеративно-иерархический кластерный анализ) в компьютерной программе StatSoft\STATISTICA 6. Также было проведено исследование технико-технологических особенностей керамики. Для характеристики некоторых предметов инвентаря использовались данные трасологического анализа. Радиоуглеродное датирование по древесному углю в совокупности с методом датированных аналогий позволили уточнить место байтовских древностей в хронологической шкале культур эпохи раннего железа. С помощью палеозоологических определений реконструировалась хозяйственная деятельность байтовского населения². Применение сравнительно-исторического метода позволило проследить байтовскую культуру в динамическом процессе и зафиксировать происходившие в ней изменения.

Научная новизна исследования заключается в: 1) во введении в научный оборот новых материалов, полученных в результате исследования памятников байтовской культуры; 2) систематизации и обобщении всего корпуса источников по байтовской культуре лесостепного и подтаежного Притоболья; 3) уточнении ареала и выявлении некоторых особенностей расселения байтовских групп; 4) определении основных черт в развитии домостроительной традиции и оборонного зодчества; 5) реконструкции хозяйства байтовского населения; 6) дополнительной аргументации гипотезы о формировании байтовской культуры на основе древностей восточного варианта иткульской культуры; 7) разработке гипотезы о хронологической дифференциации байтовских древностей, позволяющей рассматривать культуру в динамике.

Практическая значимость исследования. Его результаты могут быть использованы при написании монографий и других трудов по археологии и

² Палинологические определения выполнены Н.Е. Рябогиной и С.Н. Ивановым, радиоуглеродный анализ – Л.А. Орловой, палеозоологические определения – А.С. Поклонцевым и П.А. Колмогоровым, трасологический анализ – С.Н. Скочиной, технологический анализ керамики – В.В. Илюшиной. Автор выражает глубокую благодарность всем исследователям.

древней истории Сибири, подготовке учебников и курсов лекций для высших учебных заведений, составлении карты археологических памятников Западной Сибири, и, в частности, Притобольского региона, а также в музейной работе при составлении экспозиций и т.д..

Апробация основных положений диссертации была проведена в виде выступлений с устными докладами на региональных, всероссийских и международных конференциях, в разных городах Российской Федерации: Барнауле (2004 г.), Иркутске (2007 г.), Тюмени (2003, 2004, 2007, 2009, 2012 гг.), Омске (2008 г.), Суздале (2008 г.), Ханты-Мансийске (2010 г.), Томске (2010 г.) и Кургане (2010 г.), а также Республики Казахстан: в г. Петропавловске (2009 г.).

Основные научные результаты и положения диссертации нашли отражение в 38 статьях, в том числе 7 в рецензируемых изданиях.

Структура работы подчинена задачам исследования и включает в себя: введение, три главы, заключение, список источников и литературы, список сокращений, а также три приложения, включающие описание источниковой базы (баитовских памятников), таблицы, графики, иллюстрации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Подтверждено, что население баитовской культуры проживало на территории лесостепного и подтаежного Притоболья в отличных от современных ландшафтных условиях. На основе сравнения комплексов раннего железного века Притоболья и Приишимья сделан вывод об иной культурной принадлежности приишимских памятников, в результате данный регион исключен из ареала баитовской культуры.

2. Проведена типологизация поселений, жилищ и фортификационных сооружений баитовской культуры, позволившая разделить их на типы, установить взаимосвязь между ними и проследить смену одних форм другими.

3. Установлено, что хозяйство населения байтовской культуры носило комплексный характер с преобладанием отраслей производящей экономики и значительной ролью металлообработки, которой придавалось сакральное значение. Выработанная байтовским населением система многоотраслевой экономики позволяла эффективно адаптироваться к изменениям окружающей среды и социально-политической обстановки в Притобольском регионе.

4. Разработана хронологическая дифференциация байтовских древностей, отражающая динамику культуры. Выделено два этапа: ранний и поздний. Ранний этап (конец VII–VI вв. до н.э.) характеризуется традицией возведения слабо укрепленных городищ, строительством наземных построек, в керамических комплексах – преобладанием слабопрофилированных тонкостенных сосудов с короткой горловиной, упрощенном декоре, доминированием в орнаментации гребенчатой техники. Поздний этап (V – нач. IV вв. до н.э.) маркируют хорошо укрепленные городища, полуземляночные жилища. В орнаментации посуды увеличивается процент резной и прочерченной техники, усложняется композиционное построение узора. Преобладают четко профилированные толстостенные сосуды.

5. Обоснована и дополнительно аргументирована гипотеза В.А. Заха о формировании байтовской культуры на основе древностей восточного варианта иткульской культуры.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю В.А. Заху, благодаря его поддержке и помощи была написана данная работа. Также хочется высказать искреннюю признательность Н.П. Матвеевой, приведшей меня в археологию, за рекомендации, ценные советы и замечания своим коллегам: О.М. Аношко, С.В. Берлиной, Е.Н. Волкову, Е.М. Зах, О.Ю. Зиминой, В.В. Илюшиной, Т.Н. Рафиковой, Н.Е. Рябогиной, С.Н. Скочиной, И.В. Усачевой, И.Ю. Чикуновой.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

Активное накопление материалов и выделение археологических культур раннего железного века лесостепного Зауралья происходило в 40–70-е гг. XX в. Тогда были выделены саргатская, гороховская, иткульская и баитовская культуры. Однако, несмотря на то, что выделение вышеперечисленных культур происходило синхронно, материалы данных археологических образований к настоящему времени изучены не равномерно. Исследованиям саргатских, гороховских и иткульских древностей посвящены монографические работы. Отдельные обобщающие монографии, по материалам баитовских памятников, отсутствуют. Данный факт, на наш взгляд, обосновывается меньшей изученностью баитовских древностей.

§ 1.1. Изучение памятников в 40–70-е гг. XX в

Первые находки, имеющие отношение к раннему железному веку Зауралья, относятся к XVI в., то есть ко времени присоединения Сибири к Русскому государству. Затем была «эпоха бугрования», когда шло варварское разграбление курганов, в том числе и на территории Притоболья, откуда

состоит большая часть находок из Сибирской коллекции Петра I [Булдашев, 1997, с. 21]. Начало же целенаправленного изучения древностей Зауралья можно отнести к XVIII в. ко времени Великих академических экспедиций. Тогда здесь свои исследования проводили П.С. Паллас, И.П. Фальк и др., оставившие описания городищ и курганов «областей за Уралом» [История археологии..., 2002, с. 3-11]. Конец XIX в. для территории Притоболья, несомненно, связан с именем И.Я. Словцова, им сделаны подробные описания памятников данной территории с распределением их по долинам рек [Могильников, 1992, с. 274].

В начале XX в. после раскопок Коконовских, Саргатских и Мысовских курганов П.А. Дмитриевым впервые обобщены материалы могильников раннего железного века, положившие начало специальному изучению древностей этого периода Зауралья [Там же].

В 40–50-е гг. XX в. идет активное накопление материалов эпохи раннего железа, в это время К.В. Сальниковым раскапывается городище «Чудаки» [1940]. В результате исследования материалов памятника встречаются и первые описания керамики в дальнейшем атрибутированной как байтовская. В ходе раскопок городища «Чудаки», основные материалы, которого, К.В. Сальников отождествлял с сарматскими древностями, им были найдены несколько фрагментов керамики, украшенных по шейке отрезками из наклонных линий [1947, с. 225, рис. 4, 2, 3, 4, 6] и один фрагмент, орнаментированный пояском «жемчужин» – «на единственном экземпляре фрагмента прямостенной чашечки бугорчатый орнамент представляет собой выпуклые округлые шишечки, выдавленные изнутри сосуда круглым тупым инструментом» [Там же, с. 230]. Из-за отсутствия фактического материала, исследователь отнес данную посуду к сарматским древностям, не выделяя ее в отдельную группу. Позднее описание керамики подобного типа встречаются у него же, но уже в 1956 г.. В публикации по материалам, полученным в ходе разведочного обследования среднего

течения реки Исеть в 1940-х гг., они также были отнесены исследователем к сарматской группе керамики [Сальников, 1956, с. 192; с. 200; с. 210, рис. 16, 15-19].

В это же период свои работы на памятниках лесостепного Зауралья проводит Е.М. Берс [1954, 1958, 1960. 1963]. На основе исследований К.В. Сальникова и Е.М. Берс были созданы первые периодизации и классификации памятников раннего железного века Зауралья [Сальников, 1961; Берс, там же].

Таким образом, к концу 60-х гг. XX в. на территории Зауралья уже накопилось достаточно материалов эпохи раннего железа, которые позволили на основе анализа керамических коллекций разделить их на культурные типы. Так по материалам, накопленным К.В. Сальниковым в период с 40-х по 60-е гг. XX в. им выделены иткульская, гороховская и каменогорская культуры [1960, с. 13-15]. Хронологические рамки существования иткульских древностей К.В. Сальников определял V–IV вв. до н.э., полагая, что она сложилась на основе культур местных позднебронзовых племен, испытавших влияние северных каменогорских компонентов. Это, по мнению исследователя, нашло отражение в орнаментации керамики. На ней вертикальные и наклонные «привески» из коротких параллельных оттисков, выполненных гладким или гребенчатым штампом, полоса, состоящая из чередующихся горизонтальных и наклонных оттисков штампов, характерных для местных позднебронзовых комплексов, сочетается с ямками в шахматном порядке на грани горла и плечиков каменогорской посуды [1962, с. 44-46].

В это время, для территории Среднего Зауралья Е.М. Берс выделила исетскую культуру, датировав ее VII в. до н.э. – II в. н.э., отметив, что ее генетической базой являются местные компоненты бронзового века. Также автор полагает, что на формирование исетской культуры оказала влияние гамаюнская [Берс, 1963, с. 84-107]. В.Е. Стоянов, подвергнув сомнению

существование двух культур – исетской и иткульской, объединял их в одну – иткульскую культуру, и совместно с воробьевскими материалами, выделенными им по раскопкам одноименного Воробьевского городища, рассматривал в рамках исетской общности [1970, с. 252].

Несколько позднее и Г.В. Бельтикова на основе сходства по основным признакам иткульских и исетских керамических комплексов, объединила их в одну иткульскую культуру, датировав ее VII–III вв. до н.э. [1977, с. 132]. Ей же был очерчен ареал культуры – вдоль восточного склона Уральских гор, от верховий р. Реж до оз. Чебаркуль, где сосредоточена основная часть иткульских памятников. Восточная граница проходит по устью р. Синары (правого притока р. Исети) [Там же, с. 125].

Гороховская культура лесостепного Зауралья была выделена К.В. Сальниковым по материалам городища Чудаки и нескольким раскопанным курганам. Население, оставившее памятники с гороховскими древностями, он отнес к древним уграм [1966, с. 118-124].

В.Е. Стоянов в 1969 г, проанализировав исследованные поселения и могильники Притоболья, также выделил и детально описал несколько культурных типов. Самыми ранними, по его мнению, являются комплексы с керамикой каменогорского и носиловского типов. Исследователь датировал их концом бронзового века – началом эпохи раннего железа. К раннему этапу раннего железного века В.Е. Стоянов относил иткульские, воробьевские и баитовские комплексы, считая их синхронными. Затем, по его мнению, в хронологической последовательности следуют гороховский и речкинский типы. Им были описаны и ареалы распространения поселений с вышеуказанными древностями. Поселения, основные материалы которых составляет каменогорская керамика, распространены в горнолесном Зауралье, с носиловской – в лесостепи на Средней и Нижней Исети и Среднем Тоболе. Поселения с иткульской керамикой локализованы в горнолесном и лесном Зауралье, воробьевской – по Средней Исети и

Среднему Тоболу, баитовской – между Ишимом и Средним Тоболом [1969а, с. 57-60].

В это же время в своей диссертационной работе В.Д. Викторова, на основе анализа стратиграфического распределения материалов памятников Мысовской стоянки 2 и Юдинского селища, высказала точку зрения, подтверждающую хронологическую шкалу, предложенную В.Е. Стояновым, что баитовские памятники существовали, раньше речкинских, непосредственно сменяясь последними [1969а].

После раскопок В.Е. Стояновым в 1961 г. и 1963 г. Носиловского 2 поселения расположенного на р. Тобол [1975], исследования В.Ф. Генингом Лихачевского городища на р. Ишим в 1964, 1966 гг. [Цембалюк, Берлина, 2014], открытия Т.Г. Гашевой в 1963 г. Баитовского городища [Гашева, Отчет...1963; Стоянов. 1975, с. 132; Шарапова, 2000] и ряда других памятников с керамикой баитовского типа у исследователей появилась возможность описать ареал, особенности поселенческих комплексов и домостроительной традиции баитовского населения.

Таким образом, к началу 1970-х гг. было выделено довольно много культурных типов. Близкая схожесть некоторых из них, приводит ученых к мысли об объединении типов в отдельные археологические культуры.

В следующей работе 1970 г. В.Е. Стоянов на основе анализа совпадения ареального расположения носиловских и баитовских памятников, занимавших лесостепное Тоболо-Ишимье, опираясь на сходство типов поселений, представленных селищами и простыми одноплощадочными городищами и конструкций построек, представлявших собой обособленные однокамерные с канавками по периметру наземные или полуземляночные жилища объединяет их в одну культуру – баитовскую. Предлагая ей название по топонимному Баитовскому городищу, где была собрана наибольшая на тот момент коллекция керамики баитовского типа. При этом автор не исключает выделения в баитовской культуре трех локально-хронологических

вариантов: на Средней Исети – носиловского, на Среднем Тоболе – баитовского и в Пришимье – лихачевского. По его мнению, близость вышеописанных комплексов обусловлена общей генетической основой [1970, с. 251-252].

В этой же работе В.Е. Стоянов говорит о целесообразности объединения хронологически, следующими за баитовскими и ранее им выделенных розановских и речкинских памятников в одну саргатскую культуру. Исследователь в тоже время отмечал, что в материалах розановских и речкинских памятников больше различий, чем сходства [1970, с. 253].

Одновременно, к выводу об объединении культурных типов в археологические культуры, приходит В.А. Могильников. О чем свидетельствует статья «К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа» опубликованная в этом же сборнике. Автор, на основе сходства керамических комплексов памятников Среднего Приртышья и Тоболо-Ишимья, предлагал объединить их в одну ивановско-баитовскую культурную общность, определяя время существования в рамках VII–IV вв. до н.э.. По мнению ученого, население с ивановско-баитовской керамикой сформировалось на основе местных племен эпохи бронзы [1970, с. 175-177].

В этой же работе В.А. Могильниковым предложено, считать «розановский» тип керамики, как группу поселенческой керамики саргатской культуры и относить памятники с «розановским» типом керамики к саргатской культуре, датировав ее IV–III вв. до н.э. – II–III вв. н.э., т. е. временем последующим за существованием ивановско-баитовской культурной общности. Ученым впервые была предложена хронологическая дифференциации саргатских древностей. Он предложил выделять три этапа: первый – IV–III вв.; второй – II до н.э. и третий II–IV вв. н.э. [Там же, с. 177-180].

И если объединение материалов речкинских, розановских и саргатских памятников в одну саргатскую культуру не вызвало существенных возражений в научных кругах, то выделение В.А. Могильниковым ивановско-баитовской общности подверглось резкой критике со стороны коллег и не получило широкого распространения в ученой среде. В.Е. Стоянов, основываясь на недостаточном количестве ивановских материалов, констатировал, что на тот момент времени, можно было говорить только о некоторой схожести ивановской и сузгунской керамики. Эта схожесть, по мнению В.Е. Стоянова, заключалась всего в одном элементе орнамента – декорировании шейки крупными защипами [1975, с.133-134].

Таким образом, на выделенном нами временном отрезке археологического изучения древностей Зауралья происходит активное накопление археологического материала и его классификация и типологизация. В результате, различные типы, были объединены в археологические культуры. Главным для нас в изучении данного этапа выступает выделение особой археологической культуры – баитовской.

§ 1.2. Исследование и анализ материалов в 80-е гг. XX в. – начале XXI в

Выделение нами данного этапа в истории изучения древностей эпохи раннего железа определено следующими обстоятельствами. Во-первых, к этому времени уже было выделено и хронологически атрибутировано большинство археологических культур раннего железного века Зауралья. Во-вторых, дискуссионность приобретают вопросы происхождения, хронологии

археологических культур и исторических судеб их носителей. В-третьих, в этот период исследователями западносибирских археологических древностей не оспаривается существование особой баитовской культуры.

В 80-е гг. XX в. особый интерес у исследователей лесостепного Зауралья вызывали памятники саргатской культуры. В это время проводятся масштабные работы по раскопкам саргатских памятников практически по всей территории Западной Сибири. Полученные с них материалы легли в основу диссертационных исследований Л.Н. Коряковой (1981 г.) [1981], Н.В. Полосьмак (1985 г.) [1985], Н.П. Матвеевой (1988 г.) [1988].

Тогда же был описан ареал культуры, занимавшей территорию от восточных склонов Урала до Новосибирского Приобья. Анализ саргатских материалов показал их неоднородность на разных территориях, расхождения замечались в орнаментации посуды, морфологических характеристиках сосудов, в погребальном обряде и т.д., что привело к разделению культуры на локальные варианты, по территориальному принципу. Были выделены барабинский, прииртышский, приишимский и притобольский вариант саргатской культуры [Корякова, 1988; Матвеева, 1993].

Н.В. Полосьмак по материалам поселения Туруновка 4, удревнила нижнюю границу саргатской культуры для территории Барабы до VII–VI вв. до н.э., тем самым уточнив общую хронологическую позицию саргатских древностей. В поисках истоков, исследователь предположила, что в формировании саргатской культуры, участвовало кочевое население Северного Казахстана [1982]. Несколько позднее, она откорректировала свою точку зрения, преположив, что саргатская культура складывается одновременно на всем ареале ее распространения. По мнению, Н.В. Полосьмак, в Барабе саргатская культура формируется в результате синтеза местной ирменской и пришлой саргаринской культур, в Среднем Прииртышье – на основе среднеиртышского варианта ирменской культуры, в

Зауралье – в результате взаимодействия на юге региона межовской и алексеевско-саргаринской культур [1987, с. 92-93].

В.И. Молодин высказал предположение, что на территории Барабы в сложении культуры приняли участие потомки межовско-березовского населения, мигрировавшие в данные районы в VII–VI вв. до н.э. [Молодин, 1985, с. 175].

В это же время появляется гипотеза о том, что саргатская культура сформировалась на территории Прииртышья и частично Приишимья на базе местных андронидных культур при участии северного населения. А.Я. Труфанов, исключая пришлый компонент в формировании культуры, придерживается данного мнения только для территории Барабы и лесостепного Прииртышья. В лесном Прииртышье и лесостепном Приишимье (где нет ирменских памятников), по мнению исследователя, саргатская культура формируется на основе сузгунской; об этом, свидетельствуют факты сосуществования позднесузгунской и саргатской керамики [1986, с. 61]. В.И. Матюченко также полагает, что формирование саргатской культуры шло на ирменской и сузгунской основе [1991, с. 14-15].

А.В. Матвеев предложил гипотезу о формировании саргатской культуры в Барабе и, возможно, в Прииртышье на позднеирменской основе и дальнейшем ее распространении на соседние территории, так как, по мнению автора, только памятники Барабинской лесостепи дают переходные поздеирменско-саргатские материалы [1988, с. 56–65; 1993, с. 134]. Вслед за А.В. Матвеевым данную гипотезу поддержала Н.П. Матвеева. По мнению исследователя в результате раскопок поселения Туруновка 4 и ряда других памятников в Прииртышье нижнюю границу саргатской культуры можно без сомнения определять в рамках VII в. до н.э. [Матвеева, 1993, с. 150].

В.А. Могильников вслед за исследователями, так же предполагает, что в сложении саргатской культуры Прииртышья и Барабы принимали участие носители ирменской культуры. В тоже время, ученый отмечает, что

ирменский компонент более выражен в Барабе, позднесузгунский присутствовал в Барабе и Приишимье, но в основном в Прииртышье. И третий компонент, участвующий по его мнению в сложении культуры, следует искать на юге в материалах саргаринской культуры [Могильников, 1991, с. 9-10].

Л.Н. Корякова признает в качестве субстратного, участие ирменского населения в формировании саргатской культуры [1988, с. 161], а суперстратным считает – южные кочевые племена. Исследователь полагает, что саргатская культура – это многокомпонентное образование [1991б, с.7].

Появлению саргатского населения в Притобольском регионе, большинство исследователей связывает с миграцией саргатских групп с восточных территорий.

Первыми высказали мысль, что саргатские древности не являются на данной территории автохтонным образованием В.Е. Стоянов и В.А. Могильников, отнеся их появление здесь к последним векам до н.э. [Стоянов, 1970, с. 253; Могильников, 1972, с. 66-86]. Самые ранние поселения и могильники саргатской культуры, по мнению Н.П. Матвеевой, датируются в Среднем Притоболье концом V–IV вв. до н.э. [1993, с. 150]. Л.Н. Корякова датировала саргатскую культуру на западе ареала VI–III в. до н.э. [1981, с. 103-107].

Несколько иную точку зрения высказали В.А. Зах и Е.М. Зах, на основе анализа керамических комплексов городища Калачик 1 (третья группа посуды) полагали, что керамика складывающейся в Нижнем Притоболье саргатской общности, как и на Среднем Тоболе, сохраняет традиции предшествующей баитовской культуры [1994, с. 44].

На сегодняшний день, в ученой среде наиболее популярна точка зрения о полиэтничном характере происхождения саргатской культуры [Цембалюк, 2004]. Ведущая роль в формировании саргатской культуры, отводится мигрировавшему с территорий расположенных южнее или юго-западнее

Барабы ираноязычному населению [Смирнов, 1964, с. 379; Могильников, 1981, с. 101; 1997, с. 26; Корякова, 1988, с. 169; Матющенко, 1991; Матвеева, 2000; Таиров, 2009, с. 175]. Данная гипотеза была подтверждена и антропологическим данными [Багашев 2000, с. 371]. Следует отметить, что проводимые в последние годы на территории Барабы палеогенетические исследования также подтверждают данный тезис [Мультидисциплинарные исследования..., 2013, с. 185-187]

В этот период (80-е гг.) окончательно снимается рассмотрение «ивановско-баитовского» вопроса. Этому способствовало появление новых материалов с памятников таежного Прииртышья, соотносимых ранее с территорией распространения «ивановско-баитовских» древностей. А.Я. Труфановым исследуется городище Ямсыса VII [1984]. Проанализировав полученные материалы, им были выделены два типа керамических комплексов: первый, это журавлевский тип, датирующийся переходным временем от бронзового века к железному и второй – богочановский тип раннего железного века [1987, с. 129].

В результате детального анализа материалов Богочановского городища и сравнения керамических комплексов памятников лесного Прииртышья между собой, исследователи отметили своеобразие богочановских древностей. Прежде всего, оно заключалось в морфологических и орнаментальных характеристиках посуды, которые в совокупности отличали ее от синхронных образований сопредельных территорий. На этом основании было предложено выделить особую богочановской культуру, датировав ее VI–V – III–II вв. до н.э. Основой для сложения богочановской культуры, по мнению коллектива исследователей, выступили местные позднебронзовые сузгунские древности. Тогда же был реконструирован и ареал культуры, занимавшей лесное Прииртышье [Могильников, Данченко, Труфанов, 1991, с. 217]. Выделение новой археологической культуры не вызвало оживленных

дискуссий в научной среде и привело к упорядочиванию материалов Прииртышского региона.

К этому времени уже были детально обобщены и описаны баитовские древности, объединенные в отдельную баитовскую культуру. Таким образом, выделение двух культур – богочановской в Прииртышье и баитовской в Притоболье, имеющих разные генетические основы, позволило отказаться от термина «памятники ивановско-баитовского типа» [Там же, с. 218].

Финальный аккорд в решении данного вопроса поставил Е.М. Данченко. Исследователь, детально рассмотрев все имеющиеся материалы по раннему железному веку Прииртышья и предтаежного Приишимья, пришел к следующему выводу, что в начале раннего железного века в южно-таежном Прииртышье формируется богочановская культура [1991], тем самым подтвердив тезис о существовании на данной территории особой (отдельной) археологической культуры. В результате этих исследований окончательно, исключаются из ареала распространения баитовских памятников, северные территории южно-таежного Прииртышья и Приишимья.

В 80-е гг. идет активное изучение материалов иткульской культуры. В это время особый интерес в ученой среде вызывают вопросы происхождения иткульских древностей. Коллектив свердловских ученых: Г.В. Бельтикова, В.А. Борзунов, Л.Н. Корякова, полагают, что появлению иткульской культуры способствовало разделение одного родственного коллектива на разно специализированные группы. Основой этого разделения, по их мнению, выступает производственно-экономический принцип. Одна группа – иткульская – выделилась в обособленный коллектив – металлургов. При этом они поддерживали тесные связи с соседями, с носиловскими и воробьевскими родственными им группами, которые, вероятно, снабжали их продуктами животноводства [1991, с. 109]. В дальнейшем данную идею, продолжил развивать один из авторов. В.А. Борзунов предположил, что «культуры раннего железного века Зауралья и Притоболья формировались на

разной основе, межовской и бархатовской, в результате деления первичных этносов по производственному принципу». Он полагал, что хозяйство у всех групп носило комплексный характер, при доминировании какой-то одной или двух отраслей. Кочевым скотоводством занимались носители гороховской культуры; полукочевым и отгонным – население гафурийской, носиловской и баитовской культур; металлургией и частично оседлым скотоводством и охотой – иткульские коллективы; оседлым скотоводством и охотой – воробьевские группы [1992, с. 100].

А.Ф. Шорин, основываясь на сходстве в морфологии сосудов, техниках нанесения элементов орнамента, канонов украшения посуды, полагает, что истоки иткульских, гороховских и гафурийских древностей следует искать в межовско-березовских материалах эпохи поздней бронзы Среднего Зауралья. Автор также не исключает участия в их формировании и других компонентов, при этом, не конкретизируя каких именно [1991, с. 32-33].

М.Ф. Обыденнов также считает, что иткульская культура сложилась на межовской основе, при этом он более конкретно называет «другие компоненты», участвующие в ее формировании, а именно гамаюнскую культуру [1996, с. 60].

По вопросу об исторической судьбе иткульских коллективов, Л.Н. Корякова полагает, что с прекращением функционирования иткульского металлургического очага, традиции иткульской культуры не прекратили своего существования, а нашли отражение в кашинских и прыговских материалах Зауралья [1997, с. 152]. А.А. Ковригин и С.В. Шарапова поддерживают гипотезу Л.Н. Коряковой. Исследователи, на основе анализа материалов, полученных с памятников среднего течения р. Туры, обосновывают, что в кашинской культуре более четко прослеживается иткульский компонент, выразившийся в отдельных элементах орнамента кашинской керамики и примесью талька в керамическом тесте [1998, с. 68].

Принципиально важный вклад в разработку иткульской проблематики внесли исследования В.А. Заха и О.Ю. Зиминной.

В 80-е гг. XX в. В.А. Захом на территории Нижнего Притоболья велись активные археологические исследования, в результате которых в междуречье Тапа и Тобола было открыто несколько обширных городищ с кольцевой планировкой (Карагай Аул 1, 4, Вак-Кур 2 и др.). Уже первые полученные с них материалы, позволили высказать предположение о своеобразии культурно-исторических процессов, протекавших в переходное время от бронзового века к железному, в подтаежной зоне Притоболья [Зах В.А., Зах Е.М., 1993, с. 61-62].

В 2000-х гг. исследования городищ были продолжены В.А. Захом и О.Ю. Зиминной. Была предложена гипотеза, в соответствии с которой памятники такого типа отнесли к восточному локальному варианту иткульской культуры. В процессе исследования развития восточного варианта иткульской культуры, авторами было выделено три этапа: иткульский, датированный концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э., карагай-аульский, хронологические рамки которого определяются второй половиной VII в. до н.э. и вак-куровский этап – VI в. до н.э. [Зах, Зимина, 2004; 2009; Зимина, 2004а, с. 49; 2004б, с. 203]. Основанием для выделения восточного варианта иткульской культуры послужило в первую очередь отсутствие на Притобольских памятниках посуды первого типа, наличие обширных круговых поселений и наземных жилищ без котлованов. В то же время полное совпадение технологических, морфологических и орнаментальных признаков иткульской керамики на всем ареале культуры не позволяют рассматривать притобольские материалы как отдельную самостоятельную археологическую культуру [Зимина, Зах, 2009, с. 181-193].

Происхождение древностей восточного варианта иткульской культуры исследователи связывают с двумя компонентами – бархатовским автохтонным и пришлым гамаюнским, синтез которых отражен в материалах

городища Усть-Утяк 1 [Там же, с. 196-197]. Датируются материалы восточного варианта иткульской культуры в рамках конца VIII – начала VII–VI вв. до н.э. [Там же, с. 202].

Исследователи вышеописанных комплексов расходятся во мнениях по поводу исторических судеб носителей восточного варианта иткульской культуры. Выделяя в ее рамках специфические «лесные» баитовские комплексы, В.А. Зах считает их переходными от иткульской культуры к баитовской, принадлежащими к заключительному этапу культуры [Там же, с. 204-205].

О.Ю. Зими́на, полагает, что баитовские комплексы синхронны вак-куровскому этапу иткульской культуры. «Под воздействием лесостепных баитовских групп ареал иткульской культуры начинает сокращаться, ограничиваясь на заключительном (вак-куровском) этапе, только Нижним Притобольем. Уже на этом этапе происходит трансформация материальной культуры иткульского населения, отдельные элементы которой продолжали сохраняться в последующих «лесных» баитовских комплексах довольно непродолжительное время» [Зими́на, 2006, с.19].

Вместе с изучением носиловских и иткульских комплексов идет активное исследование воробьевских и гороховских памятников Зауралья.

А.Ф. Шорин считает, что формирование гороховской культуры происходит на межовско-березовской основе. По его мнению, березовский и гороховской комплексы сближают: сходство в погребальном обряде, ряд общих черт в морфологических и орнаментальных характеристиках посуды, частичное совпадение ареалов. При этом исследователь отмечает, что возникает проблема в хронологической стыковке данных материалов и предлагает характеризовать возникшую временную лауну VII–V в. до н.э., как процесс трансформации межовско-березовских традиций в комплексы раннего железного века [1991, с. 32-33; 1996, с. 22].

Н.П. Матвеева полагает, что к гороховской культуре следует относить памятники айского, воробьевского и собственно гороховского типа. Первые, исследователь локализует на территории Северо-Восточной Башкирии, вторые – лесного и лесостепного Зауралья. При этом воробьевские материалы, исследовательница предлагает считать переходным звеном от поздней бронзы к гороховской культуре в рамках ее раннего этапа, датируя его VII–V вв. до н.э. Основой для объединения воробьевских и гороховских памятников является полное совпадение ареалов, схожесть домостроительных традиций и керамических комплексов. Н.П. Матвеева, поддерживая точку зрения А.Ф. Шорина, считает, что истоки происхождения гороховской культуры, следует искать в межовско-березовских материалах эпохи поздней бронзы южно-лесных районов Среднего Зауралья [1991а; 1991б; 1995; 1996].

Признает участие носителей межовской культуры в происхождении гороховской культуры и М.Ф. Обыденов, отмечая также, что, по всей видимости, в формировании уральского гороховского населения приняли участие еще гамаюнские и иткульские племена [1996, с. 58; 1997, с. 62, 153].

Л.Н. Корякова и В.А. Могильников считают, что большое влияние на формирование гороховской культуры оказали южные и юго-западные кочевые индоиранские племена, проникавшие в V в. до н.э. на территорию западносибирской лесостепи. Прежде всего, это отразилось в погребальном ритуале, конструкции могильных ям и инвентаре [Корякова, 1991а, с. 32; Могильников, 1992, с. 308].

В пользу гипотезы о двухкомпонентности населения гороховской культуры, свидетельствуют и антропологические данные, по которым один компонент, участвующий в формировании антропологического типа гороховского населения, местного происхождения, а второй связан с савроматскими и сарматскими популяциями Южного Урала [Багашев, 1996, с. 27].

А.Д. Таиров предложил свою схему происхождения гороховского населения, считая, что в нем «приняло участие три компонента: первый, и основной, – лесостепное население, принадлежавшее исетской общности, но имевшее саргаринско-межовские корни и оставившее памятники воробьевского типа; второй – кочевники Южного Зауралья ((бобровско-тасмолинские группы, вытесненные из степей Южного Зауралья) [Таиров, 2009, с. 175]), освоившие в VII–VI вв. до н.э. южную лесостепь (южнее Миасса), а в конце VI – начале V вв. до н.э. по разным причинам проникавшие и в северную лесостепь; третий – передвинувшиеся под влиянием исторических событий конца VI – начала V вв. до н.э., происходивших в Средней Азии, и осевшие в лесостепи кочевые группы из Приаралья» [Таиров, 2002, с. 159-160; 2009, с. 175].

Иной точки зрения придерживается Н.В. Полосьмак, полагая, что не правомерно выделять гороховские древности в отдельную археологическую культуру. Она рассматривает их в рамках локального варианта саргатской культуры [1987, с. 97-101]. Н.С. Савельев также считает, что гороховскую культуру не следует рассматривать как самостоятельное культурное образование и предлагает считать гороховские древности постмежовским культурным типом [1998, с. 72].

Данные точки зрения не были поддержаны исследователями [Могильников, 1989, с. 73; Матвеева, 1996, с. 88-89].

В 80-е гг. активным исследованием памятников раннего железного века Тоболо-Ишимского междуречья занимается Н. П. Матвеева. Основным направлением ее работы являлось изучение материалов культур раннего железного века: саргатской, гороховской и баитовской.

Исследователь поставила под сомнение существование отдельной баитовской культуры, основным критерием для выделения которой к тому времени, оставались материалы всего двух памятников с баитовским слоем, содержащим комплекс сооружений и керамику – это Лихачевское городище

на р. Ишиме и Носиловское 2 поселение в Среднем Притоболье, а также материалы, собранные в результате разведочных работ. В поисках решения баитовской проблематики Н.П. Матвеевой в Притоболье исследуются раскопками следующие памятники, содержащие баитовские материалы. Однослойное поселение Ботники 1а [Матвеева, Отчет... 1983, 1985, 1987], многослойные памятники с баитовским слоем Рафайловского городище [Матвеева, Отчет... 1982, 1985], поселения Рафайловское 2 [Матвеева, Отчет... 1984], Верхне-Ингальский борок 1 [Матвеева, Отчет... 1982]. Также Н.П. Матвеевой были обработаны баитовские материалы, вычлененные типологически из состава коллекций многослойных поселений: Язево 1, раскопанного Т.М. Потемкиной в 1968-1971 гг. [1985]; Речкино 1, исследованного В.Е. Стояновым в 1961, 1963 гг. и Носиловского 2 [Стоянов, 1975]. Проанализировав совокупность полученных данных Н.П. Матвеева, подтвердила тезис о существовании отдельной баитовской культуры, раздел о которой вошел в ее диссертационное исследование «Ранний железный век Среднего Притоболья» [1987б]. Н.П. Матвеева не согласилась с выделением лихачевского, баитовского и носиловского локальных вариантов. Близкая похожесть морфологических и орнаментальных характеристик керамических комплексов, домостроительных традиций при отсутствии погребений, по мнению исследователя, позволяет объединить локальные варианты в одну баитовскую культуру [1989, с. 97].

Л.Н. Корякова придерживается первоначальной точки зрения. На ее взгляд отсутствие ямочно-накольчатых орнаментов, большой процент оттисков гребенчатого штампа на носиловской керамике не позволяют считать эти комплексы однокультурными. Исследователь носиловские древности соотносит с территориями Среднего Тобола, Средней и Нижней Исети. Ареал баитовских памятников Л.Н. Корякова, ограничивает междуречьем Тобола и Ишима, бассейном р. Ишим [1991а, с. 24-25].

В.А. Могильников в обобщающей статье по раннему железному веку лесостепи Западной Сибири, также признает правомерность выделения баитовской культуры. Считая, что сходство керамических комплексов и конструкций жилищ носиловских и баитовских памятников, свидетельствует об их однокультурности, в рамках локальных вариантов культуры [Могильников, 1992, с. 275].

Позднее, основываясь на результаты статистического и типологического анализа керамических комплексов баитовских поселений, данная гипотеза была поддержана и дополнительно аргументирована в работе С.В. Шараповой, также различающей указанные типы керамики [2004, с. 123-134].

Раскопки однослойных городищ Боровушка 2, Большой Имбиряй 3, Бочанецкого, поселения Чепкуль 8б и ряда других, вновь позволили обратиться к решению вопроса о выделении вариантов в баитовской культуре. Так отмеченные ранее локальные различия типов жилищ у носилового и баитовского населения не подтвердились. Сегодня на территории Притоболья изучены наземные (городище Боровушка 2, поселение Дачное 1) и полужемляночные (городища Большой Имбиряй 3, Бочанецкое, и т.д.) жилые сооружения, в которых фиксируется керамика и с ямочно-ребенчатой (носиловская), и с ямочно-накольчатой (баитовская) орнаментацией не разделяющаяся стратиграфически [Цембалюк, 2008а, с. 178; Цембалюк, 2009б, с. 61].

В целом, исследователи видят в основе сложения баитовской культуры – бархатовскую культуру эпохи поздней бронзы, но по-разному рассматривают механизмы трансформации одной культуры в другую. Так, Л.Н. Корякова выделяет несколько линий развития, «связанных с различными генерациями и проявляющих себя в различных типах керамики» [1991а, с. 26]. Первая линия, ведущая на предсаргатском этапе, объединяет иткульские, воробьевские, зеленомысские, носиловские и частично

баитовские памятники. Вслед за Г.И. Бельтиковой, считает, что ее появлению «способствовало разделение межовско-бархатовской субстратной основы путем сегментации общин на принципах разделения труда» [1991а, с. 27] Вторая линия, которая, по мнению Л.Н. Коряковой, связана с баитовскими древностями и формируется на сузгунско-бархатовской основе [Там же, с. 27-28].

Н.П. Матвеева, А.В. Матвеев и О.М. Аношко считают, что баитовские комплексы Притоболья складываются в результате непосредственной трансформации бархатовской культуры [Матвеева, 1989, с. 97-98; Матвеев, Аношко, Агишева, 2005, с. 78-79; Матвеев, Аношко, 2009, с. 340-355]. А.В. Матвеев и О.М. Аношко предлагают выделить в бархатовской культуре еще один, заключительный этап, куда будут включены памятники, с переходными бархатовско-баитовскими керамическими комплексами. По мнению исследователей, к таким переходным бархатовско-баитовским комплексам можно отнести поселение Ук 3 (раскоп 2) и поселение Заводоуковское 9 [Матвеев, Аношко, 2009, с. 120].

Н.П. Матвеева отнесла к поздним бархатовским комплексам материалы Красногорского и Коловского городищ, поселений Язево I, Ново-Шадрино 2, Поспелово I [1989, с. 97].

Другое мнение о генезисе баитовской культуры высказывает В.А. Зах. Он считает, что процесс перехода от бархатовской культуры к баитовской не был прямолинеен и включал несколько этапов. Первоначально на территории Притоболья в результате взаимодействия местных бархатовских коллективов и пришлого населения гамаюнской культуры формируется восточный вариант иткульской культуры. По мнению исследователя, это взаимодействие отражают материалы городища Усть-Утяк-1, расположенного южнее г. Кургана. На памятнике выявлены как собственно бархатовские и гамаюнские, так и смешанные комплексы. Далее, в ходе постепенной ассимиляции бархатовскими коллективами гамаюнских,

происходит полное изживание традиций последних. Динамику этого процесса можно наблюдать, по мнению В.А. Заха, в развитии восточного варианта иткульской культуры, уже на втором, карагай-аульском этапе в котором наряду с иткульской посудой отмечается керамика с орнаментацией, близкой к бархатовской и баитовской. В.А. Зах полагает, таким образом, складываются «лесные» баитовские комплексы, ставшие основой формирования баитовской культуры [Зах, 2007].

Таким образом, к настоящему времени для территории Притоболья сформулировано две рабочих гипотезы происхождения баитовской культуры. Одна предложена А.В. Матвеевым и О.М. Аношко, другая В.А. Захом [Цембалюк, 2008б].

Изучая материальную культуру раннего железного века Зауралья, археологов-исследователей естественно интересует вопрос о направлении связей и механизмах взаимодействия древних коллективов между собой.

Г.В. Бельтикова, В.А. Борзунов, Л.Н. Корякова рассматривая направление связей иткульских коллективов, считают, что они поддерживали тесную экономическую связь с соседними им группами, носилковскими и воробьевскими [1991, с. 109]. Л.Н. Корякова синхронизируя время существования носилковских, баитовских, воробьевских, иткульских и гороховских культур, предполагает и наличие между ними тесного взаимодействия. Случаи совместного залегания носилковской, воробьевской и иткульской керамики отмечены ей на поселении Дуван 11, носилковской и гороховской на поселении Рафайлово 2 [1991а, с. 24-25]. В.А. Могильников, особенности орнаментации носилковской керамики, связывает с влиянием в результате взаимодействия носилковского населения с иткульским [Могильников, 1992, с. 280].

Ряд исследователей отмечает наличие тесных связей баитовского населения с воробьевским [Матвеева, 1991, с. 159; Корякова, 1991а, с. 24-25; Могильников, 1992, с. 280; Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011, с.

107]. Н.П. Матвеева даже полагает, что разнокультурное население (баитовское и воробьевское) проживало в Притоболье чрезполосно [1991а, с. 159].

Дополнительных уточнений, в том числе с применением результатов радиоуглеродного датирования, требует хронология баитовской культуры.

В.Е. Стоянов, на основе систематизации памятников, расположенных между Уралом и Иртышом, датировал носиловские комплексы на территории Средней и Нижней Исети и Среднем Тоболе – VII–VI вв. до н.э, а баитовские, соотнося их с Тоболо-Ишимским междуречьем – VII–IV вв. до н.э. [1970, с. 240, 242]. В целом, с предложенными им хронологическими границами существования баитовских и носиловских комплексов, в рамках единой баитовской культуры, согласились и другие исследователи.

Н.П. Матвеева, отмечая, что на тот промежуток времени, археологии располагали недостаточным количеством вещей для определения абсолютной и относительной хронологии культуры, в своих датировках опиралась на присутствие в баитовских памятниках материалов других культурных образований. Исследователь полагает, что присутствие в ряде баитовских комплексов гамаюнской (Носиловское 2 поселение) или подражающей ей (Рафайлово 2, Верхне-Ингальский борок I, Караульная гора), а также красноозерской (Карьковское 1, 2) керамики конца бронзового века позволяет определять нижнюю границу существования баитовской культуры концом VIII–VII вв. до н.э. [Матвеева, 1989, с. 98-99]. Начальную дату сосуществования гамаюнская и баитовская культур, по ее мнению, можно отнести к VII–VI вв. до н.э. Это подтверждают находки бронзовых кельтов с валиковым орнаментом и перегородкой во втулке из баитовского жилища № 3 Лихачевского городища и из кургана Крутое Озеро в Приишимье, датирующихся VII–IV вв. до н.э.. Косвенным подтверждением этой даты, считает Н.П. Матвеева, может служить находка на Носиловском 2 поселении, в позднем слое, перекрывающем баитовский, медного ножа без

выделенной рукояти, датирующегося VII–VI вв. до н.э. Верхнюю хронологическую границу байтовской культуры Н.П. Матвеева определяет концом V – началом IV вв. до н.э. [Матвеева, 1995, с. 78-79].

Решение проблемы периодизации байтовских древностей стало возможным благодаря раскопкам байтовских городищ Боровушка 2, Большой Имбиряй 3 и Бочанецкого, поселений Чепкуль 8б, Устюг 2. Проанализировав вновь полученные материалы и сравнив их с прежними, Н.П. Матвеева и автор данной работы предложили гипотезу о дифференциации байтовских древностей, ранее хронологически не разделявшихся [Матвеева, Цембалюк, 2010; Цембалюк, 2010в]. По инвентарю и данным радиоуглеродного анализа ранний этап байтовской культуры был датирован ими второй четвертью I тыс. до н.э., концом VII–VI вв. до н.э., поздний в пределах V – нач. IV вв. до н.э., т.е. временем распространения в Тоболо-Ишимском междуречье памятников гороховской и саргатской культур [Матвеева, Цембалюк, 2010, с. 11-12].

Вопрос об исторических судьбах байтовской культуры также далек от окончательного решения. Исследователи связывают исчезновение байтовского населения с продвижением на территорию Тоболо-Ишимья носителей саргатской и гороховской культур. По мнению Н.П. Матвеевой, продвижение саргатских племен в конце V–начале IV вв. до н.э. в Тоболо-Ишимское междуречье привело к ассимиляции здесь части байтовского населения [Матвеева, 1989, с. 100]. Оставшаяся популяция, возможно, была оттеснена на север, в южную тайгу (в низовья Тобола, Вагая и Ишима), выступив в качестве основы формирования кашинской культуры [Матвеева, 1989, с. 98-99; 1994, с. 9-11]. С этим соглашаются А.А. Ковригин и С.В. Шарапова, которые считают, что кашинская культура складывается в результате мощного саргатского воздействия на неоднородную местную среду, одним из компонентов которой, возможно не основным, были популяции, оставившие северо-западную (туринскую) группу байтовских

памятников. Второй компонент авторы связывают с иткульской культурой [Ковригин, Шарапова, 1998, с. 68].

На наш взгляд, накопленный к настоящему времени археологический материал, позволяет не сомневаться в выделении и существовании отдельной археологической культуры – баитовской. Несмотря на многолетнее исследование памятников, содержащих баитовские материалы, к настоящему моменту остро дискуссионными остаются вопросы происхождения баитовского населения, взаимодействия с окружающими инокультурными коллективами и в целом ее роль в культурно-исторических процессах, протекавших в начале раннего железного века в Притоболье. На наш взгляд, важным в изучении древностей баитовской культуры явилось то, что сопоставление новых и ранее полученных материалов, позволило рассматривать культуру не с позиций статики, а наметить периодизационную схему, позволяющую проследить не только динамику развития культуры, но и наполнить ее новым содержанием. В тоже время многие вопросы баитовской культуры остаются практически не исследованными. Одним из таких является отсутствие данных по погребальному обряду.

Таким образом, на основе обзора литературы можно констатировать, что изучение баитовских древностей шло неравномерно. Первый этап 40–70-е гг. XX в. ознаменовался выделением носиловских и баитовских древностей и объединением их в одну баитовскую культуру. На втором этапе 80-е гг. XX в. – начало XXI в. идет активное накопление и осмысление баитовских материалов. Но и в этом периоде можно выделить несколько вех. 80-е гг. ознаменовались целенаправленным изучением баитовских поселений, анализ которых позволил не только подтвердить правильность выделения культуры, но и наполнить ее содержанием. Тогда были описаны основные составляющие археологической культуры (ареал, керамика, жилища и т.д.). К настоящему времени комплексное изучение баитовской культуры Тоболо-

Ишимья, мало продвинулось с конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда были опубликованы работы Н.П. Матвеевой [1989] и Л.Н. Коряковой [1991а].

Следует отметить, что в последнее время затрагивались лишь некоторые аспекты культуры. Например, анализировались керамические комплексы в сопоставлении с материалами синхронных культур, в диссертационной работе С.В. Шараповой, но, к сожалению, результаты практически не опубликованы [2000]. При изучении исторических судеб бархатовского [Матвеев, Аношко, 2009] и иткульского (восточный вариант) населения [Зими́на, Зах, 2009] затрагивался вопрос происхождения баитовских комплексов.

Попытаемся восполнить пробел, посвятив данную работу обобщению, анализу и осмыслению всего корпуса источников по баитовской культуре.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИТОБОЛЯ В НАЧАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Уровень характеристик любой археологической культуры, зависит от полноты источниковой базы, которую составляют материальные остатки. Чем полнее и разнообразнее источниковый фонд, тем больше возможностей для реконструкции облика культуры. На наш взгляд, современный уровень состояния источниковой базы по археологическим культурам раннего железного века Зауралья, позволяет нам, в полной мере охарактеризовать культуру байтовских обитателей территории Притоболя этого периода. В том числе очертить территорию распространения байтовских древностей, с учетом ареалов соседних синхронных культурных образований, наметить особенности расселения и реконструировать основные элементы системы жизнеобеспечения. Для решения поставленных целей, мы обладаем всем необходимым корпусом источников: для определения границ ареала, реконструкции и выявления особенностей системы расселения – данными о современной физико-географической ситуации региона, геоморфологическом и территориальном расположении байтовских памятников. Реконструкция среды обитания байтовского населения основывается на результатах палинологических исследований. С целью классификации поселенческих комплексов и определения их типов, мы обладаем сведениями о планировочной структуре поселений (на основе топопланов памятников). В основу изучения домостроительных традиций и оборонного зодчества легли сведения о раскопанных жилых и фортификационных сооружениях. На основе сравнительно – типологического, статистического и технологического анализов проведено

описание керамических комплексов. Реконструкция хозяйственной деятельности, стала возможной, благодаря результатам палеозоологических определений, анализу инвентарного набора в совокупности, с проведенными по нему, данными трасологии.

2.1. Физико-географическая характеристика Притоболья

В физико-географическом отношении исследуемая территория делится на три подзоны – подтайгу, северную и типичную (южную) лесостепь (рис. 1). Основная масса байтовских памятников расположена в границах двух первых подзон. Их климатические условия близки между собой и характеризуются более благоприятными летними температурами. Климат в эти подзонах тёплый и удовлетворительно увлажнённый. Весной и в начале лета обычны заморозки, также летом периодически отмечается засуха. Климат типичной лесостепи немного теплее, в связи с небольшим количеством осадков увлажнение недостаточное, что приводит к усилению засушливости [Каретин, 1990, с. 29-30, 261, 265].

Основная часть лесостепи лежит в пределах Тоболо - Ишимского междуречья на Ишимской равнине, занимая её северо-западную окраину. Это довольно плоская, по макрорельефу спокойная равнина со слабо развитой овражно-балочной сетью, имеющая небольшой региональный уклон. Микрорельеф на плоской равнине представлен гривами и увалами, ориентированными в основном с юго-запада на северо-восток. В то время как с севера на юг лесостепную часть пересекают древние ложбины стока –

«мёртвые долины», которые в пересечениях с увалами образуют небольшие цепочки озер по ложбинам [Каретин, 1990, с. 13, 14].

Граница лесостепной зоны на севере проходит в междуречье рек Пышмы и Исети, немного спускаясь по Тоболу, и далее идёт на широте Ялуторовска [Физико-географическое районирование..., 1973, с. 144].

Территория подтайги – Нижнего Притоболья в геоморфологическом отношении представляет собой плоскую и пологоволнистую равнину. Ее поверхность формировалась в процессе озерно-аллювиальных и аллювиальных отложений рек Тавды, Тобола. Северная ее граница проходит по широтному отрезку р. Тавды, далее несколько опускается по долине Тобола на юг, затем идёт на северо-восток, севернее оз. Б. Уват [Физико-географическое районирование..., 1973, с. 126]. По левобережью р. Тобол зона подтайги представлена Тавдинско-Пышминской провинцией [Бакулин, Козин, 1996, с. 100-101]. Переслаивающиеся пески и суглинки здесь слагают вторые надпойменные террасы, протягивающиеся широкой полосой по левобережьям рек Туры и Тобола. Поверхность террас в основном плоская, сильно заболоченная с относительными высотами 15-20 м. Пологоволнистые озерно-аллювиальные равнины с относительными высотами 30-60 м сложены суглинками и супесями [Там же].

Низкие плоские и бугристо-холмистые террасы левобережий Тобола и Пышмы покрыты сосновыми травяными лесами с дерново-подзолистыми песчаными почвами. Основная травянисто-луговая часть находится в поймах рек Туры, Тобола и Пышмы. Дневные поверхности пойм плоские, сегментно-гравистые, с ярко выраженными береговыми валам, с массой озёр – стариц. [Физико-географическое районирование..., 1973, с. 138-139].

По правобережью Тобола, находящемуся на северо-западной окраине Ишимской равнины, зона подтайги представлена Ашлыкской провинцией, на которой в связи с плоским рельефом, сильным увлажнением в ландшафтной структуре широко участвуют болотистые местности: плоских низинных

травяно-моховых и осоковых болот с небольшими островами сосновых и березовых лесов [Бакулин, Козин, 1996, с. 100-101]. В ней только правый берег Тобола, узкие приречные части у рек Ашлык, Вагай, Агитка и Ишим и невысокие гривы на речных террасах достаточно дренированы.

Плоские междуречные равнины сплошь заболочены. Узкие полосы вдоль рек заняты сосновыми травяными лесами на дерново-подзолистых почвах. Относительно дренированные ровные участки покрыты березовыми широколиственными лесами с дерново-подзолистыми, часто многогумусными и серыми речными почвами [Физико-географическое районирование..., 1973, с. 139-141].

Для территории Притоболья как подтаежного, так и лесостепного главной водной артерией является река Тобол с притоками Исеть, Пышма, Емуртла, Вагай. Все эти реки относятся к бассейну реки Иртыш. Вышеперечисленные водные объекты характеризуются спокойным течением, которое развивает небольшие скорости. Русла у них сильно извилистые, поймы широкие, в них находится множеством озер и стариц [Там же, с. 151].

Современный климат в Зауралье характеризуется как континентальный. Основными факторами, влияющими на формирование климата данной территории, считаются преобладание в умеренных широтах западного переноса воздушных масс и влияние континента [Физико-географическое районирование..., 1973, с. 127].

В ландшафтном отношении подзоны различаются. Так для подзоны подтайги характерны осиново-березовые леса, чередующиеся с сосновыми лесами с примесью березы и ели, лугами и болотами [Там же, с. 132]. Наземный покров в таких лесах представлен осоково-разнотравной растительностью, с большим количеством папоротника [Каретин, 1990, с. 32-33]. Сосновые и осиново-березовые травяные леса произрастают на плоских с бугристо-холмистыми формами рельефа песчаных поверхностях террас р. Тавды, Туры, Пышмы, Тобола и Вагая [Физико-географическое

районирование..., 1973, с. 132], где в настоящее время довольно часто встречаются памятники баитовской культуры. На остальной территории преобладают смешанные березово-осиновые леса, залегающие крупными массивами [Каретин, 1990, с. 32-33].

В лесостепной подзоне (северная лесостепь) лесная растительность занимает долины рек Тобола, Вагая, Ишима и их притоков [Физико-географическое районирование..., 1973, с. 156] Около Тобола, Пышмы, Исети на песчаных дюнных отложениях довольно большие площади занимают сосновые леса [Каретин, 1990, с. 33]. Песчаные дюнные всхолмления заняты борами. По всей площади значительно распространены сосново-березовые, березово-сосновые, березовые и осиново-березовые леса [Физико-географическое районирование..., 1973, с. 156-157]. На склонах правобережных надпойменных террас рек Исети, Тобола и Ишима значительные площади занимают сообщества луговых и кустарниковых степей и остепненных лугов [Глазунов, 2000, с. 82].

Начало раннего железного века в Зауралье – конец VII – VI вв. до н.э. приходится на начало субатлантического периода (2500–1900 л.н.). В это время на юге Тоболо-Ишимья окончательно восстанавливаются леса [Зах, Рябогина, 2005, с. 95]. По данным спорово-пыльцевых спектров из разрезов торфяников, для южных и северных территорий рассматриваемого региона отмечаются разные микроклиматические процессы. В интервале около 2600–2500 л.н. для северных районов зафиксировано начало увеличение уровня увлажнения. Это отразилось в последовательных изменения растительности – постепенно восстанавливаются леса, в том числе с участием сосны и редкой примесью ели. Отмечается подвижка подтайги и северной лесостепи к югу. Однако в это же время в южных районах Притоболья в ландшафтах доминировали еще остепненные луга, в связи с дефицитом увлажнения [Там

же]. По данным палиноспектров торфяников и почвенных отложений Зауралья вначале субатлантика в период 2600–2500 л.н. наблюдается увеличение увлажнения, которое на промежутке времени 2500–2300 л.н. сменяется умеренно сухой и прохладной фазой [Иванов, Рябогина, 2004, с. 76; Рябогина, 2004, с. 9-10]. Эти данные подтверждают и результаты спорово-пыльцевого и микробиологического анализа погребенных и современных почв Туро-Пышминского междуречья [Якимов, Рябогина, Иванов и др., 2007а, с. 206-225] и Тоболо-Ишимского междуречья [Якимов, Рябогина, Иванов и др., 2007б, с. 183-185].

Для территории Тоболо-Исетского междуречья, где сосредоточено наибольшее количество байтовских памятников, для начала раннего железного века, реконструируется стабилизации ландшафтно-климатических условий, с небольшим повышением уровня увлажнения. Данное обстоятельство благоприятно отразилось на развитии травянистых сообществ, в которых уменьшается доля полыни и увеличивается количество лугового и степного разнотравья, и развитии на низких террасах березовых лесов [Рябогина, 2003, с. 140].

Характер растительности и климатические условия, формирующие среду обитания байтовского населения в Притоболье, реконструируются с помощью палинологических материалов, полученных при исследовании поселения Чечкино 4 (Прил. 3, рис. 2) и городища Боровушка 2 (конец VII–VI вв. до н.э.) (Прил. 3, рис. 3). Памятники расположены в разных географических подзонах: Боровушка 2 – в лесостепи, Чечкино 4 – в подтайге, что позволяет получить представление об условиях обитания байтовского населения в разных местах ареала.

В палинологических спектрах, полученных из заполнения сооружений городища Боровушка 2 и нижележащих отложений «пола» жилищ, наряду с пылью древесных пород и пылью полыни и лугового разнотравья, отмечено постоянное присутствие пыльцы иван-чая, конопли и крапивы –

типичных рудеральных пионерных растений, появляющихся в первую очередь после вырубок. Спорово-пыльцевые данные из жилища и из основного заполнения культурного слоя практически идентичны. Однако в составе последних отмечена небольшая примесь пыльцы таких сорняков, как цикорий, осот и икотник серый, встречающихся на пастбищах и залежах. По приведенным выше данным можно предположить, что жители после заселения на данном участке, продолжали вести земляные работы и рубку леса. То есть, проще говоря, поселение, либо фортификационные сооружения возводились не одновременно, а сооружались поэтапно. Поселенцы очень сдержанно, вели рубку леса, и их хозяйственная деятельность не значительно отображалась на облике растительных сообществ [Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011, с. 104-106].

Культурные и перекрывающие их отложения двух наземных жилищ городища Боровушка 2 характеризуются доминированием пыльцы древесных пород. Данное обстоятельство, свидетельствует о постоянном произрастании на этом месте лесного массива. Спорово-пыльцевые данные, полученные из культурного слоя, оставленного населением баитовской культуры, характеризуют собой растительность лесостепного разреженного березового леса. Напочвенный покров представлен, вероятно, лугово-лесным разнотравьем, с полынно-разнотравными сообществами, произраставшими видимо на опушке леса и на открытых участках окружающих ее [Там же, с. 106].

Полученные палинологические материалы из баитовского культурного слоя поселения Чечкино 4, расположенного в Нижнем Притоболье [Цембалюк, Зими́на, 2010], позволили реконструировать аналогичную среду обитания баитовского населения, представленную березовым травяным лесом. Вероятно, носители баитовской культуры отдавали предпочтение, строительству поселков в лесном окружении, а не на открытых лугово-степных участках [Цембалюк, Зими́на, Рябогина и др., 2009].

Баитовское население обитало в иных ландшафтных условиях, чем те, в которых памятники находятся сегодня. По палинологическим данным во время функционирования городища Боровушка 2 в его ближайшем окружении не произрастали сосновые леса. Сейчас же памятник окружен сосновым бором, и смешанные сосново-березовые леса характерны для притобольских ландшафтов в настоящее время [Там же; Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2009, с. 106]. Леса в начале раннего железного века представляли собой преимущественно лесостепные березняки и колки, окруженные лугово-степными участками [Якимов, Рябогина, Иванов и др. 2007а, с. 224; Рябогина, Иванов, Цембалюк, 2009, с. 21; Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011, с. 106].

Таким образом, полученные палинологические данные с памятников Притоболья (гор. Боровушка 2, пос. Чечкино 4), свидетельствуют, что носители баитовской культуры для строительства поселений выбирали березовые приречные леса. Хотя для начала – середины I тыс. до н.э. в ландшафтах реконструируется минимальная доля леса [Якимов, Рябогина, Иванов и др., 2007, с. 224; Рябогина, Иванов, Цембалюк, 2009, с. 21]. На наш взгляд, такой выбор был обусловлен более привычными для проживания условиями, в том числе приемлемыми для ведения хозяйства.

2.2. Ареал баитовской культуры и особенности расселения ее носителей

В Притоболье на сегодняшний день насчитывается 109 баитовских памятников. Раскопками исследовано 39 памятников, 70 известно по

разведочным работам (Прил. 1). При создании базы данных нами учитывались все памятники, содержащие байтовскую керамику. При этом в статистике учитывались как памятники, где байтовский комплекс является основным, так и те, где он исчисляется несколькими фрагментами керамики.

Ареал байтовской культуры очерчивался путем картографирования ее памятников. Границы ареала устанавливались с учетом фиксации самых удаленных от центра памятников (Прил. 3, рис. 4).

В результате картографического анализа западная граница ареала байтовской культуры проходит по верхнему течению р. Исети. Здесь байтовские памятники Носиловское 2, Затеченское, Сухрино 1 (северо-западная часть Курганской области) отмечаются наряду с гамаюнскими (каслинско-синарский вариант) [Борзунов, 1992, с. 160, рис. 1]. В восточной части Челябинской области на периферийной территории (восточная граница) основного ареала гамаюнской культуры, исследовано гамаюнское городище Зотинское II, где зафиксирована байтовская керамика [Там же, с. 128]. Городище Зотинское II на данный момент времени является крайним западным памятником, в материалах которого содержится байтовская керамика.

Северо-западная граница локализуется в среднем и нижнем течении р. Ниццы, притока р. Туры. На данной территории байтовская керамика встречена на поселениях Юдинском, Кашинском, Лыжино, основные материалы которых соотносятся с древностями раннего железного века (кашинскими) и средневековыми.

Северный рубеж распространения байтовских древностей проходит в месте впадения Туры в Пышму, где его маркируют такие памятники, как городище Чечкино 1 (Прил. 3, рис. 4; 6–8), поселение Чечкино 4 (Прил. 3, рис. 4; 9), городище Калачик 1, Юртобор 20 и др. Присутствие байтовских групп в низовьях Вагая отмечается по материалам поселения Экстезерье (Прил. 3, рис. 4; 5), находящегося на левом берегу Иртыша рядом с устьем р.

Вагай (Е.М. Данченко оно отнесено к богочановской культуре) [Данченко, 1996, с. 127, рис. 1]. Здесь они соседствовали с населением богочановской культуры, оставившим памятники Старый Погост, Вагай и др. Провести границу между байтовскими и богочановскими памятниками пока сложно в виду слабой археологической изученности региона.

Южный предел распространения байтовской керамики в Притоболье фиксируется по материалам поселений Язево 1, Звериноголовское, Закоулово, которые находятся в южной части Курганской области (Прил. 3, рис. 4). На раскопанном поселении Язево 1, несмотря на значительную исследованную площадь, байтовский керамический комплекс малочислен и выделяется типологически. По всей видимости, южную границу байтовского ареала в Притоболье следует доводить до параллели г. Кургана, а нахождение байтовской керамики на памятниках Язево 1, Звериноголовское, Закоулово 1, 2 свидетельствует о том, что небольшие байтовские группы продвигались вверх по Тоболу [Цембалюк, 2007а; Цембалюк, 2010а].

Восточный рубеж расселения байтовцев, проходит по меридиане г. Заводуковка. Его маркируют поселения Разъезд Криволукский, Сосновка 8, 14, Пономарево 4, 5 и др.

Таким образом, площадь распространения древностей байтовской культуры составляет в среднем около 89 600 кв. км (320 км вдоль русла р. Тобола и около 280 км с запада на восток)

Картографирование поселений показало, что основная их масса сосредоточена в междуречье Тобола и Исети (Прил. 3, рис. 4). Высокая концентрация здесь памятников позволяет предполагать, что данный участок, вероятно, являлся центром ареала байтовской культуры. На данной территории мы фиксируем как кучно-гнездовое, так и рассеянное расположение памятников. В этом месте можно выделить несколько «гнезд» байтовских поселений. На правобережье Исети такое скопление образуют памятники Ботниковского археологического комплекса – Ботники 1а, 1в, 2, 3.

На берегах старичного озера Большой Имбиряй это городища с обширными селищами – Большой Имбиряй 3, Черное, поселения Большой Имбиряй 5, 9, 16. На правом берегу р. Прорвы и берегах расположенного рядом старичного озера скопление образуют городище Боровушка 2, поселения Боровушка 1, 3, комплекс памятников из нескольких городищ и селищ Боровушка 4. В этом же районе находятся Бочанецкое и Коркинское городища. Отдельные поселки тянутся вдоль русла Тобола. Сравнительно немного поселений зафиксировано вверх по течению рек Исети и Туры. В основном они разделены значительными расстояниями и не образуют скоплений.

В целом для баитовской культуры характерен речной тип заселения. Поселения приурочены как к крупным рекам – Тоболу (Карагужевское, Старо-Лыбаевское 1, Увал 4, 5, комплекс памятников Ботники, Воробьевское городище и селище, Носиловское 2, Рафайловское, Слободо-Бешкильское и др.), Исети (Боровое (Шалапино и др.), Иртышу (Экстезерье), Туре (Матуши 2, Дуван, Верхний Бор 2, Курья, Мыс 2, Голышево и др.), так и к их притокам – Большой Ингале (Верхне-Ингальское, Верхне-Ингальский Борок 1, Ингалинка 1, Нижнеингальское 2 и др.), Емуртле (Новошадрино 2, Новошадрино 3, Осеевское 1), Миассу (Дачное 1), Уку (Заводоуковское 9, Ук 3), Язевчику (Язево 1, Закоулово), Крутихе (Речкино 1, 2), Прорве (комплекс памятников Боровушка), Черной (Камышное 2), Ику (Боярка 1), Суери (Высокая грива, Гладунино), Тапу (Юртобор 20), Нице (Юдино, Кашино, Городок) и др. – и старичным озерам – Большой Имбиряй (Большой Имбиряй 3, 5, 9, 16 и Черное), представляющими собой остатки древних русел рек, притоков Тобола.

Несмотря на то, что баитовские группы, при выборе месторасположения поселения, отдавали явное предпочтение приречным территориям, единично ими осваивались и берега озер. Один памятник находится на берегу крупного озера Бочанцево в Среднем Притоболье – городище Бочанецкое [Цембалюк, 2010а] и один на берегу озера Чепкуль в

Туро-Пышминском междуречье – Чепкуль 8б [Зах, Цембалюк, 2009; Древности Андреевской ..., 2014, с. 121].

Таким образом, исходя из анализа ареального расположения баитовских памятников, подтверждается тезис, что носители баитовской культуры проживали на территории Притоболья – лесостепной и подтаежной его частях.

В целом, общее геоморфологическое расположение памятников рассмотрено [Матвеева, 1989, с. 79], в рамках Тоболо-Исетского междуречья [Волков, 2007, с. 101].

Мы уточним условия размещения баитовских поселений на местности с учетом анализа новых материалов. Рассмотрение геоморфологического расположения поселков в обоих природных подзонах, подтвердило, что большинство из них расположено в пойме. Здесь баитовское население предпочитало селиться на территориях с довольно невысокими гипсометрическими отметками – от 1,5 до 8 м. над уровнем воды – это участки грив, дюнных возвышенностей, небольших останцов (Новошадрино 2, Бызово 7, Закоулово 1, Черное 3, Большой Имбиряй 3 и др.). Также баитовским население осваивались первая и вторая надпойменные террасы часто нерасчлененные. В этих местах они строили поселения на краю террас, на низких мысовидных выступах, и на останцах первой надпойменной террасы (Боровое (Шаляпино); Ингалинка 1; Карагужевское; Чечкино 1; Калачик 1; Скородумское и др.). В пределах Туро-Пышминского междуречья (подтайга), баитовским населением осваивались озерные террасы (Чепкуль 8б) [Зах, Цембалюк, 2009; Древности Андреевской..., 2014].

В Тоболо-Исетском междуречье баитовское население в основном сооружало поселки на второй надпойменной террасе, которая практически не заселялась в позднебронзовое время. Исследователи связывают этот факт, как с небольшими климатическими колебаниями (гумидные периоды), так и с увеличением численности населения [Новые памятники..., 2003, с. 151;

Волков, 2007, с. 101-102]. Один баитовские памятник находится на участке с высокой гипсометрической отметкой. Это городище Усть-Терсюкское, расположенное на подтреугольном мысу высотой 42 м, выдающемся в пойму р. Исети [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008, с.85].

В современном ландшафте памятники баитовской культуры приурочены к сосновым борам, находятся и в смешанных, березовых лесах, и в колках. Известны поселения, расположенные на луговых и остепененных участках поверхности.

Таким образом, расположение баитовских поселков обуславливалось близостью к водоему, геоморфологическими особенностями и природными ресурсами местности. Баитовское население выбирало наиболее пригодные для проживания места, оптимальные с точки зрения типа хозяйства и удовлетворяющие жизненно необходимые потребности. Сосредоточение памятников в междуречье Исети и Тобола связано, по всей видимости, с обилием разнотравно-луговой растительности, что позволяло населению при исчерпании ресурсов в данном месте обосновываться рядом, не затрачивая силы на перемещения на большие расстояния. Развитая речная система и равнинный характер территории Притоболья способствовали передвижению баитовских групп.

2.3. Типы поселений и жилищ баитовской культуры

К сожалению, ни одно поселение баитовской культуры не изучено полностью, что не дает возможности в полной мере охарактеризовать систему застройки. Раскопанных однослойных либо хорошо

стратифицированных памятников немного. Большая часть поселений, содержащих баитовские материалы, многослойны. Баитовская керамика на них выделяется типологически, без привязки к сооружениям. Таким образом, при изучении памятника с баитовскими материалами часто возникают сложности в оценке площади поселка, определении хронологической позиции и культурной принадлежности исследованных жилищ, фортификационных сооружений, хозяйственных объектов, столбовых ям, культурной атрибуции инвентарного набора, остеологического комплекса. Кроме того, из-за различных нарушений культурного слоя при распашке (Баитовское 3, Бархато-Заречное 2, Большой Имбиряй 3, Боровушка 2 и др.), разработке карьеров (Бызово 6, Верхне-Ингальский Борок 1 и др.), строительстве автодорог (Скородум 3 и др.) и т.д., невозможно не только определить границы археологического объекта, но и зачастую обнаружить следы каких-либо сооружений на дневной поверхности [Цембалюк, 2009б, с. 57].

Типологически все баитовские памятники представлены поселениями. Погребальные комплексы баитовской культуры не изучены.

В качестве опорных для изучения баитовской культуры мы рассматриваем памятники, с которых получены «чистые» комплексы баитовских артефактов. К таким памятникам мы отнесли однослойное городище Боровушка 2, на котором раскопом площадью 543 кв. м. были исследованы жилые (3 жилища), хозяйственные и оборонительные сооружения. Также собран остеологический комплекс, керамика и инвентарный набор [Цембалюк, 2009а, Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011] (Прил. 3, рис. 4; 10–31). Однослойное поселение Чепкуль 8б, площадь исследований которого составила 1147 кв.м., было изучено 7 сооружений, содержащих баитовские материалы (керамику, инвентарь) [Зах, Цембалюк, 2009; Древности Андреевской..., 2014, с. 121] (Прил. 3, рис. 4; 32–44). Хорошо стратифицированное поселение Устюг 2 (219 кв. м.), получен

значительный керамический комплекс и инвентарный набор [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011] (Прил. 3, рис. 4; 45–52). Поселение Язево 1 (1406 кв.м.) [Потемкина, 1985] (Прил. 3, рис. 4; 53) и Баитовское городище [Отчет, Шарапова, 2000; Habitats et nécropoles... 2002] (Прил. 3, рис.4; 60–66) получены значительные керамические комплексы и инвентарь. Хорошо стратифицированное Носиловское 2 поселение (488 кв.м.), исследованы остатки жилищной застройки, собран инвентарь и керамика [Стоянов, 1975] (Прил. 3, рис. 4; 54–59). Однослойное поселение Ботники 1а, на котором площадью 422 кв.м. изучены жилые, хозяйственные и оборонительные сооружения [Отчет..., Матвеева, 1986; Матвеева. 1989] (Прил. 3, рис. 4; 67–69). Многослойное поселение Рафайлово 2 (134 кв.м.), с которого получен комплекс баитовской керамики [Отчет..., Матвеева, 1986; Матвеева. 1989] (Прил. 3, рис. 4; 70–71). Однослойное городище Большой Имбиряй 3, в ходе раскопок которого (257 кв.м.), исследованы два жилища баитовской культуры, хозяйственные ямы, фортификационные сооружения, получены значительные комплексы керамики и инвентаря [Матвеева, Цембалюк, 2004; 2010] (Прил. 3, рис. 4; 72–83). Хорошо стратифицированное городище Бочанецкое на котором раскопом 234 кв.м. изучены жилые, хозяйственные и оборонительные сооружения, собраны обломки посуды и инвентаря [Отчет..., Цембалюк, 2012; Цембалюк, 2012] (Прил. 3, рис. 4; 84–106). На Усть-Терсюксом городище исследованы остатки оборонительной конструкции и жилого сооружения (72 кв.м.) [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008] (Прил. 3, рис. 4; 107–112).

Серия баитовской керамики и некоторые виды инвентаря происходят со сложно стратифицированного Рафайловского городища [Матвеева и др., 2005] (Прил. 3, рис. 4; 113–114) и однослойного, но почти полностью на настоящий момент времени уничтоженного карьером поселения Верхне-Ингальский борок 1 (108 кв.м.) [Отчет..., Матвеева, 1982] (Прил. 3, рис. 4; 115). Хорошо стратифицированное поселение Чечкино 4, на котором

раскопом площадью 125 кв.м. исследованы байтовские ямы и собрана керамика и некоторые виды инвентаря [Цембалюк, Зимина, Рябогина и др., 2009; Цембалюк, Зимина, 2010] (Прил. 3, рис. 4; 6; 9). В Южном Притоболье, раскопом 144 кв.м. на однослойном поселение Дачное, исследованы остатки наземного жилища, получена байтовская керамика [Отчет..., Шилов, 1997; Шилов, Рябинина, 2006] (Прил. 3, рис. 4; 131–132). Самый поздний байтовский комплекс получен с многослойного городища Калачик 1 (276 кв.м.), и связан с остатками двух сооружений [Зах В.А, Зах Е.М., 1994; Зах, Цембалюк, 2013] (Прил. 3, рис. 4; 116–127).

Таким образом, можем констатировать, что на сегодняшний день из поселений, исследованных раскопками, для изучения материалов байтовской культуры Притоболья мы имеем 6 однослойных памятников, 4 хорошо стратифицированных. Из раскопанных сложно стратифицированных памятников – 29, где получены незначительные керамические комплексы и 70 известны по разведочным сборам.

Байтовские поселения можно разделить на две группы – неукрепленные и укрепленные, первые из них явно доминируют (97 %). По площади байтовские поселения как небольшие (городища Большой Имбиряй 3 – 2,6 тыс. кв.м. (Прил. 3, рис. 72); поселение Носиловское 2 – 3,5 тыс. кв.м. (Прил. 3, рис. 54); городище Калачик 1 – 5,8 тыс. кв.м. (Прил. 3, рис. 116) и др.), так и обширные (поселение Ботники 1а – 18 тыс. кв.м. (Прил. 3, рис. 67); городище Боровушка 2 – 67,6 тыс. кв.м. (Прил. 3, рис. 10); городище Бочанецкое – 74,9 тыс. кв.м. (Прил. 3, рис. 84) и др.).

Наблюдения за насыщенностью находками, цветностью, гумусированностью культурного слоя, планиграфией, стратиграфией поселений привели нас к выводу, что исследованные поселки можно интерпретировать как недолговременные. Об этом свидетельствуют очень слабая плотность находок [Матвеева, 1989, с. 79; Цембалюк, 2010, с. 325]. В среднем на раскопанных байтовских памятниках на 1 кв.м. приходится от

3,6–5,8 (Большой Имбиряй 3 – Боровушка 2) до 10,8–18,5 (Баитовское городище) единицы находок, представленных в основном керамикой. К примеру, на позднебронзовых памятниках Притоболья на 1 кв.м. приходится около 40–50 ед., на саргатских – до 80 находок. Инвентарь и остеологический материал поселений составляют не более 30 % от общего количества находок, и только на двух памятниках – городище Большой Имбиряй 3 и поселении Ботники 1а, на остальных – не более 3 %. Баитовский культурный слой довольно тонок, его мощность в среднем составляет от 0,2 до 0,5–0,7 м, бледно окрашен – в основном это светлые оттенки серого и коричневого цветов, по цветности его практически невозможно отличить от материка. О недолговременности поселков также свидетельствует отсутствие следов перестроек и ремонта жилищ, практически не фиксировались хозяйственные постройки.

Косвенно наши предположения о краткосрочном проживании людей на поселениях подтверждают данные почвоведения*. Маркерами для определения интенсивности антропогенной деятельности на местности является содержание подвижных форм фосфора в почве. Исследования на баитовском городище Большой Имбиряй 3 показали, что их содержание в культурном слое не намного выше, чем в фоновом разрезе [Матвеева, Цембалюк, 2010, с. 7]. Отчасти данный факт можно объяснить промывным режимом супесчаных почв, на которых расположены баитовские поселки. Но, например, на памятниках, расположенных на сходных по механическому составу почвах и по совокупности данных отнесенных исследователями к стационарным поселениям, таких как Ендырские, Барсова Гора [Махонина, Коркина, 2002], Павлиново городище, содержание подвижных форм фосфора заметно отличается от фоновых показателей, превышая последние в десятки и сотни раз [Валдайских, 2003, с. 97-98].

* Исследование выполнено д.б.н. Г.И. Махониной и к.б.н. В.В. Валдайских на кафедре почвоведения УрГУ.

На наш взгляд, большое количество поселений, зафиксированных в Притоболье, можно объяснить не только увеличением количества баитовского населения [Волков, 2007, с. 101], но и, что вероятнее всего, его значительной подвижностью.

Баитовских городищ известно немного. Достоверно к баитовской культуре можно отнести городища Баитовское, Большой Имбиряй 3, Бочанецкое, Боровушка 2. Данный тип памятников можно разделить на хорошо и слабо укрепленные. К поселкам с довольно мощной фортификационной линией – «хорошо укрепленным» мы отнесли Большой Имбиряй 3 (Прил. 3, рис. 72), Баитовское (Прил. 3, рис. 60) и Бочанецкое (Прил. 3, рис. 84), изученные раскопками. Известные по разведкам с укреплениями, которые с большой долей вероятности можно соотнести с баитовскими, – это Слободо-Бешкильское [Археологическое наследие..., 1995, с. 23] (Прил. 3, рис. 128), и Черное 3 [Отчет..., Аношко, 2002].

На городищах Большой Имбиряй 3 и Баитовском оборонительная линия представлена рвом и валом. На Бочанецком городище фортификации состояли из деревянной стены, построенной в технике заплота, дополненной частоколом и рвом. Роль вала играл край песчаного холма, на котором расположен памятник. Описанные выше городища по типу береговые, расположены в 20 м (Большой Имбиряй 3) от старицы р. Тобол и в 300 м (Бочанецкое) от берега озера, овальной формы, с въездами на цитадель в виде перемычек во рву.

Рассмотрим более подробно типы баитовских фортификаций на примере городищ Большой Имбиряй 3 и Бочанецкого.

Вал городища Большой Имбиряй 3 представлял собой насыпь шириной 3 м и высотой 80 см от уровня древней поверхности. Насыпь сложена песком темно-серого цвета, содержащим вкрапления мелких угольков. По форме и размерам можно предположить, что это следы сгоревших бревен от деревянной стены (частокола?) (Прил. 3, рис. 74). Ров, шириной 2,5, м имел

конусовидную форму и глубину около 1,5 м, просуществовал недолго и быстро разрушился, на что указывает заполнение его переотложенным песком с вала (Прил. 3, рис. 74). Оборонительная система возводилась на площади уже обжитого поселка. На хронологический разрыв между строительством фортификаций и жилищной застройки указывают находящиеся под валом ямы, содержащие фрагменты баитовской керамики и кости животных [Матвеева, Цембалюк, 2004; Цембалюк, 2009б, с. 59; Матвеева, Цембалюк, 2010].

На Бочанецком городище в качестве вала выступают естественные границы дюны, на которой оно расположено (Прил. 3, рис. 84, 3). По краю дюны раскопаны две канавки, заполненные супесью темно-серого цвета с вкраплениями углей, углубленные в материк на 0,3 м (Прил. 3, рис. 89–91). По всей видимости, они представляют собой остатки деревянной оборонительной стены, выполненной в технике заплота. Кроме этого, по расположению столбовых ямок можно предположить, что деревянная стена была дополнена частоколом (Прил. 3, рис. 89; 92). Ров неглубокий, около 0,5–0,7 м от уровня материка, шириной около 1,10 м (Прил. 3, рис. 89; 91). В данном случае оборонительные сооружения, вероятнее всего, представляли собой сочетание рва с деревянной стеной, выполненной в технике заплота, дополненной частоколом [Цембалюк, 2010б].

К «слабо укрепленным» поселкам, исследованным раскопками, мы можем отнести пока только одно городище – Боровушка 2. На современной дневной поверхности рвы не прослеживаются, валы довольно расплывчаты – от 0,1 м до 8 м и очень низкие – до 0,3 м (Прил. 3, рис. 10, 3). В разрезе вал большой площадки представлял собой насыпь из серо-коричневой супеси шириной около 2–2,5 м, высотой от уровня древней поверхности не более 0,6 м (Прил.3, рис. 16). В процессе раскопок выявлен ров, не фиксировавшийся на поверхности. В разрезе неглубокий, около 0,25 м, со ступеньками по бокам, шириной 1,5 м, он был заполнен серой супесью с мелкими угольками.

На дне зафиксирована столбовая ямка (возможно, от частокола) (Прил. 3, рис. 16; 17) [Цембалюк, 2009а; Цембалюк, Илюшина, Рябогина, 2011].

На некоторых городищах, пока сложно связать фортификации с баитовской культурой. К таким памятникам мы отнесли городища Коркинское, Скородумское, Юртобор 20 (Прил. 3, рис. 129).

В качестве примеси баитовские материалы присутствуют на укрепленном поселении Рафайловское (Прил. 3, рис. 113), приуроченном к правому берегу р. Исети, оборонительные сооружения которого связаны с саргатской культурой, а также на Носиловском 2 поселении (Прил. 3, рис. 54, 1), фортификации которого оставлены населением гороховской культуры. Не ясна связь оборонительных линий с баитовским комплексом на городище Увал 4, находящемся на правом берегу Тобола [Отчет..., Могильников, 1978].

В целом по представленным материалам, можно проследить изменения в сооружении фортификаций в Притоболье. К началу раннего железного века на территории Тоболо-Ишимья прекращается строительство мысовых городищ с довольно мощными фортификационными линиями, характерных для бархатовского населения эпохи поздней бронзы [Аношко, 2006, с. 13]. Достаточно мощные оборонительные сооружения на заключительном этапе бронзового века фиксируются также по материалам ирменской культуры (мысовые городища Батурино 1, Ивановка 3, Абрашино 1) [Матвеев, Сидоров, 1985, с. 30, 52].

Укрепленные поселения также фиксируются у населения сузгунской культуры позднего бронзового века (Абатское 6, Чудская Гора, Лучкино I) [Потемкина и др., 1995, с. 101; Ткачев, 2003, с. 40-44], и культур переходного времени к раннему железному веку: гамаюнской (Андреевские городища 5 и 7, Зотинское и др.) [Борзунов, 1992, с. 33-41], красноозерской (Инберень 6 и 7, Ефимово 1) [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 103-130; [Матвеев, Горелов,

1993, с. 39], позднеирменской (Чича 1) [Чича – городище..., 2001, 2004, 2009].

Возведение подобных городищ в Тоболо-Ишимье обуславливалось проникновением на эту территорию таежного населения, отношения с которым, по всей видимости, вначале носили враждебный характер. Далее, в переходное от бронзы к железу время, данные группы населения смешиваются, что хорошо отражено в материалах городища Усть-Утяк 1, [Кайдалов, Сечко, 2004, с. 73-76; 2006, с. 76-84]. Это приводит к стабилизации военно-политической обстановки в регионе, прекращается строительство мысовых укрепленных поселков. В переходное от эпохи бронзы к железу время получают распространение слабо укрепленные круговые городища восточного варианта иткульской культуры, фортификационные системы которых вряд ли носили оборонительный характер и, возможно, были связаны с хозяйственными нуждами или какими-то мировоззренческими представлениями [Зими́на, 2005; Цембалюк, 2009б].

В начале раннего железного века военно-политическая обстановка в Тоболо-Ишимье также остается довольно стабильной. Баитовское население продолжает строить слабо укрепленные городища типа Боровушка 2, увеличивается количество неукрепленных поселков. К V в. до н.э., по всей видимости, возрастает военная угроза, связанная с продвижением на территорию Притоболья гороховского и саргатского населения [Стоянов, 1970, с. 253; Могильников, 1972, с. 66-86; Корякова, 1981, с. 103-107; Матвеева, 1989, с. 100; 1993, с. 150; 2000; 2007]: поселения в срочном порядке начинают обносить вкруговую довольно мощной системой укреплений, состоящей из рва и вала, дополненного изгородью (городище Большой Имбиряй 3) [Матвеева, Цембалюк, 2004; 2010], либо из рва и мощной деревянной стены, укрепленной с внутренней стороны частоколом (Бочанецкое) [Цембалюк, 2010б, с. 37].

Возведение оборонительных сооружений на площади уже обжитого поселка, маркируют находки под валом ям с керамикой (в том числе развалы сосудов), костями животных, а также данные палинологических и почвоведческих исследований. В более позднее, саргатское время возобновляется строительство городищ на высоких мысах с одной или несколькими линиями оборонительных сооружений: Ак-Тау [Хабдулина, 1994, с. 31-45], Коловское [Матвеева, Чикунова, Берлина и др., 2004; Коловское городище..., 2008] и др.

По имеющимся данным можно констатировать, что определенной системы застройки при сооружении неукрепленных поселков у баитовского населения не существовало [Цембалюк, 2009б, с. 57]. Некоторые черты упорядоченного возведения строений фиксируются лишь на баитовских городищах [Там же]. Так, на городище Большой Имбиряй 3 с внутренней стороны вала прослеживаются две линии застройки. Первая, состоящая из 8 полуземляночных сооружений, примыкает к валу с внутренней стороны, вторая линия, всего из двух полуземлянок, располагается ближе к центру цитадели, в центре – свободная от застройки площадь (Прил. 3, рис. 72, 3) [Матвеева, Цембалюк, 2004; 2010]. На Бочанецком городище 26 полуземляночных жилищ хаотично расположены с внутренней стороны вала, небольшой участок в центре свободен от застройки (Прил. 3, рис. 84, 3).

Иная структура отмечена на двухплощадочном городище Боровушка 2 (Прил. 3. рис. 10, 3). Можно предположить, что на меньшей площадке, частично разрушенной пашней, в СЗ части памятника, наземные постройки также располагались по кругу вдоль внутренней стороны вала, центр площадки оставался свободным. Внутри большой площадки, находящейся к югу от первой, наземные постройки, различные по формам и размерам, образуют две самостоятельные группы. В южной части площадки это группа небольших, округлых наземных жилищ, которые валообразным возвышением высотой 0,3–0,4 м, расширяющимся от 4 м в юго-восточной

части до 9 м в северо-западной, отделяются от более крупных, подпрямоугольных в плане сооружений, вытянутых цепочкой с юго-востока на северо-запад. Подобные наземные конструкции группируются в северной части укрепленной площадки и отделяются пространственной лакуной шириной 16 м. Причем вдоль основного вала данные группы не разделяются. В ЮВ части около основного вала на площади, отделенной валообразным возвышением, явно фиксируется 6 жилищ, по окружности примыкающих к друг другу, что, возможно, свидетельствует о проживании в них членов одной семьи (рода)? [Цембалюк, 2009а].

На городище Юртобор 20 [Зах, Зимина, 2001, с. 141-142], на основной внутренней укрепленной площадке зафиксировано 9 наземных жилищ, также располагающихся вдоль вала, но, в отличие от вышеописанных городищ, в центре находится приподнятая площадка (размером 17 x 15,5 м), соединенная с основным валом длинной (23 м) насыпью шириной 3,54 м, высотой 0,3-0,5 м, функциональное назначение которой пока остается неизвестным (Прил. 3, рис. 129).

Предположительно к памятникам с круговой планировкой жилищ можно отнести поселение Чепкуль 8б. На нем зафиксирована небольшая свободная от застройки площадка 8,7 x 3,6 м, окруженная пятью наземными сооружениями [Цембалюк, 2009б, с. 57-58] (Прил. 3, рис. 33).

На сегодняшний день полностью или частично раскопано 28 сооружений баитовской культуры. Самое большое количество – 7 жилищ исследовано только на одном памятнике, поселении Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 33; 34), в остальных случаях раскопано по 2–3 постройки.

Классификация баитовских жилищ показала, что они представлены двумя типами: полуземляночные и наземные.

В рельефе наземные постройки представляют собой приподнятые площадки с плоской поверхностью подпрямоугольной или овальной формы (Прил. 3, рис. 130). Высота площадок варьируется от 0,1 до 0,6 м, диаметр –

от 10 до 30 м. На некоторых из них (Юртобор 20 [Зах, Зимина, 2001, с. 141-142], Калачик 1 [Зах В.А., Зах Е.М., 1994, с. 32; Зах, Цембалюк, 2013], Боровушка 2 [Цембалюк, 2009а, с. 118; Цембалюк, Илюшина, Рябогина, 2011] и др.), в центре или около него, фиксируются небольшие ямки, возникшие, видимо, в результате обрушения кровли в процессе археологизации сооружения.

Отмечены постройки наземного типа подпрямоугольной формы с незначительным котлованом в центре и без него, а также окруженные канавками либо ямами-карьерами.

К наземным строениям с котлованом относятся постройки: третья на Носиловском 2 поселении [Стойнов, 1975, с. 119] (Прил. 3, рис. 54, 2), первая на поселении Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 33), вторая и третья на городище Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 12–15); все исследованы частично. На поселении Носиловское 2 и городище Боровушка 2 площадки сооружений ограничены по периметру канавками, на поселении Чепкуль 8б – большими ямами-карьерами, из которых брался грунт для присыпки стен и кровли (Прил. 3, рис. 34).

К наземным без котлована относятся сооружения 2 – 6 на поселении Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 33), первое на городище Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 11), первое и второе на Носиловском 2 поселении (Прил. 3, рис. 54, 2), постройка 1 на Баитовском городище [Habitats et nécropoles..., 2002, p. 184-185, fig. 91] (Прил. 3, рис. 61), первое на поселении Дачное 1 [Шилов, Рябина, 2006, с. 102] (Прил. 3, рис. 132). По внешним признакам они не отличаются от подобных построек с котлованами. Это такие же подпрямоугольные площадки, ограниченные по периметру канавками (Носиловское 2 поселение, поселение Дачное 1, ямами-карьерами (поселение Чепкуль 8б). К наиболее легким по конструкции (возможно, навес или летняя постройка) относится сооружение 1 на городище Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 11), которое реконструируется только по упорядоченно расположенным

столбовым ямкам. Все исследованные наземные баитовские жилища подпрямоугольной формы, однокамерные, площадью до 100 кв.м. [Цембалюк, 2009б, с. 61; Цембалюк, 2009в].

Основной конструктивной особенностью наземных построек является подквадратная форма, фиксируемая в рельефе на уровне материка. При раскопках контуры жилищ прослеживаются по ямкам от столбов и более крупным ямам аморфных форм, канavam. Возможно два объяснения происхождения этих ям. Первое: вероятно, в грунте вырывали яму под столб, а после его установки грунт помещали обратно и утрамбовывали. Второе: микрорельеф у края жилища сформировался после снятия грунта для утепления стен и кровли.

Характерной особенностью жилищ на поселениях, расположенных на песчаных почвах, является плохая сохранность следов конструкций – ямок от столбов и канавок, что не позволяет произвести их полную реконструкцию. Хорошая сохранность постройки с пос. Дачное 1 (Прил. 3, рис. 132) позволила не только описать конструкцию жилища [Отчет..., Шилов, 1996], но и представить ее графически³.

По типу, жилище с поселения Дачное – наземное; форма – округло-подпрямоугольная, фиксируется по ямкам от столбов и канавке, расположенной по периметру жилища. Ямки от столбов каркаса стен расположены как за канавой, так и внутри нее, что затрудняет ее интерпретацию (основание для прислоненных жердей стен или как нар?). В юго-восточной части жилища столбовые ямки не зафиксированы, вероятно, из-за процессов археологизации; полагаем, что стены в этой части жилища имели такое же строение.

Ямки, расположенные по краю котлована и в центре указывают на каркасно-столбовую конструкцию. Стойки каркаса стен соединялись поверх балками, кровля была четырехскатная (по нашему мнению, она опиралась на

³ Графическая реконструкция выполнена С.В. Берлиной.

столбы № 14, 13, 12, 15, 55, образуя практически квадрат над светодымовым отверстием, а не на столбы № 8, 13, 55, 18, по версии авторов раскопок [Отчет..., Шилов, 1996], так как в этом случае образуется неравнобокая трапеция с небольшими пролетами для крепления балок кровли). Выход был оформлен в виде коридора такой же конструкции. Между балками стен и светодымового отверстия расположены наклонные балки кровли. Расстояние между каркасными балками кровли и стен, скорее всего, заполнялось жердями, расколотыми пополам бревнами, ветками. Стены и кровля утеплялись травой и дерном.

Форма стен при каркасном строении могла быть и квадратно-прямоугольной и многоугольной, что и имело место в баитовском домостроительстве, доминирования какой-либо одной формы не отмечается.

Таким образом, наземные постройки, окруженные по периметру ямами-карьерами, были, по всей видимости, каркасно-столбовой конструкции. Каркас стен состоял из вертикально установленных бревен, соединенных поперек балками. Кровля жилища покоилась на стойках; в некоторых жилищах фиксировались ямки, вытянутые в линию, в некоторых ямки образовывали прямоугольник, что позволяет предполагать 2- и 4-скатную кровлю. В целом этот тип сооружений продолжает иткульскую традицию, но в отличие от иткульских баитовские жилища больше по площади и имеют многоугольную форму.

Наземные постройки, ооконтуренные по периметру канавками, по всей видимости, также были каркасно-столбовой конструкции. Вход в таких наземных сооружениях располагался в средней части одной из стен. Он хорошо фиксируется по разомкнутой в этой части канавке, и столбовым ямкам, локализованным по ее бокам, предназначенным, вероятно, для крепления дверей и стен. Каких-либо дополнительных козырьков над входом, по всей видимости, не было. Вход был ориентирован на юго-запад, что отмечено на городище Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 12; 13), поселении

Дачное 1 (Прил. 3, рис. 132); на юго-запад и юго-восток – по материалам Носиловского 2 поселения (Прил. 3, рис. 54). В основном вход был обращен в сторону водоема; возможно, такая ориентировка связана с розой ветров. Данных о конструкции кровли таких сооружений пока нет, но, вероятно, она была одно-двухскатная или плоская, о чем говорит небольшая площадь построек и отсутствие столбов в центре жилищ.

Полуземляночные баитовские жилища делятся на одно- и двухкамерные. К однокамерным полуземлянкам относятся постройки вторая и третья на Баитовском городище [Habitats et nécropoles..., 2002, p.184-185, fig. 91] (Прил. 3, рис. 61), вторая на городище Большой Имбиряй 3 [Матвеева, Цембалюк, 2010, с. 6-7] (Прил. 3, рис. 73; 75), вторая на поселении Ботники 1а [Матвеева, 1989, с. 82, рис. 2] (Прил. 3, рис. 68). Котлованы имели подпрямоугольную форму и небольшую площадь. Дно котлованов неровное чашевидное, к центру наблюдается понижение, что, вероятно, связано с более активной деятельностью в этой части жилища. Двухкамерные полуземляночные сооружения зафиксированы на поселении Ботники 1а – жилища 1 и 3 (Прил. 3, рис. 68) и на городище Большой Имбиряй 3 – жилище 1 (Прил. 3., рис. 73; 75, 2).

Камеры жилища 1 на поселении Ботники 1а небольшие по площади: 13 и 6,5 кв. м соответственно; по всей видимости, обе были жилыми. На поселении Ботники 1а и городище Большой Имбиряй 3 у двухкамерных жилищ 3 и 1 большая камера была жилой, а меньшая по размерам выполняла, видимо, хозяйственные функции, о чем свидетельствует отсутствие очага в ней, большее количество битой керамики и костей животных, ровное дно котлована. Как одно-, так и двухкамерные жилища ориентированы по линии СВ–ЮЗ (Ботники 1а, Большой Имбиряй 3) или СЗ–ЮВ (Баитовское).

Отсутствие четкой системы столбовых ям, их малое количество не позволяют реконструировать данный тип построек. Возможно, стены, так же как и в наземных жилищах, были каркасно-столбовой конструкции.

Отдельные столбы ставились для подпорки кровли, которая, судя по слабоуглубленным котлованам жилищ – до 0,4 м, вероятно, опиралась на стены, а не на края котлована [Цембалюк, 2009б, с. 61-62].

Анализ месторасположение очага и хозяйственных ям в сооружениях, позволяет нам реконструировать организацию жилых и хозяйственных зон в жилищах.

Как в жилищах наземного типа, так и в полуземлянках очаги сооружались в центре помещений и у стен. Обнаружены наземные овальные очаги в виде прокалов (Большой Имбиряй 3 – жилища 1, 2; Носиловское – жилище 1; Баитовское – жилище 2; Ботники 1а – жилище 1) (Прил. 3, рис. 133, 1); наземные, ограниченные незамкнутой овальной (П-образной) канавкой ((Баитовское – жилище 1; Носиловское – жилище 2) (Прил. 3, рис. 133, 2); прямоугольные со скругленными углами (Баитовское – жилище 2) (Прил. 3, рис. 133, 3). В постройке 3 на поселении Ботники 1а очаг был сооружен в яме, ограничен канавкой и окружен деревянной конструкцией, от которой сохранились столбовые ямки (Прил. 3, рис. 133, 4).

Количество очагов в жилище напрямую зависело от его размеров. На Носиловском 2 поселении и Баитовском городище в жилище 1, поселении Ботники 1а в жилищах 1–3, городище Боровушка-2 в жилище 2 находилось по одному очагу, тепла которого, по всей видимости, хватало для обогрева небольшого по площади сооружения. С увеличением площади построек увеличивается количество очагов: по два зафиксировано в жилище 3 на Баитовском городище и жилище 2 на городище Большой Имбиряй 3, три в жилище 1 на этом же памятнике. В целом в баитовских сооружениях насчитывается до трех наземных очагов. Различная их мощность, свидетельствует о длительности их функционирования. Так большинство из них, вероятно, были кратковременными и неодновременными. Центральные очаги использовались для приготовления пищи, а в совокупности все они использовались в целях обогрева помещения.

Для хозяйственных нужд баитовское население сооружало в постройках ямы разной конфигурации и размеров. Ямы обычно овальной и округлой формы, реже встречаются прямоугольные, канавообразные и аморфной формы. Обычно они локализованы вдоль стен, встречаются и в центре, рядом с очагом, на котором готовили пищу, либо ямы находятся в углу. Так как хозяйственных ям и канавок зафиксировано не много, то можно предположить, что для хранения продуктов и утвари использовались специальные помещения-пристройки (зафиксированы на городищах Большой Имбиряй 3, Боровушка 2). Вероятно, это были кладовки, в которые вели небольшие углубленные коридоры из жилищной камеры (поселение Ботники 1а – жилище 3 (Прил. 3, рис. 68); городище Большой Имбиряй 3 – жилище 1 (Прил. 3, рис. 73). Кроме того, на поселениях существовали постройки хозяйственного назначения, наружные очаги и ямы.

В жилище 1 на городище Большой Имбиряй 3 у северной стенки зафиксирован материковый выступ, который, судя по форме и размерам, мог играть роль нар или лежанки (Прил. 3, рис. 75, 2).

Баитовские наземные постройки, окруженные ямами-карьерами, сходны с сооружениями восточного варианта иткульской культуры. На поселениях последней (Карагай Аул 1, 4, Кыртым 1, Вак-Кур 2) изучены жилища наземного типа без котлованов, площадью около 60 кв.м., оконтуренные ямами-карьерами, с наземными очагами. На городище Вак-Кур 2 исследовано сооружение с небольшим котлованом неправильной формы [Зими́на, 2006, с. 10-13]. Подобные жилища находят аналогии в позднебронзовых материалах Сургутского Приобья, в атлымской культуре. Здесь жилище дополнительно укреплялось песчаной подсыпкой, взятой из дренажных ям, окружавших его [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 184]. Обособленные наземные однокамерные четырехугольные жилища с канавками по периметру, небольшим котлованчиком в центре или без него также сходны с материалами культур раннего железного века Сургутского

Приобья (калинкинская, белоярская) [Чемякин, 2008, с. 67; с. 74-75; с. 168-169, рис. 62, 63].

Однокамерные небольшие по площади полуземлянки с различным устройством очага или без него обнаруживают параллели в материалах бархатовской культуры эпохи поздней бронзы, отличаясь от последних отсутствием входов в виде коридора или тамбура. Двухкамерные полуземляночные постройки также имеют аналогии в материалах предшествующей бархатовской культуры (малые) и последующей саргатской (большие с длинными коридорами) [Матвеева, 1989, с. 81; Цембалюк, 2009б, с. 62-63; Цембалюк, 2009в].

Оба типа жилищ (наземные и полуземляночные) встречаются на территории всего ареала баитовской культуры. В зональном отношении баитовских памятников с постройками наземного типа больше зафиксировано в подтаежном Притоболье. Полуземляночные жилища чаще встречаются в лесостепной полосе [Цембалюк, 2009б, с. 63].

Таким образом, исследованные баитовские поселения, являлись недолговременными. На это указывают слабая насыщенность находками, бледно окрашенный, тонкий культурный слой, отсутствие следов перестроек. Поселки практически не имеют определенной планировки. Нами было замечено, что на городищах население стремилось размещать постройки по периметру внутренней стороны вала. Городища, в связи с политической нестабильностью в регионе, эволюционируют от слабо укрепленных до имеющих сравнительно мощную фортификационную систему. Жилища строились двух типов – наземные и углубленные каркасно-столбовой конструкции. Обогрев помещений осуществлялся с помощью открытого очага. Встречаются комплексы с жилыми и хозяйственными сооружениями.

Таким образом, судя по характеру построек, образ жизни баитовского населения позволял наиболее быстро и эффективно приспосабливаться к

изменениям окружающей среды, связанными с ландшафтно-климатическими колебаниями и политической обстановкой в регионе.

2.5. Инвентарь и хозяйственная деятельность носителей баитовской культуры

Основными источниками информации о хозяйстве баитовских групп являются палеозоологические материалы и орудия, а также данные о геоморфологическом и пространственно-территориальном расположении поселений. Выше указывалось, что баитовские памятники отличаются слабой насыщенностью культурного слоя находками, бедным инвентарным набором и плохой сохранностью остеологических остатков. Тем не менее, учитывая, что баитовские коллективы обитали на тех же территориях, что и население предшествующего времени (конца бронзового века и переходного периода) и примерно в таких же климатических условиях, с вновь намечающимися тенденциями к увлажнению, похолоданию и увеличению лесных массивов [Рябогина, 2004; Зах, Рябогина, 2005; Рябогина, Иванов, Цембалюк, 2009], можно предполагать у них и сходный, многоотраслевой уклад экономики [Зими́на, Костомаров, Цембалюк, 2012]

Анализ палеозоологических комплексов подтверждает наличие скотоводства в хозяйстве носителей культуры. На поселениях Ботниковское 1а (Прил. 2, таб. 19; рис. 32), Большой Имбиряй 3 (Прил. 2, таб. 20; рис. 33) и Боровушка 2 (Прил. 2, таб. 21; рис. 34), отмечены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Доли лошади и крупного рогатого скота практически равны, при небольшом преобладании лошади в стаде (соответственно по

памятникам – около 50 % и около 40%). Мелкий рогатый скот составляет около 1/3 (15,7 %) от общего количественного состава стада на поселении Ботниковское 1а [Новые памятники..., 2003, с. 151] и лишь 0,4 на городище Большой Имбиряй 3 [Матвеева, Цембалюк, 2004, с. 235; Цембалюк, 2007, с. 152-153], и 1,7 % – Боровушка 2.

Одним из важных факторов для реконструкции скотоводства является окраска и насыщенность культурного слоя находками, связанная с длительностью проживания на одном месте [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 50]. Установленный факт краткосрочного проживания байтовских групп на поселениях, позволяет предположить тип скотоводства. Форму скотоводства, по классификации Е.П. Бунятян, можно определить как экстенсивную (выпас), когда скот выпасается в течение сезона – отгон, т.е. «возвращением в селение на какое-то время года, когда содержание скота будет сочетать выгон и стойло» [1992, с.21]. Тип скотоводства байтовского населения определен нами как – отгонный. В речных поймах, с их богатой разнотравной кормовой растительностью, летом выпасался крупный рогатый скот. Лошадь же и мелкий рогатый скот перегонялись на пастбища (летники). В настоящее время подобная система практикуется у казахов, которые проживают в аулах на юге Тюменской области⁴. В поймах же, видимо, заготавливалось и сено на зиму, когда стада возвращались. Зимой крупный рогатый скот, возможно, содержался в загонах. На байтовских поселениях пока не выявлены специальные помещения для скота. Возможно, в качестве загона для скота использовалась небольшая свободная площадка в центре байтовских поселений, подобно тому, как это предполагается исходя из планировки поселков для культур скотоводов предшествующих периодов. Таким образом, О.Ю. Зимина интерпретирует обширные свободные площади в центре городищ восточного варианта иткульской культуры [2003, с. 118]. На андроновских поселениях в Северном и Центральном Казахстане

⁴ Наблюдения автора работы (личный опыт).

прямоугольной или овальной формы в центре зафиксированы большие незастроенные участки, которые, по мнению Е.Е. Кузьминой, могут также интерпретироваться как площадки для содержания скота [1994, с. 70]. Возможно, загоны для скота могли располагаться на удалении от жилой зоны поселка, в естественно защищенных от погодных условий местах, которыми могли выступать окраина леса и лесные поляны [Краснов, 1975, С. 123].

Лошадь и мелкий рогатый скот продолжали выпасать посредством тебеневки. Подобную практику для территории Притоболья мы наблюдаем и в современное время. Казахи и фермеры выпасают лошадей и овец с помощью тебеневки. Обычно это происходит на выдувках, оголенных участках почв или с небольшим снежным покровом и т.д. Так как данные животные способны в зимнее время самостоятельно добывать себе корм, то их содержание в зимних условиях было экономически выгодно [Цалкин, 1970, с. 162]. Одной из особенностей зимнего пастбищного содержания овец является тебеневка – добывание овцами корма из-под снега. Это возможно при толщине снежного покрова не более 20 см. При более глубоком снеге разбивания твердого снежного наста впереди овец пускают лошадей [Содержание овец – Электронный ресурс: <http://ptica-ru.ru/> – Время обращения 26.02.2016]. Также овцы низко скусывают траву, собирают мелкие стебельки и листочки, поедают молодую поросль кустарников. Овцы хорошо используют пастбищную растительность недоступных для других видов животных. Кроме того, они поедают гораздо больше видов растений, нежели крупный рогатый скот и лошади. Поэтому овец можно пасти после крупного рогатого скота и лошадей [Основы животноводства, с. 198-199]. Вполне вероятно, что для овец на выгонах строили зимние загоны (овчарни, катоны и т.д.). Овец в открытых загонах размещают потеснее, что вынуждает их укладываться на ночлег плотно прижавшись друг к другу, не оставляя свободного места. Благодаря этому получается своеобразная овечья «печка»: прижавшись одна к одной, овцы так согреваются, что воздух над ними не

бывает холоднее -5° ; -10°C , даже тогда, когда снаружи температуры воздуха опускается до -40°C . [Зимовье овец. Зимний выпас – Электронный ресурс: <http://www.ya-fermer.ru/zimove-ovec> – Время обращения 26.02.2016]. По реконструируемым значениям климата для раннего железного века Притоболья, температура воздуха в январе составляет $-11^{\circ}\dots-8^{\circ}$ [Рябогина, Ларин, Семочкина, 1999, с. 63]. Подобные климатические условия позволяли сооружать байтовским население легкие (изгородь) загоны.

Места содержания скота (загоны, и т.д.), как отдаленные от поселения, так в его границах, практически не возможно идентифицировать по археологическим остаткам, но которые при современной методике, применяемой в археологии могут быть обнаружены (это сочетание пространственно-территориального расположения поселений в совокупности с данными палинологических и палеопочвенных исследований [Рябогина, Якимов, 2010] при применении методов почвенной микробиологии и энзимологии. Подобные исследования показали свою эффективность в определении мест содержания скота на более древних, по сравнению с байтовскими, памятниках кобанской культуры [Борисов, Петерс, Чернышева и др.].

Траву, по всей видимости, заготавливали различными доступными способами. Специальных приспособлений на байтовских памятниках пока не обнаружено [Зими́на, Костомаров, Цембалюк, 2012]. Вполне вероятно, что на зиму заготавливалась не только трава, но и древесный корм (листва, кора, молодые побеги и т.д.). Его заготовка была менее трудоемкой и не требовала специальных орудий [Краснов, 1975, с. 124].

Предполагать отгонный выпас крупного рогатого скота и лошадей отдельными табунами позволяют их равные доли в стаде [Новые памятники..., 2003, с. 151]. Подобный тип скотоводства на территории Западной Сибири, реконструирован и по материалам большереченской культуры лесостепного Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 51].

Ведущая роль животноводства в производящих экономиках реконструируется по материалам гороховской [Археологическое наследие..., 1995, с. 190-191]; саргатской [Матвеева, 1993, с. 116-119]; иткульской [Косинцев, Стефанов, 1989, с. 112].

Баитовским населением лошадь рассматривалась не только как объект для получения мяса, но и как средство передвижения. Об использовании лошади для верховой езды свидетельствуют подпружная бронзовая желобчатая литая пряжка с прямоугольной рамкой и неподвижным шпеньком-застежкой, датирующаяся VII–VI в. до н.э. [Матвеева, 1989, с. 96; с. 95, рис 8, 5], нащечная бронзовая бляшка с заклепкой в виде запятой (Прил. 3, рис. 7) [Зах, 1996, с. 29-30].

В целом у населения территории Западной Сибири с конца эпохи поздней бронзы отмечается увеличение количества лошади в стаде, культурный слой на памятниках становится менее окрашенным, что, вероятно, свидетельствует о начале подвижного выпаса стад и большей подвижности коллективов, но, по всей видимости, еще с сохранением придомно-пастушеского скотоводства. На памятниках начала раннего железа культурный слой слабогумусирован, бледно окрашен, содержит минимальное количество находок, процент лошади в стаде в это время значительно увеличивается и если не превалирует, то сопоставим с количеством крупного рогатого скота.

Таким образом, по совокупности данных, можно говорить о том, что в начале раннего железного века возрастает роль отгонного скотоводства, население зауральской лесостепи становится более подвижным. Этому способствовал ряд факторов: 1) перемена климата в сторону увлажнения, когда поймы регулярно затапливались водой, что благоприятствовало выпасу в них скота; 2) обострение «военно-политической» обстановки в регионе, обусловленной усилением к VII в. до н.э. влияния сакского степного мира на лесостепь Зауралья [Корякова, 1997, с. 138], связанного с нестабильной

политической ситуацией в степях Южного Зауралья, вынудившей часть кочевников, продвинуться в западносибирскую лесостепь [Таиров, 2007, с. 121-131; 2009, с. 175].

Доля присваивающих отраслей в байтовской экономике минимальна, о чем свидетельствуют маленький процент костей диких животных в палеозоологических коллекциях, и практическое отсутствие орудий охоты и рыболовства. Единично на байтовских памятниках присутствуют кости диких животных – лисицы, лося, что все-таки, указывает на занятия байтовского населения охотой. Помимо промысла на диких животных существовала охота на птицу. Каменные и глиняные шарики, присутствующие почти на всех раскопанных поселениях, могут интерпретироваться как приспособления для ловли водоплавающей птицы [Молодин, 1985, с. 129]. Косвенным доказательством развития присваивающих отраслей в хозяйстве байтовского населения можно считать локализацию значительной части байтовских поселков на площади останцов первой надпойменной террасы и других участков поверхности лесных пространств, богатых промысловой фауной [Новые памятники..., 2003, с. 151].

Сооружение поселков по берегам или вблизи крупных рек, их притоков, озер, в том числе старичных, говорит о том, что существовали условия для ловли рыбы. Населением активно использовались пойменные луга и террасовые злаково-разнотравные пространства, служившие как для выпаса скота, так и для заготовки кормов на зиму. Увеличение площади лесов в начале раннего железного века на территории Притоболья [Зах, Рябогина, 2005, с. 95-96], способствовало охотничьей деятельности, занятиям собирательством и, возможно, бортничеством [Цембалюк, 2007б].

Сведения о занятиях населения любой какой-либо археологической культуры, как правило, можно почерпнуть с помощью изучения инвентарного набора, полученного с исследованных памятников. Из-за

многослойности большинства баитовских поселений возникают трудности в атрибуции инвентаря баитовской культуры. Поэтому в работе рассматриваются лишь материалы, которые достоверно связаны с баитовским культурным слоем.

Полученный с баитовских памятников инвентарь был разделен нами по категориям: орудия труда, оружие, украшения (Прил. 2, таб. 18).

На баитовских памятниках чаще всего встречаются орудия труда. Мы разделили их на группы, в которые включены предметы, использовавшиеся в тех или иных отраслях хозяйства: металлообработки, ткачества, обработки шкур, дерева и камня и т.д.

К ткачеству относятся пряслица (Прил. 2, таб. 18). Всего их насчитывается 121 экз., из них 48 экз. обнаружено на поселении Язево 1; 14 экз. – на городище Большой Имбиряй 3 (Прил. 3, рис. 81); 13 экз. – на Носиловском 2 поселении; 11 экз. – на Бочанецком городище (Прил. 3, рис. 103; 104); 8 экз. – на поселении Ботники 1а; по 7 экз. – на поселениях Устюг 2 (Прил. 3, рис. 50, 2, 5, 6, 8; 52, 2, 4, 6-8) и Рафайлово 2 (Прил. 3, рис. 71, 11); 5 экз. – на поселении Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 42, 8) и по 4 экз. – на городищах Воробьевском и Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 28, 1,2,8-10).

К орудиям обработки шкур, кожи, дерева нами отнесены керамические и каменные скребки (110 экз.: 28 экз. – пос. Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 42, 4-7; 43); 20 экз. – Бочанецкое городище (Прил. 3, рис. 105); 18 экз. – городище Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 29, 1-4; 30, 1-11, 13-14; 31, 2); 10 экз. – пос. Устюг 2 (Прил. 3, рис. 50, 1,4,9; 52, 1); 9 экз. – пос. Чечкино 4 (Прил. 3, рис. 9, 4-8); по 6 экз. – Носиловское 2 поселение и городище Большой Имбиряй 3, пос. Рафайлово 2 (Прил. 3, рис. 71, 12) и Ботники 1а; 1 экз. – Воробьевское городище), проколка (1 экз. с Бочанецкого городища) (Прил. 3, рис. 102, 3) и шило (1 экз. с Бочанецкого городища) (Прил. 3, рис. 102, 4).

Орудия по керамике на баитовских памятниках представлены гальками – ложилами (?) (55 экз.: 19 экз. – городище Большой Имбиряй 3; 18 экз. –

городище Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 28, 3; 29, 5-8); 7 экз. – Бочанецкое городище (Прил. 3, рис. 105, 2-4, 6, 10-12, 15, 16, 18-галька; 5, 7-9, 13, 17, 19 – камни), 5 экз. – Носиловское 2 поселение, 6 экз. – пос. Устюг 2 (Прил. 3, рис. 50, 11; 52, 3, 5, 9, 12, 14); 2 экз. – пос. Чечкино 4 и 1 экз. – пос. Ботники 1а), шпатель (1 экз. с городища Боровушка 2) (Прил. 3, рис. 31, 1).

Довольно большой процент составляют предметы, относящиеся к металлообработке: песты (1 экз. – Носиловское 2 поселение), литейные формы (4 экз.: 2 экз. с городища Боровушка 2 и по 1 экз. с пос. Устюг 2 (Прил. 3, рис. 51) и Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 42, 3), сопла (2 экз. с городища Большой Имбиряй 3 (Прил. 3, рис. 82); орудия обработки металлических изделий – абразивы (4 экз.: 3 экз. с Бочанецкого городища (Прил. 3, рис. 106, 1, 14) и по 1 экз. с городища Боровушка 2 и пос. Устюг 2), оселки (3 экз.: 2 экз. с Носиловского 2 поселения (Прил. 3, рис. 59, 2) и 1 экз. с городища Большой Имбиряй 3).

В отдельную группу орудий труда мы включили универсальные изделия, которыми можно было выполнять несколько функций: кельты (1 экз. – Воробьевское городище (Прил. 3, рис. 134), ножи (7 экз.: 3 экз. с пос. Ботники 1а; 2 экз. с пос. Устюг 2 (Прил. 3, рис. 52, 10) и по 1 экз. с Носиловского 2 поселения (Прил. 3, рис. 59, 1) и городища Усть-Терсюкского (Прил. 3, рис. 112, 4), молот (1 экз. – городище Большой Имбиряй 3) (Прил. 3, рис. 83, 1, 2), лоцило-отбойник (1 экз. – пос. Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 42, 1); 1 экз. – пос. Устюг 2 (Прил. 3, рис. 50, 3)).

Орудия других функциональных типов присутствуют в комплексах единично: терочник⁵ (1 экз. – пос. Чечкино 4), кресало (1 экз. – Носиловское 2 поселение).

Категория оружия представлена в баитовских материалах только наконечниками стрел (7 экз.: 3 экз. с Усть-Терсюкского городища (Прил. 3, рис. 112, 1-3) и по 1 экз. с городищ Большой Имбиряй 3 (Прил. 3, рис. 83, 3) и

⁵ Определение С.Н. Скочиной.

Бочанецкого (Прил. 3, рис. 102, 2), поселений Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 42, 2) и Устюг 2 (Прил. 3, рис. 52, 11).

Украшения представлены предметами из бронзы – это различные бляшки (11 экз.: 3 экз. с пос. Ботники 1а и 8 экз. с городища Чечкино 1 (Прил. 3, рис. 7, 1-6, 8); две подвески – каменная и керамическая – с Бочанецкого городища и пос. Рафайлово 2 соответственно; глиняная бусина (1 экз. с Бочанецкого городища (Прил. 3, рис. 102, 1); обломок гривны (1 экз. с городища Чечкино 1 (Прил. 3, рис. 7, 7) и заготовка бронзовой булавки с городища Боровушка 2 (Прил. 3, рис. 28, 11).

Предметы конской упряжи составляют желобчатая литая пряжка с прямоугольной рамкой и неподвижной шпеньком-застежкой (1 экз.; из материалов Курганского краеведческого музея) и нащечная бронзовая бляшка с заклепкой в виде запятой (1 экз. с городища Чечкино 1) (Прил. 3, рис. 7, 9).

Предметы инвентаря различаются по материалу, они могут быть изготовлены из кости, глины, камня, бронзы, рога и железа. В целом на байтовских памятниках отмечается преобладание инструментов, применявшихся для обработки шкур, кожи, дерева и металла.

Интересны находки целых или в обломках изделий из пористых песчаных галек, имеющих гладкую окатанную либо сработанную (лощение?) поверхность (55 экз.). Они присутствуют почти на каждом байтовском памятнике. Можем предположить, что, вероятнее всего, данные изделия использовались как ложила по керамике, и скорее всего именно по мокрой глине (в функционально-диагностирующую таблицу подобные изделия занесены под знаком вопроса).

По имеющемуся инвентарю можно констатировать, что обитатели байтовских поселков занимались керамическим, метало-и деревообрабатывающим, кожевенным, ткацким и другими производствами [Цембалюк, 2007; Зими́на, Костомаров, Цембалюк, 2012, с. 78].

Многочисленные пряслица свидетельствуют о занятии ткачеством. Баитовское население изготавливало пряслица из стенок сосудов или лепило их из глины. Выполненные из стенок сосудов они имеют округлую форму, и отверстие в центральной части. Предварительно выбирался черепок, подходящий по нужным размерам, края обламывались, чтобы получилась окружность, затем в центре сверлилось отверстие и неровные края подшлифовывались [Чикунова, 2002, с. 126].

Изделий, выточенных из стенок сосудов круглой либо овальной формы, с отверстием в центре, насчитывается 84 экз. (Боровушка 2 – 2 экз.; Носиловское 2 – 5 экз.; Язево 1 – 48 экз.; Устюг 2 – 3 экз.; Рафайлово 2 – 1 экз.; Ботники 1а – 4 экз.; Большой Имбиряй 3 – 9 экз.; Усть-Терсюкское – 3 экз.; Бочанецкое – 9 экз.). Большое количество выточенных пряслиц изготовлены из обломков заталькованных горшков. На изготовление точеных пряслиц затрачивался минимум времени (20—30 мин.) и усилий [Чикунова, 2002, с. 126], однако в материалах баитовской культуры много и лепных изделий данной категории. Они представлены несколькими видами.

Лепные пряслица делятся на уплощенные (Чепкуль 8б – 5 экз.; Носиловское 2 – 1 экз.), шаровидные (Носиловское 2 – 3 экз.), цилиндрические (Носиловское 2 – 1 экз.; Ботники 1а – 2 экз.; Большой Имбиряй 3 – 5 экз.; Рафайлово 2 – 3 экз.; Бочанецкое – 1 экз.), биконические (2 экз. – Носиловское 2; Рафайлово 2 – 1 экз.), дисковидные (по с 1 экз. Носиловского 2 и Боровушки 2; Устюг 2 – 4 экз.; Ботники 1а – 1 экз.), конусовидные (Боровушка 2 – 1 экз.; Бочанецкое – 1 экз.; Ботники 1а – 1 экз.), полушарные (Рафайлово 2 – 3 экз.). Некоторые предметы декорированы с использованием солярной символики – ямочками, наклонными линиями, выполненными гребенчатым штампом, расходящимися в виде лучей от отверстия в центре. В этом они схожи с богочановскими изделиями из Прииртышья и ананьинскими из Прикамья [Данченко, 1996, с. 64, рис. 48,

2–4, 6; 49, 1–4, 6, 8; 50,6; Збруева, 1952, с. 129, табл. XXV, рис. 5–7]. Также встречаются пряслица, украшенные фестонами и ямочками.

Пряслица на территории Западной Сибири известны с эпохи бронзы, на поселениях бархатовской культуры Ново-Шадрино 2, Поспелово 1, Щетково 2 [Матвеев, Аношко, 2009, с. 296, рис. 39, 40], сузгунском городище Чудская Гора [Лесное Тоболо-Иртышь, 1995, рис. 16], позднебронзовом городище Чеганово 3 [Зими́на, Зах, Скочина, 2005, с. 59], поселении Чича 1 [Чича – городище..., 2004, с. 102, рис. 148, 3]. В материалах бархатовской культуры пряслица немногочисленны [Аношко, 2006, с. 104]. Значительное количество пряслиц встречено на памятниках иткульской культуры, как на восточных склонах Урала [Бельтикова, 2005, с. 170], так и в Нижнем Притоболье [Зими́на, Зах, 2009, с. 163, 172–173, рис. 18, 1–7; рис. 24, 5–10]. Наиболее распространены подобные изделия в раннем железном веке в материалах саргатской, большереченской, богочановской, ананьинской, гороховской, баитовской и других культур [Троицкая, 1979, с. 56, 92, табл. XVI; Полосьмак, 1987, с. 83–84, рис. 34, 5; 35, 6; 38, 7, 11, 12; 39, 1; 65, 5, 9; 69, 3, 7; 76, 4, 8; 77, 3–5; Матвеева, 1993, с. 102, рис. 4, 7; 10, 41; 17, 36; 28, 24; 30, 24; 31, 4, 38; 32, 6; 33, 26; 37, 16, 17; 38, 6, 13; 43, 2, 3; 45, 3, 4; Данченко, 1996, с. 64, рис. 48–50; Чикунова, 2002, с. 120, рис. 1; Среда, культура..., 2009, с. 87–91, рис. 4.6–4.10]. Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский считают, что увеличение количества пряслиц в раннем железном веке связано с развитием ткачества и изготовлением нитей из растительного волокна [1994, с. 59].

В отличие от материалов большереченской культуры, в которых зафиксированы орудия для обработки растительных волокон (конопли, льна) – трепала, изготовленные из нижних челюстей крупного рогатого скота и коней [Там же, с. 60], инвентарь баитовской культуры пока дает возможность говорить только о получении нитей из пряжи.

На наш взгляд, наличие большого количества пряслиц на памятниках баитовской культуры можно рассматривать и как аргумент в пользу

предположения о том, что овец использовании не только для получения мяса, но и как источник шерсти для прядения. Судя по палеозоологическим остаткам, все же ее долю в стаде нельзя переоценивать.

Среди домашних промыслов следует отметить керамическое производство. О нем в первую очередь свидетельствуют находки на баитовских памятниках целых и битых сосудов. На городище Боровушка 2 обнаружен шпатель из кости – орудие, связанное с формовкой сосудов и заглаживанием по подсушенной поверхности⁶. Гальки-лощила (?) также, по всей видимости, использовались для заглаживания поверхности сосудов. Вышедшая из употребления посуда не выбрасывалась. Обломки горшков использовались в качестве скребков и лоцил. Помимо посуды, из глины изготавливались пряслица, сопла, бусы и другие предметы.

Находки большого количества керамических скребков (110 экз.), каменные лощила, найденные на памятниках баитовской культуры, свидетельствуют о занятиях населения кожевенным делом, в частности о выделке шкур и обработки кожи.

Следует отметить, что специальных исследований баитовских скребков, не проводилось. По аналогии с иткульскими и саргатскими экземплярами [Зими́на, Скочина, 2002; Чикунова, Скочина, 2009], составляющими также многочисленную категорию орудий в инвентарных наборах комплексов, изучение которых, свидетельствует о широком применении обломков посуды в качестве орудий и, что вероятнее всего, сходном их назначении, в том числе в баитовском обиходе [Зими́на, Костомаров, Цембалюк, 2012, с. 78].

Керамические скребки найдены на поселениях: Чепкуль 8б – 28 экз.; Устюг 2 – 10 экз.; Чечкино 4 – 9 экз.; Рафайлово 2 – 6 экз.; Ботники 1а – 5 экз.; Носиловском – 5 экз.; городищах Боровушка 2 – 17 экз.; Большой Имбиряй 3 – 20 экз.; Усть-Терсюкском – 18 экз.; Бочанецком – 32 экз.

⁶ Определения С.Н. Скочиной.

Предметы различны по размерам, толщине, числу граней и степени сработанности. В большинстве своем скребки, полученные с баитовских памятников, выточены из стенок неорнаментированных заталькованных воробьевских сосудов.

Каменные скребки, изготовленные из пластин кремнистого сланца, обнаружены на городищах Носиловском и Боровушка 2 и поселении Ботники 1а (по 1 экз.). Подобные изделия изредка встречаются в материалах культур раннего железного века [Сальников, 1947, с. 235]. Подобные предметы применялись для выделки шкур [Скакун, 1977, с. 264-268] и при деревообработке [Чикунова, Скочина, 2009, с. 54-56]. Шкуры, по всей вероятности, имели широкое применение в хозяйстве и быту, в частности, вероятно, для шитья одежды, настиланья нар, в качестве одеял и т.д.. Они, по всей видимости, сшивались с помощью костяных проколов или бронзовых шильев.

С процессом изготовления одежды либо других изделий из шкур (кожи) можно связать найденные на Бочанецком городище костяную проколку (Прил. 3, рис. 102, 3) и обломок бронзового шила длиной 3,3 см, подквадратной в сечении формы (Прил. 3, рис. 103, 4). Подобные предметы довольно распространены в материалах культур позднего бронзового века, переходного от бронзы к железу времени и эпохи раннего железа [Молодин, 1985; Чича – городище..., 2001; Членова, 1994, с. 71]. Костяная проколка изготовлена из метакарпальной кости лошади. Изделия данного типа широко известны в материалах позднебронзового и переходного времени; например, идентичная обнаружена на поселении Мыльниково [Папин, Шамшин, 2005, с. 41, с. 145, рис. 19, 9]. Из материалов раннего железного века ближайшие территориальные аналогии находит в богочановской культуре южно-таежного Прииртышья [Данченко, 1996, с. 65, с. 180, рис. 54, 8–10], большереченской культуре лесостепного Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 166, табл. XXXVI, 16].

Деревообрабатывающая отрасль документируется находками скребков, кельтов и форм для их отливки.

Кельт с перегородкой и валиковым орнаментом был обнаружен в баитовском слое на Воробьевском поселении [Могильников, 1992, с. 279] (Прил. 3, рис. 134). Подобные изделия также известны в материалах иткульских памятников Урала [Бельтикова, 1993б, с. 46]. По своим пропорциям они напоминают ананьинские кельты, датируемые VII–V в. до н.э. [Чернецов, 1947, с. 68; Кузьминых, 1983, с. 175; Чижевский, 2008, с. 64].

Как отдаленные аналогии можно привести случайные находки втульчатых с перегородкой во втулке с валиковым орнаментом кельтов (8 экз.), датированных VII–IV вв. до н.э. [Матвеева, 1989, с. 94].

Вероятно, значительную роль в жизни носителей культуры играла металлообработка. На занятия населения обработкой металла указывают находки бронзовых изделий, железных ножей, глиняных сопел, кусков бурого железняка и т.д. [Цембалюк, 2007, с. 153; Зимина, Костомаров, Цембалюк, 2012, с. 78]. Бронзовые изделия представлены: трехлопастными, втульчатыми наконечниками стрел [Матвеева, 1989, с. 94; Матвеева, Цембалюк, 2004; 2010, с. 9-10; Цембалюк 2010, с. 37], кельтом [Могильников, 1992, с. 279], бронзовыми однолезвийными ножами без выделенной рукоятки [Стоянов, 1975, с. 129; Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011], железными черешковыми ножами с прямой спинкой [Матвеева, 1989, с. 91; Отчет..., Рафикова, 2007], шилом, предметами конской упряжи [Матвеева, 1989, с. 96; Зах, 1996], а также различными украшениями, среди которых бляшки [Матвеева, 1989, с. 96; Зах, 1996], заготовка булавки [Цембалюк, Илюшина, Рябогина, 2011, с. 104]; гривна [Зах, 1996].

На поселениях Носиловском и Ботники 1а обнаружены глиняные кирпичики, медный лом (мятые оковки деревянных сосудов), стенка бронзового котла [Матвеева, 1989, с. 93; 1995, с. 77]. Обломок бронзового котла найден в баитовском слое на Усть-Терсюкском городище [Отчет...,

Рафикова, 2007] (Прил. 3, рис. 112, 5). В баитовском слое на Юдинском селище найдены обломки тиглей и литейной формы [Викторова, 1969, с. 9].

Для измельчения руды и твердых предметов, по всей видимости, пользовались каменными пестами (обнаружен на Носиловском городище) [Стоянов, 1975]. Такое функциональное назначение данного типа предметов зафиксировано для иткульской культуры [Бельтикова, Стоянов, 1984, с. 139].

Технологический процесс плавки металла также иллюстрируется находками орудий, применявшихся при изготовлении различных изделий. Так, на памятниках баитовской культуры обнаружены сопла, обломки тиглей, литейные формы. Найдены и предметы, связанные с доработкой и заточкой готовых изделий, – абразивные плитки, оселки. Абразивы представлены точильными камнями (Носиловское – 6 экз.; Боровушка 2 – 3 экз.; Бочанецкое – 3 экз.) и шлифовальными плитками (Устюг 2 – 1 экз. (Прил. 3, рис. 52, 13); Боровушка 2 – 1 экз. (Прил. 3, рис. 28, 5). Оселки – овальной формы, диаметром около 1 или 1,5 см, с отверстием в верхней части предмета. Изделия данного типа были обнаружены на Носиловском поселении (2 экз.) (Прил. 3, рис. 59, 2) и Большой Имбиряй 3 (1 экз.). Такие оселки были широко распространены в скифо-сакское время, наиболее близкие территориальные аналогии прослеживаются в материалах большереченской культуры лесостепного Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 34, с. 166, табл. XXXVI, 9, 10], на юге в материалах тасмолинской культуры Центрального и Восточного Казахстана [Вишневская, 1992, с. 403, табл. 53, 10, 11, 19–21].

Обломки тальковых литейных форм обнаружены на Чепкуле 8б (1 экз.), Боровушке 2 (2 экз.), и Устюге 2 (1 экз.) (Прил. 2, таб. 18).

На поселении Устюг 2 обнаружена створка тальковой литейной формы для отливки кельтов (Прил. 3, рис. 51). Размер формы 9,5х6,7 см. Внутри формы выбито четыре продольных канала длиной 5–6 см, расположенных примерно на равном расстоянии друг от друга, в основании которых

находятся два поперечных канала по всей ширине формы [Отчет..., Матвеева, 2010]. Подобные формы использовались для отливки кельтов с перегородкой во втулке и валиковым орнаментом [Могильников, 1992, с. 279].

Интересна находка на поселении Чепкуль 8б обломка формы для отливки человекообразного идола, изготовленной из бруска талькового камня (Прил. 3, рис. 42, 3). Размеры 5,8x2,5x1,2 см. На обломке формы с лицевой стороны сохранились и четко видны направленная вверх рука с отведенным в сторону пальцем, прослеживаются очертания глаза, довольно большой нос, рот и часть тела, на котором вдоль вырезанной вертикальной прямой (позвоночник?) нанесены елочкой косые насечки, на наш взгляд имитация реберных костей. С внешней стороны литейной формы отмечена одна большая неглубокая (1 см) канавка с расположенными внутри нее 5 бороздками шириной и глубиной 0,1 см, возможно предназначенными для стягивающих ремешков [Зах, Цембалюк, 2009, с. 72]. Подобные формы с антропоморфными изображениями известны в материалах иткульской культуры [Бельтикова, 1993б, с. 60-61]. Наиболее же близкая по облику форма найдена на Калатинском участке Шигирского торфяника и, возможно, происходит с культовых площадок иткульской культуры [Археологические памятники..., 2001, с. 122].

О роли процесса металлообработки и предававшемуся ему сакральном значении свидетельствуют находки глиняных сопел на городище Большой Имбиряй 3 [Матвеева, Цембалюк, 2004]. Одно сопло, в виде полый толстостенной трубки, представлено в обломках. Большой интерес представляет второе сопло, выполненное в виде полый толстостенной трубки длиной 10,5 см, диаметром 2,5 см. Один конец обломленный, другой – с зооморфным завершием (Прил. 3, рис. 82). По сколам на трубке было установлено, что сопло изготовлено из глиняного теста с большой примесью талька и подвергалось воздействию высоких, 1000–1200 градусов,

температур, необходимых для плавления металла*. Навершие выполнено в виде головки змеи, ящерицы или черепахи. Глаза переданы углублениями, рот – круглым отверстием, выпуклость морды – приплюснутым вытягиванием вверх. Точные аналогии предмету нам не известны.

Использование предмета, увенчанного мордой зверя или пресмыкающегося, в металлургии указывает на одухотворение сил, участвовавших в сыродутном процессе, поддержки которых древние металлурги искали у водных и поземных стихий матери-земли. Вместе с тем в этом изделии можно усмотреть предмет фаллического облика, чему не противоречат его размеры и форма. Содержательные аналогии такому инвентарю металлургов приводит Е.Н. Черных в томе 5 издания «Каргалы», посвященном интерпретации обрядов горнодобывающего, плавильного и кузнечного циклов. В частности, в русле традиции африканских народов, представляющих получение железа в горне как рождение новой субстанции в чреве великой матки через оплодотворяющую силу духов, вызываемых мужчиной – металлургом [2007, с. 154]. Кроме того, этнографические параллели уводят нас к рубежу XIX–XX в.: подобные деревянные идола-фаллосы, связанные с металлургическим культом, использовались хантами р. Тромьеган⁷.

Реконструируются занятия байтовского населения камнеобработкой. Каменные орудия немногочисленны и представлены несколькими видами изделий. Лоцило (Чепкуль 8б), изготовлено из гранитной гальки, шарообразной формы, размером 7х6,5 см Оно практически полностью обработано в пикетной технике. Имеет плоские верхнюю и нижнюю поверхности, одна из которых не обработана. Вторая выровнена непосредственно в результате работы в качестве лоцила по мягкому

* Определение специалиста А.Д. Дегтяревой.

⁷ Деревянный идол-фаллос, с зооморфным завершием, выставлен в Музее природы и человека г. Ханты-Мансийска.

материалу шкуры. Возможно, использовалось и в качестве отбойника⁸ [Зах, Цембалюк, 2009, с. 72] (Прил. 3, рис. 42, 1). Гальки – лошила (?) (Боровушка 2 – 13 экз.; Устюг 2 – 3 экз.; Чепкуль 8б – 4 экз.) в больших количествах обнаруживаются в материалах баитовских памятников. На Носиловском поселении найден каменный пест. Песты в основном встречаются в материалах эпохи бронзы, но единично присутствуют и на памятниках раннего железного века.

С поселения Устюг 2 происходит предмет, изготовленный из талька. Уп্লощенный, овальной формы, с отверстием в центре, зашлифованный с двух сторон, размером 9,8x7,6 см, толщиной 1,6 см. Отверстие в нем сверлили с двух сторон, диаметр – 0,4 см. Возможно, использовался в качестве полировального камня либо грузика [Отчет..., Матвеева, 2010] (Прил. 3, рис. 50, 7).

В целом из камня изготавливались скребки, оселки, песты, лошила и т.д. Для изготовления литейных форм баитовским населением использовался тальковый камень.

О наличии костеобрабатывающего производства в хозяйстве баитовского населения нам свидетельствуют находки изделий из кости.

Уже упоминавшийся шпатель, найденный на городище Боровушка 2, выполнен на реберной кости КРС, размером 18x3 см (Прил. 3, рис. 31, 1). Подобные изделия имеют широкие территориальные и хронологические рамки. Помимо этого из костяных предметов на баитовских памятниках присутствуют проколки (Бочанецкое городище) [Отчет..., Цембалюк, 2013] (Прил. 3, рис. 102, 3), черешковые наконечники стрел (Усть-Терсюкское городище) [Отчет..., Рафикова, 2007] (Прил. 3, рис. 112, 1, 2), роговой молот (городище Большой Имбиряй 3) (Прил. 3, рис. 83, 2). Последний размерами 15,6x4,2x4,7 см, выглядит как часть рога с прямоугольным отверстием посередине. С одной стороны (обушок) имеет плоское окончание, круглое в

⁸ Определения С.Н. Скочиной.

сечении, противоположный конец чуть опущен вниз, заужен. На верхней выпуклой поверхности выполнен продольный желобок, «уходящий» в отверстие. На плоском конце визуальнo фиксируются участки забитости. Интерпретируется как изделие ударного действия, относится к типу круглообушковых топоров. Вероятно, использовался в качестве молота⁹. Подобный предмет зафиксирован на поселении Остров Малый Вишневый в материалах иткульской культуры и датируется концом V – началом IV в. до н.э. [Бельтикова, 1988, с. 5; 7; 112]. Также известны металлические круглообушковые топоры, датированные в рамках I тыс. н.э. [Генинг, 1962, с. 55, табл. XII, 16]. В этом же жилище найден обломок костяного долотовидного орудия, у которого ударная и рабочая части сколоты [Отчет..., Матвеева, 2005] (Прил. 3, рис. 83, 1).

Совокупность полученных данных по остеологическим остаткам, пространственно-территориальному размещению байтовских поселков, инвентарному набору позволила охарактеризовать хозяйственную деятельность населения байтовской культуры. На наш взгляд, хозяйство было комплексным, с преобладанием отраслей производящей экономики в частности скотоводства, носившего отгонный характер, и значительной ролью металлообработки, которой, видимо, придавалось сакральное значение. В целом выработанная байтовским населением система многоотраслевой экономики позволяла ему эффективно адаптироваться к изменениям окружающей среды и социально-политической обстановки в Притобольском регионе.

⁹ Определение выполнено С.Н. Скочиной.

2.5. Характеристика керамики баитовских памятников

В связи с отсутствием прочих специфичных данных для идентификации материальных остатков культуры (погребальный обряд, оригинальные типы инвентаря, особенности в жилой и оборонительной архитектуре и т.д.), присутствие баитовской керамики в культурном слое является основным критерием для выделения памятников баитовской культуры. При описании керамических комплексов мы оперировали следующими понятиями: венчик – верхний край горловины сосуда; шейка – место перехода от горловины к тулову; горловина – вся верхняя часть сосуда; тулово – основная емкость сосуда; плечико – верхняя часть тулова от основания шейки; дно – основание сосуда [Кобелева, 2009, с. 6]. В данном параграфе мы опишем характерные черты баитовского керамического комплекса.

Баитовская посуда однотипна, но своеобразна по форме и орнаментации, типологически хорошо вычленяется из материалов многослойных памятников [Матвеева, 1989, с. 81; 1995, с. 77]. Представлена в основном круглодонными сосудами горшковидных форм. Сосуды с раздутым туловом, шаровидные, профилированные, имеют округлые плечики, вертикальную горловину. Горловина встречается как довольно высокая, так и низкая, чаще с плоским венчиком [Матвеева, 1989; Шарапова, 2000, 2004; Цембалюк, 2010а]. Толщина профиля составляет от 0,2 до 1,7 см. Единичны сосуды с ручками. Тонкие петлевидные глиняные ручки от сосудов обнаружены на городище Большой Имбиряй 3 и Носиловском 2 поселении. Также на баитовских памятниках находят маленькие горшковидные сосуды, часто неорнаментированные.

В байтовской посуде выделяется группа керамических чаш, которые присутствуют в небольшом количестве в комплексах Носиловского 2 поселения, поселений Ботники 1а, Речкино 1, Язево 1, Верхне-Ингальский борок 1 [Матвеева, 1989, с. 88-89], Бочанецкого городища.

Самую малочисленную группу, насчитывающую всего несколько экземпляров, образуют керамические блюда, обнаруженные на Носиловском 2 поселении [Матвеева, 1989, с.89].

Автором работы статистически обработаны керамические коллекции следующих памятников – городищ: Большой Имбиряй 3, Бочанецкого, Боровушка 2, Калачик 1; поселений: Чепкуль 8б, Устюг 2. По другим байтовским памятникам взяты данные из опубликованных материалов – поселений: Язево 1 [Матвеева, 1989; Потемкина, 1995]; Ботники 1а, Рафайлово 2, Речкино 1, Верхне-Ингальский борок 1 [Матвеева, 1989]; городищ: Рафайловского [Там же] и Усть-Терсюкского [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008].

Наиболее представительной является керамическая коллекция городища Большой Имбиряй 3, она включает 294 фрагмента горловин сосудов [Матвеева, Цембалюк, 2010] (Прил. 2, таб. 13, рис. 22–23; Прил. 1, рис. 76–80). На поселении Чепкуль 8б собраны фрагменты 247 сосудов (статистический анализ проведен по 166 экз.) [Зах, Цембалюк, 2009] (Прил. 2, таб. 4, рис. 7–8; Прил. 1, рис. 35–41), на поселении Язево 1 – 274 экз. [Матвеева, 1989; Потемкина, 1995] (Прил. 2, таб. 3, рис. 5–6; Прил. 1, рис. 53). Из коллекции Рафайлово 2 проанализировано 208 фрагментов горловин [Матвеева, 1989] (Прил. 2, таб. 9, рис. 14–15; Прил. 1, рис. 71, 1–10), Ботников 1а – 182 экз. [Там же] (Прил. 2, таб. 8, рис. 12–13; Прил. 1, рис. 69). Имеющийся в нашем распоряжении для статистической обработки керамический комплекс Носиловского 2 поселения состоит из 96 сосудов (Прил. 2, таб. 1, рис. 1–2; Прил. 1, рис. 55–58), городища Боровушка 2 – 100 экз. [Цембалюк, Илюшина, 2011; Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011]

(Прил. 2, таб. 2, рис. 3–4; Прил. 1, рис. 18–27), Усть-Терсюкского городища – 102 сосуда [Рафикова, Матвеева, Берлина, 2008] (Прил. 2, таб. 12, рис. 20–21; Прил. 1, рис. 108–111), Бочанецкого городища – 131 экз. (Прил. 2, таб. 15, рис. 26–27; Прил. 1, рис. 93–101). Керамический комплекс поселения Устюг 2 представлен 139 обломками горловин, статистически обработано только 58 экз. – столь малая выборка связана со значительной измельченностью керамики раннего железного века в результате последующего использования территории памятника средневековым населением и современной хозяйственной деятельности [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011] (Прил. 2, таб. 5, рис. 9–10; прил. 1, рис. 46–49). Байтовская керамика, собранная в процессе исследований на Рафайловском городище [Матвеева, 1989] (Прил. 2, таб. 11, рис. 18–19; прил. 1, рис. 114) и поселении Верхне-Ингальский борок 1 [Там же] (Прил. 2, таб. 14, рис. 24–25), представлена фрагментами 47 и 50 сосудов. Она так же достаточно сильно измельчена, вследствие разрушения культурного слоя при застройке и интенсивной эксплуатации данной территории саргатским и кашинским населением. С поселения Речкино 1 получено 36 фрагментов керамики [Там же] (Прил. 2, таб. 10, рис. 16–17).

Сосуды с вышеперечисленных памятников имеют типичную «байтовскую» форму, горшковидные, крупные, с шаровидным туловом, округлым дном [Матвеева, 1989, с. 81-91; Шарапова, 2000; 2004, с. 124]. Диаметр устья 10–40 см, горловина широкая, толщина стенок тулова и шейки практически одинакова.

По вариантам оформления верхнего среза горловины выделено несколько типов горшков: с плоским венчиком – более 70 %, округлым – около 10 %, других форм (скошенные, приостренные, с карнизиками) – не более 8,5 %. Толщина профиля сосудов колеблется в пределах 0,2–1,7 см. На поселении Чепкуль 8б отмечена группа сосудов, составляющая 2,4 % от общего количества, у которых по сравнению с горловиной венчик резко

утолщается; подобные сосуды встречены и на поселении Устюг 2 – 6,9 % и Язево 1 – 2,9 %. Данная черта присуща воробьевской посуде и появление подобных традиций на сосудах баитовской культуры, на наш взгляд, может объясняться тесным взаимодействием этих двух групп населения. Увеличение толщины профиля к венчику, или как описывает С.В. Шарапова: «...массивная шейка...» [2004, с. 124] характерно для гороховской (воробьевский этап) керамики [Матвеева, 1991б, с. 87].

Сосуды орнаментированы практически только в верхней части – по венчику, горловине, шейке и реже плечу [Матвеева, 1989, с. 89]. Тулово украшали очень редко (Большой Имбиряй 3, Боровушка 2) – круглыми ямками, расположенными параллельными рядами либо в шахматном порядке. Также единичны сосуды, украшенные в придонной части, они происходят с Носиловского 2 поселения, поселений Рафайлово 2, Язево 1 [Там же].

Среди орнаментов преобладают наклонные и горизонтальные линии, горизонтальная елочка, вертикальный зигзаг. Реже встречаются решетка, «расчесы», качалка, фестоны. Геометрические узоры очень редки и представлены только ромбами, покрывающими горловину или плечико сосуда.

Довольно часто на керамике встречаются жемчужины, круглые, прямоугольные и аморфные ямки, уголки, наколы. Обычно ряд ямок или жемчужин проходит по средней оси высоты горловины. В некоторых случаях ямка выступает как разделитель, образуя схему «ямка-жемчужина-ямка». Часто можно встретить поясок уголкового штампа (реже в два, три ряда, иногда расположенных в шахматном порядке), который во всех случаях нанесен на плечико у основания горловины. На тулове и в придонной части сосудов отмечается ряд ямок, иногда до нескольких параллельных рядов [Цембалюк, 2010а, с. 326].

Отличительной особенностью керамики баитовской культуры является украшение на большинстве сосудов верхнего среза горловины «сеткой», рядами наклонных линий, выполненных в гребенчатой либо прочерченной технике [Матвеева, 1989], часто приспущенных на верхнюю часть внутренней стороны горловины. Помимо этого венчик мог декорироваться различными наколами, аморфными ямками [Цембалюк, 2010а, с. 326].

Венчики с «карнизиками» зафиксированы в основном на сосудах, происходящих с баитовских памятников, расположенных в подтаежной зоне. Они не имеют ничего общего с наклепными и изготовлялись при формовке или декорировании сосуда. «Карнизиками» встречаются внешние, внутренние и иногда оба одновременно [Зах В., Зах Е., 1994, с. 39, табл. 1; Зах, Цембалюк, 2013, с. 59, таб. 2]. Подобный прием оформления среза горловины, характерен для таежных комплексов раннего железного века, в частности для посуды кулайской культуры (васюганский тип) [Чемякин, 1979, с. 137-142; Чиндина, 1984, с. 84-88], (сургутский вариант) [Чемякин, 2008, с. 85].

Набор декоративных композиций не богат, обычно они представлены сочетанием двух-трех элементов орнамента. Чаще других на горловине встречаются следующие вариации – прямые или наклонные как горизонтальные, так и вертикальные линии либо вертикальный зигзаг в сочетании с пояском ямок или жемчужин.

В целом на сосуде можно выделить несколько орнаментальных зон, на горловине это верхняя, средняя и нижняя ее части, а также переходная зона от горловины к плечу и непосредственно само плечо. Количество зон варьируется в зависимости от степени орнаментированности сосуда.

На посуде Носиловского 2 поселения значительное число венчиков без орнамента (74 %), однако в остальных случаях они украшены оттисками гребенчатого штампа, треугольными или овальными ямками и насечками (Прил. 2, таб. 1). На посуде поселения Чепкуль 8б по верхнему срезу горловины нанесены оттиски гребенчатого штампа (56,6 %), насечки (18,1 %)

в 25,3 % случаев орнамент отсутствует (Прил. 2, таб. 4). У большинства сосудов с Устюга 2 венчик украшен оттисками гребенчатого штампа (37,9 %) или насечками (27,6 %). Гладкий штамп наносился реже (10,4 %), в 14 (24,1 %) случаях срез не орнаментирован (Прил. 2, таб. 5). На городище Боровушка 2 венчики орнаментированы несколько в другом процентном соотношении – гребенчатый штамп составляет всего 1 %, в большинстве же случаев они украшены разнообразными насечками – 57 %, либо вообще без орнамента – 39 % (Прил. 2, таб. 2).

Основными элементами декора на горловинах сосудов поселений Чепкуль 8б, Устюг 2, Ботники 1, Рафайлово 2, Верхне-Ингальский борок 1, Носиловского 2, городищ Боровушка 2, Рафайловского, Усть-Терсюкского, Большой Имбиряй 3, Бочанецкого выступают жемчужины (от 26,7 % на Рафайлово 2 до 82,3 % на Усть-Терсюкском), различные по форме и глубине ямки (от 10,8 % на Усть-Терсюкском до 36,4 % на городище Большой Имбиряй 3). На керамике остальных памятников доли этих элементов декора не велики, доминируют узоры, выполненные гребенчатым и гладким штампом. Так, на поселении Язево 1 соотношение орнамента ямка-жемчужина с гребенчатым штампом составляет 8,4:34,8 (ямки – 6,6 %; жемчужник – 1,8 %) (Прил. 2, таб. 3), на поселении Речкино 1 данное соотношение – 38,9:41,7 (ямки – 22,2 %; жемчужник – 16,7 %) (Прил. 2, таб. 10). Доля орнаментальной схемы «ямка-жемчужина-ямка» невелика и составляет 2,4 % на Чепкуле 8б (Прил. 2, таб. 4); 3,4 % на Устюге 2 (Прил. 2, таб. 5); 1,1 % на Носиловском 2 (Прил. 2, таб. 1); 1 % на Боровушке 2 (Прил. 2, таб. 2).

Из других орнаментов доминирующими являются ряды наклонных линий, параллельные горизонтальные линии, горизонтальная елочка. Подобные элементы обычно выполнены в гребенчатой технике. Доля этого приема довольно велика, составляет 20–50 % от общего числа используемых способов орнаментации (от 12 % на городище Боровушка 2 (Прил. 2, таб. 2) до 53,1 % на Носиловском 2 поселении (Прил. 2, таб. 1).

Количество элементов декора, выполненных уголковым штампом и прочерчиванием и резной техникой невелико, но данные приемы присутствуют на керамике практически всех исследованных памятников. На посуде поселения Чепкуль 8б уголкового штампа составляет 1,2 %, техника прочерчивания 2,4 % (Прил. 2, таб. 4); на Носиловском 2 4,2 и 2 % (Прил. 2, таб. 1); Боровушке 2 – по 3 % соответственно (Прил. 2, таб. 2); на Язеве 1 – 2 и 4,6 % (Прил. 2, таб. 3); Ботниках 1а – 6 и 4,9 % (Прил. 2, таб. 8); Рафайлово 2 – 4,7 и 5 % (Прил. 2, таб. 9); Речкино 1 – 8,3 и 5,6 % (Прил. 2, таб. 10); Верхне-Ингальском борке 1 – 14 и 4 % (Прил. 2, таб. 14). Устюговская посуда орнаментирована уголкового штампа в 6,8 %, прочерченной техникой – в 8% случаев (Прил. 2, таб. 5). На городищах Большой Имбиряй 3 (Прил. 2, таб. 13); Рафайловском (Прил. 2, таб. 11), Усть-Терсюкском (Прил. 2, таб. 12), Бочанецком (Прил. 2, таб. 15) доля резных и прочерченных орнаментов составляет 77,7; 63; 17 и 29,4 %; уголкового штампа 1,6; 10,9; 1,9 и 1,5 % соответственно. На Чепкуле 8б (Прил. 2, таб. 4), Язеве 1 (Прил. 2, таб. 2), Ботниках 1а (Прил. 2, таб. 8), Рафайлово 2 (Прил. 2, таб. 9), Речкино 1 (Прил. 2, таб. 10) и Боровушке 2 (Прил. 2, таб. 2) отмечена группа сосудов с проташенной гребенкой – 24,1; 5,5; 0,6; 0,5; 2,8 и 3 % соответственно.

Сочетаний элементов узора на байтовской посуде немного. Композиции на горловине состоят из прямых либо наклонных линий, реже – горизонтальных отрезков, довольно часто – в сочетании с пояском жемчужин или округлых ямок. В единичных случаях используется «елочка», зигзаг, решетка. Переходная зона между горловиной и плечиком иногда подчеркивалась пояском гребенчатого штампа, пояском ямок, жемчужин. В зоне плечиков чаще всего встречаются наклонные линии, оттиски уголкового штампа, зигзаги, иногда сетка, «проташенные волны», шагающая гребенка.

Полностью реконструированы три сосуда с поселения Чепкуль 8б (Прил. 3, рис. 39, 40, 41, 4), два сосуда с поселения Устюг 2 [Матвеева, Сомова, Цембалюк, с. 62] (Прил. 3, рис. 46, 3; 49, 1). В соответствии с

классификацией В.Ф. Генинга [1973, 1992], горшки с Чепкуля 8б с широким устьем (диаметром 25 и 29 см), туловом средних пропорций, максимальный диаметр которого немного превышает высоту горшка. Горловины сосудов средние по высоте и слабоотогнутые. Один сосуд украшен шестью параллельными рядами горизонтальных линий, окаймляющих горловину, в том числе рядом по шейке (Прил. 3, рис. 39). У второго сосуда горловина декорирована вертикальными «расчесами», выполненными проташенной гребенкой, дополненными в верхней части пояском крупных жемчужин. Переход от горловины к плечу оформлен рядом отрезков гребенчатого штампа (Прил. 3, рис. 40). Плечико у обоих экземпляров покрыто косыми столбиками параллельных отрезков. Также в коллекции Чепкуля 8б есть маленький горшочек: диаметр устья 7 см, тулова – 8,4, высота 6,4 см. Дно приостренное. Горловина украшена вертикальными «расчесами», плечико и верхняя часть тулова – косыми отрезками, выполненными гребенчатым штампом (Прил. 3, рис. 41, 4). Венчики у всех трех экземпляров плоские, декорированы насечками.

Реконструированные сосуды с поселения Устюг 2 горшковидной формы, крупные, с полуяйцевидным туловом, зауженным округлым дном. В соответствии с классификацией В.Ф. Генинга [1973, 1992] это горшки со средним и широким устьем (диаметром 24 и 34 см), туловом средних пропорций. Горловины по высоте малая (22 мм) и средняя (38 мм). Один сосуд с прямой горловиной, второй – со слабоотогнутой. Оба профилированные, с выпуклыми плечиками. Толщина стенок горловины и тулова одинакова и составляет 0,5 и 0,9 см. Горловина одного горшка украшена пояском круглых ямок, окаймляющим ее среднюю часть, на шейку нанесены косые параллельные отрезки, выполненные гладким штампом. Само плечико декорировано двумя рядами круглых ямок, расположенных в шахматном порядке (Прил. 3, рис. 49, 1). У второго сосуда горловина орнаментирована горизонтальным зигзагом, нижние углы которого

опираются на опоясок, проходящий по горловине. Композиция дополнена опускающимися по плечу косыми столбиками параллельных отрезков. Плоскостные элементы орнамента выполнены гребенчатым штампом (Прил. 3, рис. 46, 1).

С памятника происходят два миниатюрных сосудика с округлым дном. Диаметр устья – 12 см, высота горловины – 1,2 и 1,4 см, толщина стенок 0,4 см. У одного горшочка декорирована только шейка – месяцевидными вдавлениями. Горловина второго украшена рядами вертикальных параллельных линий, между которыми пущен пояс круглых ямок. Шейка декорирована насечками, на плечо и верхнюю часть тулова нанесены ряды косых отрезков, выполненных гребенчатым штампом. Венчики у всех экземпляров плоские, декорированы отпечатками гребенчатого штампа.

Технология изготовления байтовской керамики кратко была описана в работе С.В. Шараповой [2004, с. 131]. В ней автор указывала, что для изготовления керамики байтовские гончары использовали запесоченную глину. Помимо песка в тесто добавлялись шамот и тальковая дресва. Зафиксированные единичные включения органики, по мнению исследователя, представляют собой естественную примесь.

В результате технико-технологического анализа 55 байтовских сосудов из комплекса городища Боровушка 2*, проведенного по методике, разработанной А.А. Бобринским [Бобринский, 1978; 1999], была получена следующая технологическая информация [Цембалюк, Илюшина, 2011; Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011, с. 102-104] (Прил. 2, таб. 17, рис. 30–31). Байтовскими гончарами отбиралось два вида исходного сырья – глины и, предположительно, илестые глины. В качестве естественных примесей глины содержат различное количество кварцевого песка, железистые включения, бурый железняк оолитовой формы, обломки лимонита, мелкие чешуйки слюды. Илестая глина, кроме того,

* Технологический анализ выполнен В.В. Илюшиной.

характеризуется наличием в изломах сосуда остатков растительности в виде редких нитевидных включений и мелких (до 0,5 мм) обломков косточек и чешуи рыб.

Различная степень запесоченности позволила выделить три группы глин – слабозапесоченные, среднезапесоченные и запесоченные. Илистая глина может быть охарактеризована как запесоченная. Следует отметить, что массово была распространена традиция использования, так называемого, «тощего» сырья. Исходное пластичное сырье использовалось в состоянии естественной влажности.

По исследованному материалу выявлено, что к различным видам исходного пластичного сырья добавлялись минеральные и органические примеси. В значительной части изделий зафиксирован шамот, размер зерен которого, по всей вероятности, имел только верхний предел обычно не превышающий 2,0–3,0 мм, хотя наблюдаются единичные включения размером до 5,0–6,0 мм. Чаще всего концентрация шамота составляет 1:8/9, реже – 1:5 и 1:6/7.

Выделение песка как компонента формовочной массы всегда вызывает затруднения, так как гончарами в основном использовалось сырье, в котором высока доля естественной песчаной примеси. Вместе с тем, основываясь на наблюдениях за достаточно равномерной размерностью включений, их значительной концентрации и расположением по поверхности излома, в некоторых случаях мы предположили искусственный его характер. Включения песка кварцевые, окатанные, размером от 0,5 до 1,5–2,5 мм. Его концентрация составляет 1:3/4 и 1:6.

Органический компонент в составе формовочной массы представлен в основном органическими растворами. На сегодняшний день мы можем предположить две его разновидности. Первый органический компонент формовочной массы фиксируется по удлиненным трещиноватым пустотам со сглаженными поверхностями и маслянистыми пленками на отдельных

участках излома. Наличие измельченных косточек и обломков чешуи и сравнение их с полученными на настоящий момент результатами экспериментальных исследований позволяют предположить использование в качестве органического раствора массу, приготовленную из рыбы или ее отходов. Второй органический компонент представлен в формовочных массах основной части изученных сосудов, где по особенностям следов, фиксирующихся после выгорания органической примеси, мы предположили наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных. Данная органическая добавка в изломах характеризуется незначительным количеством отпечатков от сильно измельченной растительности размером от 0,3–1,0 до 2,0–4,0 мм, аморфных или трещиноватых как бы стянутых внутри пустот размером от 0,5 до 4,5 мм, стеночки которых сглажены, зачастую покрыты коричневым «рыхлым» налетом либо имеют бесцветные матовые поверхности.

Кроме того, гончарами использовался и собственно навоз жвачных животных, характеризующийся достаточно большим количеством отпечатков растительности размером от 0,5–2,0 мм до 5,0–10,0 мм часто в сочетании с пустотами, покрытыми матовыми пленочками, что свидетельствует о добавке примеси в состоянии естественной влажности.

На основании сочетания различных видов добавок с исходным сырьем удалось выделить 8 рецептов составления формовочных масс: «глина + шамот + выжимка из навоза», «глина + навоз», «глина + шамот + выжимка из навоза», «глина + шамот + навоз», «глина + песок + шамот + навоз», «глина + песок + навоз», «глина + органический раствор» и «илистая глина + органический раствор». Корреляция выделенных по степени запесоченности групп исходного сырья и рецептов формовочных масс показала следующее. В слабо - и среднезапесоченное сырье чаще всего наряду с органическими примесями добавлялся шамот и, единично, песок. В запесоченную глину в

большинстве случаев добавляли только органику, реже шамот, который зачастую вводился в минимальной концентрации.

Технологическому анализу подвергался также и шамот, так как его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на ступени составления формовочных масс. Наблюдения показали, что формовочная масса керамики, использованной для изготовления шамота, чаще всего в своем составе имеет только тальк, единично наряду с тальком в составе шамота отмечен шамот. Единичен также сосуд, в составе шамота, которого зафиксирован только шамот. Таким образом, технологический анализ шамота показывает, что в гончарстве баитовского населения городища Боровушка 2 навыки составления формовочных масс с шамотом не были распространены.

Способы конструирования начинов сосудов прослежены лишь по двум изделиям, одно из которых представлено миниатюрным сосудиком, второе – лишь донной частью. Многослойность излома дна и нижней части тулова миниатюрного изделия дает основание предполагать, что в качестве «строительных» элементов использовались глиняные лоскуты, которые, скорее всего, наращивались по спиралевидной траектории. Донная часть второго сосуда изготавливалась из коротких жгутов (длина строительного элемента составляет примерно 12–15 см), которые также наращивались по спирали.

Аналитические данные по конструированию полого тела сосудов позволяют говорить, что при конструировании изученного миниатюрного изделий также применялся лоскутный спиралевидный налп. Изучение верхних частей еще 4 сосудов позволяют предположить использование лент, которые наращивались по кольцу с боковым наложением на внутреннюю или внешнюю стороны нижнего строительного элемента.

Формообразование сосудов осуществлялось путем выдавливания пальцами в процессе их изготовления.

Поверхности исследованных сосудов обработаны способом простого заглаживания. Чаще всего для этого применялись щепы или деревянные орудия (нож или скребок), следы которых зафиксированы на 30 сосудах (71 %). В семи случаях выявлено сочетание различных материалов (мягких и твердых) при заглаживании стенок (12,7 %). Инструменты с эластичным рабочим краем (ткань, пальцы, кожа) использовались при обработке стенок лишь четырех изделий (7,3 %).

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов достигалось путем термической обработки в кострище или очаге, чаще всего, с непродолжительным действием температур каления, т.е. не ниже 650° С.

Проведенное исследование керамики городища Боровушка 2 позволяет заключить, что навыки гончарного производства байтовских мастеров были традиционными, что проявляется не только в орнаментации изделий, но и в навыках отбора исходного пластичного сырья, составления формовочных масс в основном с примесью навоза жвачных животных и выжимки из него, обработки поверхностей. Полученная технологическая информация в ходе анализа формовочной массы шамота позволяет предположить, что данная добавка была не характерна для традиционных навыков составления формовочных масс байтовских гончаров городища Боровушка 2. Возможно в данном случае появление посуды, в формовочную массу которой входит шамот с примесью талька, связано с контактами представителей байтовской культуры с раннегороховскими (воробьевскими) группами населения, керамика которых была обнаружена в заполнении исследованных сооружений [Цембалюк, Илюшина, Рябогина, 2011, с. 102-104].

Таким образом, суммируя вышеописанное, можно констатировать, что байтовская посуда однотипна, не отличается разнообразием форм и размеров. По данным технико-технологического анализа посуда изготавливалась из запесоченного сырья способом лоскутного и спирально-жгутового налета, во время обжига ей придавался коричневый цвет.

Характерна «бедность» орнаментальных мотивов и элементов декора на посуде. Композиции узоров чаще всего состоят из одного-двух элементов [Матвеева, 1989, с. 91; 1995, с. 77; Цембалюк, 2010а, с. 326]. Этой «стандартностью» определяется своеобразие и уникальность облика рассматриваемой керамики, позволяющие легко вычленять ее из материалов синхронных и диахронных культурных образований.

ГЛАВА 3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА БАИТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В данной главе рассматриваются вопросы формирования байтовской культуры на основе древностей восточного варианта иткульской культуры. Занимаемую ей хронологическую позицию среди культур переходного от бронзы к железу времени и начала раннего железного века Зауралья. На основе анализа керамических комплексов, инвентарного набора, домостроительной традиций и оборонного зодчества нами были выявлены различия в материалах байтовских памятников Притоболья, которые, на наш взгляд, отражают ее изменения во времени. На их основе предложена периодизация байтовских древностей. Также в данной главе мы постараемся проследить историческую судьбу байтовского населения.

1.1. Формирование байтовской культуры

Поиск истоков любой археологической культуры вызывает определенные трудности и, как следствие, дискуссии об участии того или иного компонента в ее сложении. В историографической части исследования мы указывали, что существует несколько точек зрения на происхождение байтовской культуры. В целом все исследователи полагают, что субстратным компонентом является местная – бархатовская культура эпохи поздней

бронзы [Матвеева, 1989, с. 97-98; 1994, с. 9; Корякова, 1991а, с. 27; Аношко, 2006, с.22; Матвеев, Аношко, 2009, с. 340-355; Зах, 2007, с. 56]. Мнения расходятся относительно механизмов трансформации одной культуры в другую. Л.Н. Корякова, разделяя баитовский и носилковский типы в рамках баитовской культуры, считает, что в основе появления памятников носилковского типа, включая также иткульские, воробьевские, зеленомысские лежит межовско-бархатовская субстратная основа. Баитовскую линию развития она относит к сузгунско-бархатовской генерации, отмечая большой процент ямочных узоров на посуде баитовской культуры [Корякова, 1991а, с. 27].

Для территории Притоболья сегодня сформулированы две рабочие гипотезы происхождения баитовской культуры. Одна предложена Н.П. Матвеевой [1989, с. 1989], в дальнейшем дополнительно аргументирована и дополнена А.В. Матвеевым и О.М. Аношко, другая – В.А. Захом.

Н.П. Матвеева, А.В. Матвеев и О.М. Аношко полагают, что баитовская культура складывается непосредственно на основе бархатовской.

Сопоставляя их ареалы, действительно можно заметить, что территориальные ядра культур совпадают, это Среднее Притоболье и Нижнее Приисетье, остальная область распространения древностей бархатовской культуры установлена по единичным памятникам [Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2004; Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006, с. 25; Матвеев, Аношко, 2009, с. 152-153, рис. 69]. На этой же территории находятся памятники, отнесенные к переходным бархатовско-баитовским, по керамическим материалам которых, А.В. Матвеев и О.М. Аношко предлагают выделить в бархатовской культуре заключительный этап. К таким переходным бархатовско-баитовским комплексам исследователи относят селища Заводоуковское 9 [Матвеев, Аношко, Агишева, 2005, с. 73-81] и Ук 3 (раскоп 2) [Матвеев, Аношко, 2009, с. 340-350].

По мнению ученых, «в керамических коллекциях вышеупомянутых памятников типологически вычленяется посуда, на которой наряду с бархатовскими фиксируются черты, присущие гончарным традициям носителей баитовской культуры раннего железного века» [Матвеев, Аношко, Агишева, 2005, с. 78]. Это хорошо профилированные горшки, с невысокими прямыми или слегка отогнутыми горловинами, округлым срезом венчика. Отмечается обеднение орнаментации в сочетании с небрежным нанесением узоров при сохранении бархатовских традиционных орнаментальных схем. Также с баитовской керамикой ее сближает «...украшение среза венчика наклонными линиями, преобладание на горловине круглых ямок, жемчужин, насечек, падение по отношению к бархатовской доли вертикального, горизонтального зигзагов и отсутствие геометрических мотивов» [Аношко, 2006, с. 22].

С точки зрения В.А. Заха [2007], первоначально на территории Притобольшья в процессе взаимодействия местных бархатовских коллективов и пришлого лесного населения гамаюнской культуры, формируется восточный вариант иткульской культуры. В результате постепенной ассимиляции происходит полное изживание гамаюнских традиций. Динамику этого процесса отражают четыре этапа восточного варианта иткульской культуры, и уже на втором, карагай-аульском этапе в керамическом комплексе наряду с иткульской посудой встречаются фрагменты с орнаментацией, близкой к бархатовской и баитовской. На третьем, вак-куровском этапе керамика уже практически приобретает баитовский облик. В результате данного процесса складываются «лесные» баитовские комплексы, на основе которых затем и идет формирование баитовской культуры на территории Среднего и Нижнего Притобольшья [Там же].

Как уже говорилось ранее, предложенная А.В. Матвеевым и О.М. Аношко гипотеза о непосредственной преемственности между бархатовскими и баитовскими древностями базируется на материалах

смешанных керамических комплексов поселения Заводоуковское 9 с привлечением материалов поселения Ук 3 [Матвеев, Аношко, Агишева, 2005; Матвеев, Аношко, 2009, с. 348-349].

В связи с отсутствием датировок «переходных бархатовско-баитовских» памятников (Заводоуковское 9 и Ук 3), встает вопрос о хронологическом соотношении древностей, так как бархатовские и баитовские материалы разделяет довольно большая временная лагуна (около 200 лет). Поздние бархатовские памятники (Коловское [Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006, с. 36] и Красногорское [Матвеев, 2000, с. 41] городища) датируются X – IX вв. до н.э. [Матвеев, Аношко, 2009, с. 339, рис. 124], нижняя граница баитовских – не ранее конца VII – начала VI в. до н.э. [Матвеева, 1989, с. 99]. На наш взгляд, этот временной отрезок между бархатовскими и баитовскими древностями, вероятно, занимают материалы восточного варианта иткульской культуры, которые, по всей видимости, и следует рассматривать как «переходные бархатовско-баитовские комплексы» [Зах, 2007, с. 61] (Прил. 3, рис. 135).

На наш взгляд, протобаитовскими можно считать два культурных компонента. Один – бархатовская культура, сложившаяся на пахомовско-черкаскульской основе [Матвеев, Аношко, 2009, с. 308-311], представляет автохтонный субстрат; второй, представленный гамаюнской культурой, является инородным, пришлым. Об их тесных контактах свидетельствуют материалы городищ – Усть-Утяк 1, датирующегося в рамках конца IX – VIII в. до н.э., расположенного на юге лесостепной зоны, южнее г. Кургана, и Миасского 1 [Иванов, Пшеничнюк, 1978, с. 258; Борзунов, 1992, с. 129; Кайдалов, Сечко, 2004; 2006; Кайдалов, Сечко, Рябогина и др., 2011, с. 43-46]. В керамических комплексах данных памятников отмечены как чисто бархатовские и гамаюнские, так и синкретичные бархатовско-гамаюнские комплексы [Кайдалов, Сечко, 2006, с. 78-80]. Синтез данных традиций привел к сложению культуры переходного облика – иткульской (восточный

вариант) [Зими́на, 2006; Зими́на, Зах, 2009, с. 196-197], в процессе развития, которой были изжиты и переработаны пришлые (гамаю́нские) лесные черты.

В.А. Зах отмечает, что «процесс ассимиляции гамаюнского населения бархатовским протекал достаточно интенсивно и быстро и в целом характеризуется изживанием традиций инородных, в данном случае лесных, групп населения. Планиграфия поселений и керамические комплексы отражают разные моменты этого процесса: механическое смешение, когда сосуществуют узнаваемые бархатовские, гамаю́нские и сочетающие их керамические традиции комплексы (Усть-Утяк 1), образование нового комплекса (иткульского), в составе посуды которого сохраняются элементы, сопоставимые с бархатовскими (Карагай-Аул 4), соседство на смыкающихся или расположенных рядом с друг другом укрепленных площадках керамических материалов, представляющих разные традиции – восходящие соответственно к бархатовской и гамаю́нской культурам (Карагай Аул 1). На заключительном этапе происходит практически полная ассимиляция гамаю́нцев бархатовцами, формируется новый («лесной» баитовский) комплекс при сохранении незначительного количества посуды с иткульской орнаментацией (Вак-Кур 2)» [Зах, 2007, с. 60].

В.А. Зах [Там же, с. 61] полагает, и мы согласны с этим, что на основе «лесных баитовских» комплексов, которые, возможно, отражают завершающий этап в развитии восточного варианта иткульской культуры, складывается баитовская культура Притоболья [Зах, Волков, Зими́на и др., 2010, с. 104-105].

Прежде всего, на наш взгляд, это прослеживается в керамике ранних памятников баитовской культуры. Посуда городища Боровушка 2, поселений Чепкуль 8б, Устюг 2, Носиловского 2 по морфологическим признакам и орнаментации практически не отличается от «лесной» баитовской. В коллекциях наряду с сосудами, характеризующимися традиционными баитовскими признаками, такими как высокая горловина, четкий профиль,

довольно толстые стенки, присутствуют и слабопрофилированные экземпляры с низкой горловиной, отмечается большой процент тонкостенной посуды – черты, характерные для «лесной» баитовской посуды [Зими́на, Зах, 2009, с. 209; Зими́на, Цембалюк, 2012] (Прил. 2, таб. 22; Прил. 3, рис. 118–120; 136–139).

В целом в орнаментике баитовских сосудов наблюдаются такие стандартные для «лесной» баитовской керамики элементы декора, как ямки, «уголки», жемчужины, оттиски гребенчатого штампа [Там же] (Прил. 2, таб. 22). В то же время практически исчезают (либо деградируют) отпечатки волнистого штампа. Сдвоенные вдавления заменяются пояском ямок, взаимопроникающие фигуры – вертикальным зигзагом или елочкой, волнистый штамп – наклонными и прямыми отпечатками гребенчатого штампа. Композиционные построения орнаментов на баитовской и «лесной» баитовской керамике также практически не отличаются друг от друга. В основном это сочетание на горловине сосуда прямых или наклонных линий, выполненных гребенчатым штампом, с пояском ямок либо жемчужин. Довольно часто на горловине горшка вышеописанные элементы узора встречаются и поодиночке.

Что касается морфологических признаков посуды, то процесс трансформации иткульских керамических традиций протекал в направлении замены яйцевидных сосудов с конусовидной придонной частью шаровидными, круглодонными.

Таким образом, баитовскую орнаментальную традицию можно воспринимать как преобразованную в процессе развития иткульскую. Однако иные устойчивые сочетания некоторых мотивов в композициях, использование определенного набора элементов, техники орнаментации, придают баитовской керамике своеобразие, отличающее ее от иткульской и формирующее ее особый облик.

Для сравнения керамики байтовских памятников с материалами заключительного этапа («лесные байтовские») иткульской культуры (восточный вариант) проведены обработка комплексов по единому набору признаков и их автоматическая группировка с применением агломеративно-иерархического метода. Все группы объектов, объединились в общий кластер. Вместе с тем группа, образованная «лесными» памятниками, находится между группами, образованными байтовскими памятниками раннего и позднего периодов, ближе к ранним объектам (Прил. 2, рис. 36). На наш взгляд, этот результат может рассматриваться как наглядно демонстрирующий преемственную связь между этими культурными комплексами.

Кроме керамических комплексов о формировании байтовской культуры на иткульской основе свидетельствует сходство орудийного набора, фортификационных сооружений, домостроительной традиции, частично – системы жизнеобеспечения носителей культур.

Анализ геоморфологического расположения байтовских памятников, позволил выявить и некоторую схожесть с иткульскими, которая заключается в размещении поселений – «... в долине Тобола на песчаных террасах и останцах – «островах» в пойме...» [Зах, 2007, с. 60]. В тоже время необходимо отметить, что в отличие от иткульских расположенных «...преимущественно в глубине террас, сравнительно далеко от современных водоемов» [Зими́на, Зах, 2009, с. 134], байтовские памятники расположены ближе к источнику воды. Это связано как с климатическими колебаниями, так и с возрастанием доли скотоводства в байтовской экономике [Зими́на, Костомаров, Цембалюк, 2012, с. 79, рис. 1].

Байтовские городища раннего этапа продолжают линию развития иткульской фортификационной традиции. Это круговой планировки слабоукрепленные городища, окруженные обширным селищем. В то же время, в отличие от иткульских, достоверно пока не известно сдвоенных

баитовских городищ. Возможно, проявлении некоторых черт этой традиции можно проследить в пристраивании к основной оборонительной линии, дополнительных ее ответвлений, в виде примыкающих с разных сторон валообразных возвышений, прослеженных на городище Боровушка 2 [Цембалюк, 2009а, с. 117-118; Цембалюк, Илюшина, Рябогина, 2011, с. 99, рис. 1] и Юртобор 20 (рис. 129). Также на раннем этапе развития баитовских древностей зафиксировано строительство наземных жилищ, по конструкции близких к иткульским. Это постройки наземного типа подпрямоугольной или овальной формы с незначительным котлованом в центре или без него, окруженные канавками (ровиками) либо ямами-карьерами [Цембалюк, 2009б, с. 61-63; 2010, с. 325]. Помимо этого баитовские и иткульские городища сближают особенности расположения жилищ на цитадели – по кругу вдоль внутренней стороны вала, центр при этом остается свободным от застройки.

В целом хозяйство и иткульских, и баитовских общин характеризуется как комплексное, сочетающее производящие и присваивающие отрасли. Различие заключается в соотношении долей данных отраслей [Зими́на, Костомаров, Цембалюк, 2012, с. 79, рис. 1]. Так, для баитовского населения реконструируется комплексное хозяйство с преобладанием отраслей производящей экономики и второстепенной ролью присваивающих. Иткульские же коллективы вели хозяйство с равным образом, представленными производящими и присваивающими отраслями [Там же, с. 77]. Большая доля рыболовства и охоты в экономике иткульской культуры, вероятнее всего, связана с традиционным ведением хозяйства «лесных» гамаюнских групп, являвшихся одним из компонентов формирования иткульской культуры (восточный вариант) [Зими́на, Зах, 2009, с. 143].

О преемственности между иткульскими и баитовскими древностями также свидетельствует орудийный набор. Практически подобный всему найденному на иткульских памятниках инвентарь встречается в материалах баитовских памятников. Прежде всего, это лепные пряслица биконических

или цилиндрических форм, украшенные оттисками гребенчатого штампа, наколами, прочерченными линиями. Присутствие тальковой формы для отливки человекообразного идола на поселении Чепкуль 8б, скорее всего, также говорит о преемственной связи байтовской культуры с иткульской [Зах, Цембалюк, 2009, с. 73].

Еще одним аргументом в пользу предложенной гипотезы, становится расширение ареала распространения и увеличения числа памятников восточного варианта иткульской культуры на территории Притоболья. В результате исследований по целенаправленному поиску памятников восточного варианта иткульской культуры южная граница их распространения реконструируется до широты г. Кургана [Зими́на, 2015, с. 137, рис. 1].

Таким образом, из вышеприведенных соображений, на наш взгляд, подтверждается гипотеза В.А. Заха [2007], о том, что байтовская культура формируется на основе восточного варианта иткульской культуры во всем ареале последней, включающем подтаежное и лесостепное Притоболье. Байтовские древности непосредственно преемственные так называемым «лесным» байтовским комплексам, которые мы, вслед за В.А. Захом [2007, Зах, Волков, Зими́на и др., 2010, с. 104-105] рассматриваем в рамках заключительного этапа восточного варианта иткульской культуры (Прил. 2, рис. 135).

3.2. Периодизация и хронология

Проведенные в последние годы исследования новых байтовских памятников на территории Притоболья и пересмотр старых коллекций

позволили выявить существенные различия в баитовских материалах. Прежде всего, это относится к домостроительной и фортификационной традициям, керамическим комплексам и, на наш взгляд, обусловлено их хронологической неоднородностью.

Керамика, выступающая в качестве надежного индикатора как внутренних, так и внешних по отношению к культуре процессов, обладает наиболее широкими информативными возможностями. Общая характеристика посуды и сопоставление керамических коллекций дают основания для установления хронологического соотношения памятников и определения их места среди других комплексов [Аношко, 2006, с. 17].

Наличие на баитовских поселениях построек, различающихся по своим конструктивным особенностям в сочетании с радиоуглеродными датировками, также, на наш взгляд, вероятно, позволяет судить о хронологии памятников.

С целью дифференциации баитовских памятников по хронологии было произведено сравнение их керамических коллекций между собой при помощи агломеративно - иерархического метода кластерного анализа в программном пакете для статистического анализа StatSoft\STATISTICA 6. В общую матрицу вносились данные только по характеристикам горловин сосудов, так как почти все стенки баитовских сосудов не орнаментированы. Также данная выборка связана с сильной фрагментированностью керамического материала и невозможностью соотнести основное число стенок с определенным изделием. К тому же для баитовской традиции Притоболья характерно украшение только верхней трети сосуда (венчик, горловина, реже – шейка и верхняя часть плечика) [Матвеева, 1989, с. 91; 1995, с.77]. К анализу привлечены материалы городищ Боровушка 2, Усть-Терсюкского, Большой Имбиряй 3, Бочанецкого, Рафайловского, Калачик 1 и поселений Носиловского 2, Язево 1, Чепкуль 8б, Устюг 2, Ботники 1а, Рафайлово 2, Речкино 1, Верхне-Ингальский борок 1. Анализ проводился по

29 признакам, где «признаками» выступает совокупность морфологических (форма горловины, конфигурация венчика), и орнаментальных (элемент орнамента, техника его нанесения) характеристик сосуда.

В результате анализа выделились три группы памятников, связи между которыми наиболее сильны (Прил. 2, рис. 35).

К первой группе относятся кластеры, в которые входят материалы памятников Носиловское, Боровушка 2, Устюг 2 и Чепкуль 8б. Ко второй группе Ботники 1, Рафайлово 2, Речкино 1, Верхне-Ингальский борок. Третью группу составили Рафайловское, Большой Имбиряй 3, Усть-Терсюкское, Бочанецкое городища. В общий кластер, объединяющий первые два и третий, вошло селище Язево 1. Городище Калачик 1 оказалось наиболее удаленным в пространстве взаимосвязи признаков.

На наш взгляд, картина, выявленная в результате кластерного анализа, позволяет наметить именно хронологическую дифференциацию байтовских древностей, а не территориальную (Прил. 3, рис. 140). Так, в разных группах оказались памятники, расположенные поблизости друг от друга, в то же время в одну группу выделены объекты, отстоящие друг от друга на 20-150 км.

В первую группу, соответствующую кластеру 1, вероятно, объединились памятники раннего этапа, представленные поселениями и слабоукрепленными городищами, на которых преобладают постройки наземного типа. Отмечается и своеобразие керамических комплексов данных памятников, которое состоит в преобладании слабопрофилированных сосудов с довольно короткой горловиной (2–3 см); в упрощенном декоре, представленном пояском жемчужин или круглых ямок, окаймляющим горловину в ее средней части, или расположенным под венчиком в сочетании с косыми или прямыми отрезками, зигзагом; в доминировании гребенчатой техники орнаментации. Только на рассматриваемых памятниках в

орнаментах встречаются имитации отрезков волнистых линий – отголосок традиции предшествующей иткульской культуры.

Памятники второй группы (кластер 2), по всей видимости, относятся к наиболее позднему времени существования баитовской культуры. В орнаментации посуды этой группы велика доля резной и прочерченной техники. Подобные приемы декора позднее являются характерными для саргатской орнаментальной традиции. Усложняется композиционное построение узора, он становится менее разряженным. В целом посуда становится более толстостенной, увеличивается, пусть и ненамного (на 0,5–2 см), высота горловины горшков. Преобладают хорошо профилированные сосуды с четко выраженным переходом (шейкой) от горловины к плечу. Постепенно меняется традиция домостроительства. Жилища сооружаются полуземляночные, одно-либо двухкамерные. В многокамерных жилищах помещения чаще всего соединены довольно длинным коридором-переходом (также характерен для жилищ саргатской культуры [Матвеева, 1989, с. 81; 1993, с. 124-134; 1995, с. 87; Берлина, 2010, с. 8]). Появляются хозяйственные пристройки (Большой Имбиряй 3, Ботники 1а и др.). Меняется и облик городищ: начинают возводить мысовые городища (Усть-Терсюкское и др.). Сохраняется традиция кольцевых планировок (Большой Имбиряй 3, Баитовское, Бочанецкое) на которых фиксируется усложнение и усиление фортификационных сооружений.

Группа памятников, занимающая среднее положение на дендрограмме, по все видимости, является промежуточной в хронологическом плане. Находки на городище Чечкино 1 в баитовской яме бронзовых бляшек в форме свернувшегося медведя, с заклепкой в виде запятой, и круглых налобных с петелькой на внутренней стороне [Зах, 1996, с. 33] (Прил. 3, рис. 7, 1-6, 8) по аналогии с подобными бийскими позволяют датировать этот этап в рамках VI в. до н.э. В его материалах фиксируется смешение черт, характерных как для раннего, так и для позднего периодов: совместно

бытуют полуземляночные и наземные жилища, из орнаментики посуды окончательно исчезают шагающая гребенка и имитации отпечатков волнистого штампа, стандартизируется форма сосудов – они становятся четко профилированными, длина горловины увеличивается до 4–7 см, тулово приобретает шаровидную форму [Матвеева, Цембалюк. 2010, с. 10].

Обособленное положение керамического комплекса поселения Язево 1, который образует очень слабые связи с материалами других памятников (Прил. 2, рис. 35), по всей видимости, свидетельствует о его локальной специфике. Памятник является крайним южным, содержащим материалы баитовской культуры. Возможно, своеобразие его керамического комплекса определило близкое соседство с представителями воробьевских групп, что проявилось, прежде всего, в высоком содержании талька в керамическом тесте. Среди орнаментальных особенностей отметим высокую долю декора, присущего воробьевской посуде: наклонные линии (63,5 %), горизонтальная елочка (23,8 %), фестоны (3,7 %), решетка (7,1 %). Также с воробьевскими сериями посуду памятника сближает наличие сосудов (2,9 %) с резко утолщенными плоскими венчиками [Матвеева, 1989, с. 89] (Прил. 2, таб. 3, рис. 5; Прил. 3, рис. 53). В хронологическом плане, по всей видимости, его следует относить к ранним памятникам; об этом в первую очередь свидетельствует возможное наличие на поселении наземных сооружений [Потемкина, 1985, с. 74–75] и хронологические рамки существования воробьевского типа памятников VII-V вв. до н.э. [Матвеева, 1995, с. 85]. Также технические характеристики орнаментации керамического комплекса – преобладание гребенчатого штампа, и выполненных им маркирующих гороховскую посуду элементов орнамента – «шагающей гребенки» и «расчесов» [Там же, с. 82] (Прил. 2, таб. 3, рис. 6).

Также особая позиция городища Калачик 1 на дендрограмме может объясняться тем, что его комплекс датируется позднее остальных известных баитовских памятников (Прил. 2, рис. 35). В керамических коллекциях

памятника выделяется группа посуды смешанного облика, на которой наряду с байтовскими отмечаются черты, напоминающие присущие гончарным традициям гороховской культуры [Зах, Цембалюк, 2013, с.59; 2014, с. 93], такие как резкое утолщение горловины сосуда, к венчику, большой процент орнаментов, выполненных гладким штампом и прочерчиванием, повышенный удельный вес геометрических узоров, зигзагов, сетки, ромбов, наколов каплевидной формы, различных насечек и др. [Там же] (Прил. 3, рис. 122–125). Часто эти элементы встречаются вместе с круглыми ямками и жемчужинами, характерными для декора байтовской посуды [Матвеева, 1989, с. 89; Цембалюк, 2010, с. 326], на горловине горшков данного комплекса [Зах, Цембалюк, 2013, с.59; 2014, с. 93]. Все это, на наш взгляд, указывает на более позднее относительно остальных положение материалов городища Калачик 1

Ранних байтовских памятников в Притоболье на сегодняшний день известно немного. Среди них пять неукрепленных (Чепкуль 8б, Носиловское, Ук 3, Устюг 2, Язево 1) и два укрепленных поселения (Боровушка 2, Коркинское (не исследовалось раскопками)).

Ранние байтовские городища можно охарактеризовать как слабоукрепленные. Валы незамкнутые. На дневной поверхности фиксируются в виде ломаных дуг, прямых линий и т.д. Почти не выражены в рельефе, шириной от 1 до 3 м и высотой 0,1–0,3 м. Рвы также практически не фиксируются на дневной поверхности (Боровушка 2, Коркинское). Фортификационная система раскопана пока только на городище Боровушка 2, участок ров – вал исследован траншеей шириной 2 м. Вал представлял собой насыпь из серо-коричневой супеси шириной около 2–2,5 м, высотой от уровня древней поверхности не более 0,6 м. Неглубокий, около 0,25 м с выступами по бокам ровик шириной 1,5 м был заполнен серой супесью с мелкими угольками. На дне зафиксирована столбовая ямка [Цембалюк, 2009а, с. 118].

В целом по своим характеристикам оборонительные линии ранних баитовских поселков сходны с укреплениями поселений вак-куровского этапа иткульской культуры [Зими́на, 2006, с.15], и, по всей видимости, продолжают эту традицию. Ранние баитовские фортификационные системы, так же как и иткульские вряд ли носили оборонительный характер и, возможно, были связаны с хозяйственными нуждами либо с мировоззренческими аспектами [Зими́на, 2005].

Материалы поселений Чепкуль 8б, Устюг 2, Носиловского 2 и городища Боровушка 2 наиболее полно демонстрируют специфику керамики, домостроительства и оборонного зодчества раннего этапа баитовской культуры.

Сосуды с вышеперечисленных памятников типичной для баитовской культуры формы: горшковидные, крупные, с шаровидным туловом, округлым дном. Диаметр устья 23–40 см, широкая горловина, толщина стенок тулова и горловины практически одинакова.

Анализ ранней баитовской керамики по форме среза горловины позволил выделить несколько типов горшков: с плоским венчиком, (превалируют (более 70 %), округлым венчиком (около 10 %), других форм – скошенные, приостренные, с карнизиками (не более 8,5 %). Толщина профиля сосудов колеблется в пределах 0,2–1,7 см.

Сосуды орнаментированы в верхней части – по венчику, горловине, шейке, реже – по плечу. Чаще всего орнаменты выполнены в гребенчатой технике. Их доля составляет около 50 % от общего числа используемых в орнаментации приемов (Чепкуль 8б – 45,9 %; Носиловское 2 поселение – 53,1%; Боровушка 2 – 12 %; Устюг 2 – 37,9 %). Доля уголкового штампа и прочерченной техники невелика: на поселении Чепкуль 8б уголкового штампа составляет 1,2 %, прочерченные орнаменты – 2,4%; на Носиловском 2 поселении – 4,2 %; Боровушке 2 – по 3% соответственно. Устюговская посуда орнаментирована уголкового штампом – в 6,8 %, прочерченной

техникой – в 8 % случаев. На поселении Чепкуль 8б и городище Боровушка 2 отмечена группа сосудов с проташенной гребенкой – 24,1 и 3 % соответственно.

Венчики почти во всех случаях орнаментированы оттисками гребенчатого штампа, треугольными или овальными ямками и насечками.

Основными элементами декора на горловинах сосудов ранних баитовских поселений Чепкуль 8б, Устюг 2, Носиловского 2 и Боровушка 2 выступают жемчужины (42,2; 36; 26,1 и 54 % соответственно), ямки (16,9; 13,5; 22,9 и 20 %), ряды наклонных линий (9,6; 14,6; 32,3 и 7 %); параллельные горизонтальные линии (19,8; 4,5; 4,2 и 3 %); горизонтальная елочка (3,6; 2,3; 9,4 и 6 %). Доля зигзагов в комплексах невелика (1,2 % на Чепкуле 8б; 6,7 % на Устюге 2; 4,2 % на Носиловском 2; 1 % на Боровушке 2). Керамика Носиловского 2 поселения отличается от керамики поселений Чепкуль 8б, Устюг 2, Боровушка 2 отсутствием вертикальных «расчесов», выполненных проташенной гребенкой, и горизонтального зигзага, составляющего в материалах Чепкуля 8б 1,2 %, Устюга 2 – 6,7 %, Боровушки 2 – 3 %.

Орнаментальные композиции были проанализированы на материалах поселения Устюг 2 [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011, с. 68-69] с помощью хи-квадрата Пирсона (частота взаимовстречаемости элементов) и коэффициента Фишера (значимость связей между элементами) [Федоров-Давыдов, 1987, с. 91–97] (Прил. 2, таб. 6; 7). Пороговый уровень последнего для баитовской керамики поселения Устюг составил 0,275. Связь является статистически значимой при значениях равных или больше указанного хи-квадрат Пирсона и превышает 3,84 (уровень вероятности 95 %).

Таким образом, установлено, что на горловинах сосудов положительной связью характеризуются круглая ямка с горизонтальными, наклонными линиями, уголками. Положительные связи обнаруживаются и между такими элементами орнамента, как: горизонтальные линии и круглая

ямка, жемчужина; жемчужина и горизонтальный зигзаг; уголки и ямка–жемчужина–ямка (Прил. 2, рис. 11, 1).

В случаях украшения сосуда только одним элементом можно отметить положительные связи месяцевидных вдавлений с ромбом и горизонтальной елочкой. Теснота связи между этими элементами колеблется в интервале 0,00026–0,055, что указывает на очень слабую, не являющуюся значимой связь (Прил. 2, рис. 11, 2).

Таким образом, в результате анализа керамической коллекции поселения Устюг 2, относимого нами к раннему этапу байтовской культуры, по всей видимости, можно заключить, что данный комплекс отражает зарождение новых традиций в орнаментации посуды, когда еще не выработаны основные приемы оформления и композиционного построения узора [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011 с. 62-69]. Об этом можно судить и по форме сосудов. В ранних байтовских комплексах присутствует довольно большой процент тонкостенных слабопрофилированных горшков с низкой горловиной – форм, присущих предшествующей иткульской культуре переходного от бронзы к железу времени [Зимица, 2006, с. 13]. В материалах ранних байтовских памятниках отмечаются находки керамики воробьевского типа.

Инвентарь, полученный с памятников, относимых к раннему этапу байтовской культуры (Носиловское, Боровушка 2, Чепкуль 8б, Устюг 2, Язево 1), очень малочисленный и датируется в рамках VII–VI в. до н.э. Наиболее массово представлены керамические скребки из обломков стенок и шеек сосудов (Чепкуль 8б – 28 экз.; Носиловское 2 – 5 экз.; Боровушка 2 – 17 экз.; Устюг 2 – 9 экз.). Пряслиц в материалах ранних памятников относительно немного (Носиловское 2 – 13 экз.; Чепкуль 8б – 5 экз.; Язево 1 – 48 экз.; Боровушка – 2 экз.; Устюг 2 – 7 экз.) (Прил. 2, таб. 18).

Каменные орудия представлены: лоцилом (Чепкуль 8б), скребками (Боровушка 2, Ботники 1а, Носиловское 2), абразивами (Носиловское 2 – 6

экз.; Боровушка 2 – 4 экз.; Устюг 2 – 1 экз.), гальками-лощилами (?) (Боровушка 2 – 13 экз.; Устюг 2 – 3 экз.; Чепкуль 8б – 4 экз.), пестом (Носиловское 2), обломками тальковых литейных форм (Чепкуль 8б – 1 экз.; Боровушка 2 – 2 экз.; Устюг 2 – 1 экз.). Орудие из кости – шпатель (Боровушка 2) (Прил. 2, таб. 18).

Предметы из бронзы единичны. С Носиловского 2 поселения происходит бронзовый нож без выделенной рукояти длиной 13 см, шириной 1,5 см [Стоянов. 1975, с. 129] (Прил. 3, рис. 59, 1), такой же нож обнаружен на поселении Устюг 2 [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011, с. 61, с.64, рис. 8, 10] (Прил. 3, рис. 52, 10). Аналогичные ножи из железа и бронзы в большинстве датируются VII–VI вв. до н.э. и были распространены на территории Казахстана и Западной Сибири [Членова, 1967, с. 175; Древняя культура ..., 1966, с. 311-314].

На Воробьевском поселении в баитовском слое найден бронзовый кельт с перегородкой и валиковым орнаментом, датируемый VIII–VI вв. до н.э. [Стоянов, 1975, с. 129; с. 124, рис. 5, 3] По своим пропорциям он напоминает ананьинские кельты VII–IV вв. до н. э. [Чернецов, 1947, с. 68; Кузьминых, 1983, с. 175, табл. LIX, 6].

Из вещей, дающих более широкую датировку, на поселениях Чепкуль 8б и Устюг 2 обнаружены бронзовые наконечники стрел со сводчатой головкой, короткой втулкой и образующими острый угол лопастями. Подобные наконечники широко представлены на памятниках савроматов, датируемых VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 46-47, табл. II]. У ананьинцев (тип С-34 по С.В. Кузьминых) такие наконечники получают распространение с VII–VI вв. по III в. до н.э. [Кузьминых, 1983, с. 107-108]. В иткульской культуре горнолесного Зауралья подобные наконечники датируются в пределах VII–III вв. до н.э. и более узко – V–IV вв. до н.э. [Бельтикова, 1982, с. 69].

По углю из построек городища Боровушка 2 получена серия из восьми радиоуглеродных дат, датирующих очень широкий хронологический диапазон – от XIV в. до н.э. до X в. н.э. (калиброванные значения) (Прил. 2. таб. 23; рис. 38). Подобный разброс, вероятнее всего, связан с условиями промывного режима почвы, представленной боровыми песками [Цембалюк, Илюшина, Рябогина, 2011, с. 106].

В целом, ранний этап баитовской культуры можно датировать второй четвертью I тыс. до н.э., примерно концом VII–VI вв. до н.э.

Баитовских памятников, относимых нами к позднему этапу, исследовано немного. Их можно разделить на укрепленные (опорные – Рафайловское, Большой Имбиряй 3, Усть-Терсюкское, Бочанецкое, Калачик 1) и неукрепленные (Верхне-Ингальский борок 1) поселения.

Визуально в первую очередь памятники позднего этапа баитовской культуры маркируют жилища полуземляночного типа.

Поздние баитовские городища можно охарактеризовать как достаточно хорошо укрепленные – мысовые, либо круглоплановые, окруженные селищем, с однолинейной земляной защитой изо рва и вала, дополненного изгородью.

Материалы городищ Большой Имбиряй 3, Усть-Терсюкского, Рафайловского и Бочанецкого наиболее репрезентативны для характеристики позднего периода развития баитовских древностей.

Морфологический анализ сосудов из коллекций памятников позднего этапа позволил выявить, что в это время увеличивается длина горловины – доминируют горшки с высокими (3,01–5,00) и среднепрофилированными (0,27–0,57) горловинами. Посуда становится более толстостенной. Толщина профиля горшков чаще всего 0,7–1 см.

Судя по реконструированным образцам с городищ Большой Имбиряй 3, Усть-Терсюкского, Рафайловского, посуда представляла собой круглодонные горшки. Диаметр устья сосудов колеблется в пределах 10–28

см. По сравнению с посудой памятников раннего этапа диаметр устья заметно уменьшается. При этом диаметр тулова почти не меняется, в связи с этим горшки приобретают шаровидную форму. Дно становится более округлым.

На сосудах поздних памятниках продолжает доминировать плоский срез горловины (Большой Имбиряй 3 – 61,1 %; Усть-Терсюкское – 76,5 %; Рафайловское – 85,2 %; Бочанецкое – 62,6 %).

Посуда с поздних баитовских памятников декорирована в типичной для баитовской керамики манере, только в верхней части сосуда – по венчику, горловине, шейке, реже – по плечу. Единично украшали тулово (Большой Имбиряй 3) – круглыми ямками, расположенными параллельными рядами либо в шахматном порядке. Сохраняется традиция украшения среза горловины, но, по сравнению с материалами ранних памятников, увеличивается доля резных узоров (насечек, прочерченных косых линий, наколов и т.п.).

Узор на горловинах сосудов городищ Большой Имбиряй 3, Усть-Терсюкского, Рафайловского, Бочанецкого становится менее разреженным, усложняется композиционное построение узоров. Наиболее распространенными элементами декора остаются: ряды наклонных линий (56,1; 34; 31,4 и 23,7 %), жемчужник (32; 78,3; 82,3 и 64,1 %), ямки (36,9; 17,4; 10,8 и 13 %).

Так же как и на посуде раннего периода, отмечается традиция нанесения орнамента гребенчатым штампом (52; 28,3; 14,3 и 28,3 %), но заметно увеличивается доля резных и прочерченных орнаментов (77,7; 63; 29,4 и 30 %).

Сочетаний элементов узора на горловинах сосудов с городищ также немного. В верхней части на горловину наносился пояс круглых ямок или жемчужин, дополненный чаще всего горизонтальными линиями из оттисков

гребенки либо прочерченными, реже использовались горизонтальный зигзаг (4,9; 4,7; 0 и 0,8 %) и елочка (12,7; 1,7; 1,9 и 7,6 %).

В единичных случаях встречаются узоры из сетки, рядов вдавлений взаимопроникающих фигур. Переходная зона между горловиной и плечиком чаще всего орнаментирована пояском оттисков гребенчатого штампа, реже насечками.

При декорировании верхней части тулова чаще всего использовались наклонные линии, зигзаги, ряды уголкового штампа, вдавлений, елочка, протащенная в виде волны гребенка, единично встречаются ромбы и др.

Инвентарь, полученный с поздних байтовских памятников, также достаточно беден. Он представлен вещами, изготовленными из кости, рога, глины, бронзы, камня.

В наборе хозяйственных предметов, по сравнению с ранними памятниками, возрастает удельный вес пряслиц. В культурном слое городища Большой Имбиряй 3 их насчитывается 20 экз., на Усть-Терсюкском городище найдено 7 экз., на Бочанецком городище – 11 экз. (Прил. 2, таб. 18). В большом количестве встречаются керамические скребки: на городище Большой Имбиряй 3 обнаружено 20 экз., Усть-Терсюкском – 18 экз., Бочанецком – 32 экз. Сопла с городища Большой Имбиряй 3 представлены 2 экз. (Прил. 2, таб. 18). На Бочанецком городище в байтовском слое найдена глиняная бусина овальной формы, диаметром 0,8 см, украшенная строенными вдавлениями (Прил. 2, рис. 102, 1). Подобные известны в материалах богочановской культуры на Михайловском городище и поселении Затон [Данченко, 1996, с. 67, с. 181, рис. 55, 1–8].

Из каменных изделий, так же как на ранних памятниках, обнаружено большое количество округлых галек – лоцил (?) (около 60 экз.). С городища Большой Имбиряй 3 происходит обломок оселка, на Бочанецком городище найдены абразивы (3 экз.) (Прил. 3. рис. 106, 1, 14).

Из железных изделий можно отметить фрагмент сильно коррозированного ножа (?), происходящего с Усть-Терсюкского городища (Прил. 3, рис. 112, 4). Подобные ножи были найдены на поселении Ботники 1а – черешковые, с прямой спинкой, треугольные в сечении [Матвеева, 1989, с. 91]. Имеют широкое территориальное распространение в раннем железном веке; у савроматов подобные ножи появляются с VI в. до н.э. [Смирнов, Петренко, 1963], известны в материалах кочевого населения среднеазиатского междуречья [Мандельштам, 1966, с. 19, табл. 47, 8; Степная полоса ..., 1992, с. 392, табл. 42, 46].

В заполнении жилища 1 на городище Большой Имбиряй 3, обнаружены роговой молот (Прил. 3, рис. 83, 2). и обломок долотовидного орудия На селище Бочанецкого городища найдена костяная проколка (Прил. 3, рис. 102. 3). С Усть-Терсюкского городища происходят костяные наконечники стрел (3 экз.). Один – черешковый, с узким и длинным пером, плавным переходом к черешку, трехгранный в сечении, черешок уплощенной формы. Длина изделия 11 см, нижний кончик черешка обломан (Прил. 3, рис. 112, 1). Находит аналогии на Буйском городище ананьинской культуры [Вятский край ..., 2006, с. 28-30; с. 131, рис. 10, 6, 9, 12]. Второй наконечник – втульчатый, четырехгранный. Общая длина предмета 3,8 см. (Прил. 3, рис. 112, 3). Третий – черешковый, листовидной формы, с четко выраженными плечиками. Общая длина предмета 9,3 см, длина черешка 2,6 см. (Прил. 3, рис. 112, 2). Подобные наконечники стрел зафиксированы в Уяндыкском могильнике пьяноборской культуры и мазунинских погребениях Бирского могильника [Иванов, 1984, с. 13, рис. 4, 32; с. 25, рис. 9, 15], известны в материалах большереченской культуры лесостепного Приобья (в погребении на ул. Станиславского в г. Новосибирске) [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 16; с. 152, табл. XXII, 5].

Из бронзовых изделий в материалах городищ присутствуют наконечники стрел. На городище Большой Имбиряй 3 найден трехлопастной,

втульчатый наконечник со сводчатой головкой, длиной 2,5 см, с дуговидным вырезом базы, ложками вдоль граней [Матвеева, Цембалюк, 2010, с. 9, рис. 4. 7] (Прил. 3, рис. 83, 3). У савроматов подобные изделия распространены в VI–IV вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 46-47, табл. II], у скифов в VII–V вв. до н.э. [Степная полоса..., с. 336, табл. 31, б-ж], в ананьинских материалах в VII–VI по III вв. до н.э. [Кузьминых, 1983, с. 107-108]. По Г.В. Бельтиковой, такие наконечники имеют дату в пределах VII–III вв. до н.э., V–IV вв. до н.э. [1982, с. 69, рис. 1, 29–31]. С Бочанецкого городища происходит втульчатый, длиной 2,2 см, трехлопастной наконечник (Прил. 3, рис. 102, 4). У скифов подобные наконечники чаще всего встречаются в VI–V в. до н.э. [Мелюкова, 1964, рис. 1, отд. 2], у савроматов VI–IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, табл. 3, тип IX-A], у ананьинцев – с рубежа VII–VI по III в. до н.э. [Кузьминых, 1983, с. 107-108]. По Г.В. Бельтиковой, данный тип наконечников (БС-8) имеет широкие хронологические рамки VII–III в. до н.э. и узкие – VI–IV в. до н.э. [1982, с. 69, рис. 1, 4–28]. Здесь же найден обломок шила длиной 3,3 см, квадратного в сечении (Прил. 3, рис. 4). С Усть-Терсюкского городища происходит обломок стенки бронзового котла (Прил. 3, рис. 112, 5).

Датировать поздний этап баитовской культуры нам позволяют результаты радиоуглеродного анализа Бочанецкого городища. Калиброванные значения дат, полученных по древесному углю из заполнения баитовского жилища, определяют его существование в рамках 410 – 380 г. до н.э. (Прил. 2, таб. 23, рис. 38). По вещевому материалу памятники поздней группы датировать довольно сложно, так как он представлен только наконечниками стрел, имеющими широкую хронологию. Также датировке позднего этапа баитовской культуры способствует совместное залегание на поздних баитовских памятниках керамики баитовской и саргатской культур. На наш взгляд, по данным абсолютного и относительного датирования поздний этап баитовской культуры можно рассматривать в рамках V – начала IV вв. до н.э.

Таким образом, хронологические рамки существования баитовской культуры могут определяться, во-первых: по инвентарю, радиоуглеродным датам, и содержащимся инокультурным керамическим остаткам, которые позволяют относить баитовские древности к концу VII – началу VI – концу V или началу IV вв. до н.э.; во-вторых, исходя из занимаемой ею хронологической позиции между иткульской (восточный вариант) и саргатской культурами.

Как уже говорилось, недавними исследованиями установлено, что временную лауну между бархатовскими и баитовскими древностями на рассматриваемой территории занимают материалы восточного варианта иткульской культуры [Зах, 2007, с. 61]. Придерживаясь данной гипотезы, можно выстроить следующую хронологическую шкалу древностей позднего бронзового – раннего железного веков Притоболья. В конце IX – начале VIII в. до н.э. на территорию Притоболья проникает население гамаюнской культуры, что неоднократно зафиксировано совместным залеганием бархатовской и гамаюнской керамики на памятниках [Матвеев, 1999, с. 112; Матвеев, Аношко, 2009, с. 302-303]. Синкретичные гамаюнско-бархатовские комплексы также датируются IX–VIII в. до н.э. по материалам городища Усть-Утяк 1 [Кайдалов, Сечко, 2005, с. 28]. В результате взаимодействия мигрантов и местного населения в конце VIII – первой половине VII вв. до н.э. в Притоболье складывается восточный вариант иткульской культуры (иткульский этап). По данным радиоуглеродного датирования и вещевому набору существование восточного локального варианта иткульской культуры определяется концом VIII – началом VII – VI вв. до н.э. [Зими́на, Зах, 2009, с. 214, рис. 111]. Однако с учетом датировки первого периода заселения городища Усть-Утяк 1, по материалам которого выделяется первый, усть-утякский этап иткульской культуры (конец X – начало IX – VIII вв. до н.э.) [Кайдалов, 2013, с.18], ее хронологические рубежи должны быть расширены.

Нижней рубеж байтовской культуры (конец VII – начало VI вв. до н.э.) и верхняя граница восточного варианта иткульской культуры (VI в до н.э.) перекрывают друг друга. На наш взгляд, данное обстоятельство можно объяснить неравномерностью развития. В Нижнем Притоболье к VI в. до н.э. иткульские традиции еще существуют, но в то же время в лесостепном Притоболье уже сформировался и развивается новый культурный стереотип – байтовский (в рамках конца VII – VI в. до н.э.).

Верхняя граница существования байтовской культуры, помимо данных абсолютного и относительного датирования, определяется временем распространения на территории Притоболья памятников гороховской и саргатской культур, ранние из которых – курган 17 Красногорского I могильника, жилище 1 Рафайловского селища, могильник Раскатиха – датируются концом V – началом IV в. до н.э. [Матвеева, 1989, с. 99].

Таким образом, в ранних, и в более поздних байтовских комплексах прослеживаются черты как общие, характерные для культуры в целом, так и особенные, показывающие динамику ее развития. На наш взгляд, несмотря на короткий временной промежуток, в течение которого существовала байтовская культура, охарактеризованные выше материалы отражают изменения, происходившие в ней, и позволяют выделить по крайней мере две хронологические группы памятников – раннюю и позднюю.

3.3. Историческая судьба носителей байтовской культуры

По материалам притобольских памятников хорошо фиксируется факт смены байтовского населения гороховским и саргатским, по всей видимости,

в конце V–IV вв. до н.э. [Матвеева, 1995, с. 78]. Это стратиграфически выражено в перекрывании баитовского слоя саргатским на Прыговском [Среда, культура..., 2009] и Рафайловском городищах [Комплексное изучение ..., 2005, с. 97-99], в комплексах селищ Верхне-Ингальский борок I, Ингалинка I [Матвеева, 1989, с. 99; 1995, с. 78] и др. В литературе утвердилось мнение, что часть баитовского населения была ассимилирована пришлым саргатским, а часть оттеснена на север, где на основе баитовской сложилась кашинская культура [Матвеева, 1989, с. 98-99; 1994, с. 9-11]. А.А. Ковригин и С.В. Шарапова добавляют к баитовскому – иткульский компонент [Ковригин, Шарапова, 1998, с. 68].

Наибольшее взаимодействие населения баитовской культуры на территории Притоболья отмечено с носителями гороховской культуры (воробьевский, ранний этап). По мнению Н.П. Матвеевой, на определенном отрезке времени с баитовскими сосуществуют и проживают чересполосно в Притоболье носители гороховской культуры [Матвеева, 1995, с. 85]. О проникновении с юго-запада раннегороховского (воробьевского) населения в баитовскую среду и взаимодействия с последним, свидетельствуют неоднократно установленные факты совместного залегания керамики и инвентаря этих двух культурных групп в одних жилищах, преимущественно баитовских (поселения Носиловское 2, Ботники 1а, Устюг 2 и др., городища Боровушка 2, Большой Имбиряй 3 и т.д.). Меняется только процентное соотношение содержания гороховской керамики в баитовских материалах, в зависимости от местонахождения памятника. Отмечается тенденция, уменьшения количества гороховской керамики на баитовских памятниках по степени удаленности их от Урала. Так на самых западных поселениях примесь гороховской керамики в баитовских материалах составляет около 15 % (Баитовское городище – баитовская керамика – 85%, гороховская (воробьевский тип) – 15 %). В восточной части ареала один - два горшка (городище Большой Имбиряй 3, городище Боровушка 2).

На байтовских сосудах с раннебайтовских памятников конца VII – нач. VI в. до н.э.: городище Боровушка 2, поселениях Носиловское 2, Чепкуль 8б и других в основном комплексе выделяется группа керамики, напоминающая гороховскую. Она представлена круглодонными, профилированными сосудами с довольно высокой, до 5,5 см шейкой, резко утолщенной к венчику, что достаточно характерно для ранней гороховской посуды, плоским срезом горловины, украшенным отпечатками гребенчатого штампа или насечками. Шейка украшена вертикальными «расчесами», выполненными протасенной гребенкой. В этой же технике на некоторых горшках по плечу нанесена «волна». Последние два элемента и техника также более свойственны ранней гороховской посуде. При этом на горшках присутствуют ямочно-жемчужные узоры, составляющие основу орнаментации байтовской посуды. Определять подобную керамику как гороховскую, на наш взгляд, не совсем корректно: она составляет единый с байтовской керамикой комплекс, сохраняя признаки последней и не обладая в полной мере чертами характерными для гороховской традиции [Зах, Цембалюк, 2014, с. 92]. Проведенный технико-технологический анализ байтовской и гороховской керамики городища Боровушка 2 позволил выявить разные традиции в изготовлении посуды. На фоне этого, их совместное нахождение в байтовских жилищах позволяет поставить вопрос о наличии брачных контактов представителей двух культур, по крайней мере, на раннесаргатском этапе их развития [Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011, с. 107].

Исследователи, проживание разнокультурного населения на одной территории, их тесное взаимодействие, объясняют одной субстратной межовско-бархатовской основой, разделение которой по принципу хозяйственной специализации, и привело к образованию отмеченных групп. В дальнейшем поддерживающих тесные связи между собой в силу

экономических отношений в рамках иткульского металлургического очага [Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1990, с. 109].

В V в. до н.э. гороховское население начинает постепенно вытеснять баитовское из долин р. Тобола и Исети. [Матвеева, 1989, с. 100], в том числе, по всей видимости, и в северном направлении [Там же]. На наш взгляд, результат взаимодействия этих групп населения наиболее ярко отразился в материалах городища Калачик 1, расположенного в Нижнем Притоболье [Зах В.А., Зах Е.М., 1994; Зах, Цембалюк, 2013; 2014] (Прил. 3, рис. 4; 116–127).

Городище многослойно, что подтверждается не только находками раннего и позднего бронзового и раннего железного веков, эпохи средневековья, хорошей стратификацией памятника, но и радиоуглеродными датировками [Зах, Зимина, Рябогина, 2011, с. 223].

На городище исследовано две постройки раннего железного века. Сооружение 1, раскопанное в 1984, представляло собой однокамерную полуземлянку, площадью около 70 кв. м., трапециевидной формы, слабоуглубленную в материк на 0,15–0,5 м. Котлован по длинной оси ориентирован с северо-востока на юго-запад, в центре находился очаг. В северо-восточном направлении из жилища вел канавообразный выход [Зах В.А., Зах Е.М., 1994, с. 32].

Изученная часть сооружения 2 представляла собой остатки слабоуглубленного полуземляночного жилища. Глубина котлована составляет от 0,1 м по краям постройки, увеличиваясь к центру до 0,3–0,4 м. В юго-восточном направлении из жилища, также как в сооружении 1, вел канавообразный выход (Прил. 3, рис. 117; 117, 2).

С описываемыми постройками, связана группа посуды, представленная обломками от 170 сосудов, которая, по нашему мнению, имеет смешанный баитовско-гороховский облик (Прил. 2, таб. 16; рис. 28–29; прил. 3, рис. 122–125). Сосуды, относящиеся к этому комплексу, горшковидной формы, круглодонные, профилированные. В тесте визуальнo отмечается примесь

песка, шамота и талька. Шейки средние и высокие (от 2,5 до 5 см). Сосудов с вертикальной шейкой – 38,2%. Доля отогнутых горловин, более характерных для саргатской и гороховской посуды, составляет 39,4 % (из них 21,8% отогнуты дугообразно). Горловин дуговидно-выгнутой формы – 7 (4,1%). Срез венчика, в основном плоский (39,4%), довольно большой процент составляют скошенные внутрь венчики (10,6%), в 11 случаях – округлый (6,5%), в 4 – приостренный (2,3%) и один (0,6%) скошенный наружу венчик. Сосудов с карнизами – 69 экз. (40,6%). На венчик большинства сосудов отмечается утолщение характерное для гороховской керамики [Матвеева, 1991, с. 82]. Срез горловины в 68,7 % случаях украшен насечками или отпечатками гребенчатого штампа, выше доля неорнаментированных срезов горловин, что более свойственно гороховской посуде. Доля гребенчатого штампа составляет 85 %. Сами оттиски видоизменены: вместо крупногребенчатых «баитовских» – оттиски, похожие на отпечатки гладкого штампа, которые на поверхности посуды становятся слабозаметными. Большое количество узоров выполнено гладким штампом (32,5%) и в прочерченной технике (25,3 %), что более характерно для орнаментации гороховской керамики. По сравнению с упрощенной орнаментальной схемой баитовской посуды, включающей чаще всего один или два элемента, рассматриваемый комплекс керамики отличается большой насыщенностью элементами и повышенным удельным весом геометрических узоров, зигзагов, ромбов, наколов каплевидной формы, различных насечек и др. Перечисленные элементы орнамента, обычные для гороховской утвари, часто встречаются вместе с круглыми ямками (26%) и жемчужинами (17%) – неотъемлемыми баитовскими элементами декора на горловине горшков данного комплекса [Зах, Цембалюк, 2013, с. 59-60; 2014, с. 93].

Таким образом, на наш взгляд, подтверждается точка зрения о «распространения ранних гороховских памятников на восток, вытеснению

баитовцев и заселению баитовских территорий на правобережье Тобола» [Матвеева, 1991а, с. 148-164; 1995, с. 79].

В это же время начинается проникновение с востока на территорию Притоболья саргатского населения. Ранние саргатские памятники Среднего Притоболья: курган 17 Красногорского 1 могильник, жилище 1 Рафайловского селища, могильник Раскатиха [Матвеева, 1993, с. 150], верхний слой городища Калачик 1 [Зах, Зимина, Рябогина, 2011, с. 223, таб. 1; Зах, Цембалюк, 2013, с. 65, таб. 5; рис. 7] (Прил. 3, рис. 126-127) и ряд других датируются концом V–началом IV вв. до н.э.. В результате продвижения саргатских групп на запад, прослеженное появлением саргатской керамики на поздних баитовских памятниках (Большой Имбиряй 3 [Матвеева, Цембалюк, 2004], Бочанецкое, Усть-Терсюкское [Отчет ..., Рафикова, 2008]). Взаимодействие баитовского и саргатского населения фиксируется в совместном залегании керамики в ранних постройках саргатского Рафайловского городища. В жилище 23 у очага обнаружены развалы сосудов баитовской и саргатской культур [Матвеева, 2007, с. 48], также саргатская керамика присутствует в «баитовско-гороховском» слое городища Калачик 1 [Зах, Цембалюк, 2013, с. 60].

Вероятно, отношения местного (баитовского) населения и пришлого (саргатского) не всегда носили мирный характер. Данный факт подтверждается появлением к концу V в. до н.э., временем проникновения саргатского населения на территорию Притоболья, достаточно хорошо укрепленных баитовских городищ типа Большой Имбиряй 3, Бочанецкое. Таким образом, с нашей точки зрения, взаимодействие саргатских, гороховских и баитовских групп в Притоболье привело к ассимиляции последних и к IV в. до н.э. баитовская культура прекращает свое существование, как самостоятельная культурная единица.

3.4. Баитовская культура среди культур начала раннего железного века Западной Сибири

В начале эпохи раннего железа в подтаежной зоне и лесостепи Западной Сибири складываются культуры: богочановская, баитовская, керамические комплексы, тип хозяйства, планировка поселков, устройство жилищ которых очень похожи между собой. В облике керамики рассматриваемой в данной работе баитовской культуры обнаруживаются черты сходства с богочановской посудой (богочановский этап). В свое время на основании близости керамических материалов Среднего Прииртышья, Притоболья и Приишимья, обусловленной единой позднебронзовой основой В.А. Могильников объединил культуры данных регионов в «ивановско-баитовскую» общность, локализовав ее в междуречье Иртыша и Тобола от их слияния на севере до широты г. Омска на юге [Могильников, 1970].

На наш взгляд, отмеченное сходство отражает общее («стадиальное») развитие керамических традиций на начальном этапе раннего железного века в Западной Сибири. В морфологическом плане это выразилось в трансформации дна горшков – от плоскодонных к круглодонным (кроме большереченской культуры, для нее характерна посуда с плоским дном [Троицкая, Бородовский, 1994]); в декоре – в обеднении орнаментации посуды, увеличении использования гребенчатой техники, общих элементах орнамента и композициях, представляющих собой поясok ямок или жемчужин, иногда чередующихся, окаймляющих шейку по середине ее высоты или под венчиком в сочетании с горизонтальными прямыми или наклонными отрезками.

Вместе с тем еще В.А. Могильников указывал на своеобразие керамических комплексов байтовской и богочановской культур, выразившееся, по его мнению, в присутствии в богочановских материалах плоскодонных горшков и их более богатой по сравнению с байтовскими орнаментами [1970, с. 175].

В 1996 г. была опубликована монография Е.М. Данченко «Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э.», где обстоятельно проанализированы богочановские древности, и у нас есть возможность для более детального сравнения керамических комплексов богочановской и байтовской культур. Помимо описанных В.А. Могильником следует отметить и другие существенные отличия богочановской и байтовской керамики. Весьма показательны, что богочановские сосуды в большинстве случаев – баночных форм и имеют менее раздутое тулово [Данченко, 1991, с. 53-54]. Отмечаются и расхождения в процентном содержании некоторых элементов орнамента. На богочановских сосудах велика доля орнаментов в виде лунок, а также волны, которая прочерчивалась или наносилась штампом «змейка» или «скоба» [Там же, с. 57], что реже встречается на байтовских сосудах, происходящих преимущественно с памятников подтаежного Приоболья. Для углубленного анализа сравнение байтовских и богочановских комплексов керамики было проведено по одному набору признаков и подвергнуто автоматической группировке агломеративно-иерархическим методом (Прил. 2, рис. 38). В результате кластеры, образованные богочановскими коллекциями, четко отделились от байтовских, что, на наш взгляд, явно указывает на их культурную неоднородность.

Более сложной представляется проблема идентификации байтовских комплексов на территории Приишимья [Цембалюк, Берлина, 2014]. Вслед за В.Е. Стояновым [1969], исследователи традиционно продолжают рассматривать Приишимье в составе ареала байтовских древностей

[Матвеева, 1989; Хабдулина 1994; Корякова, 1991а и др.]. Действительно, в Приишимье на Лихачевском городище [Отчет ..., Генинг, 1964; 1966], поселениях: Узловском [Стоянов, 1969б], Карлуга 1 и Борки 1 [Хабдулина, 1994], Пеганово 1 [Матвеева, 1989] были получены материалы, атрибутированные как баитовские и долгое время рассматривавшиеся в таком качестве. Однако, Н.П. Матвеева, анализируя керамические коллекции баитовских памятников Притоболья и Приишимья, отмечала некоторое своеобразие последних, а именно преобладание на сосудах ямочных узоров, что связано, по мнению исследователя, с влиянием на этой территории традиций сузгунской культуры [Матвеева, 1994, с. 8-9]. Е.Н. Волков после исследования поселения Озеро Ченчерь 6 [Волков. 2001], отмечая яркие самобытные черты, проявившиеся как в домостроительной традиции, так и в орнаментации керамических комплексов, поставил вопрос о соотношении Приишимских и Притобольских материалов [Там же, с. 231].

На наш взгляд, действительно появление в конце 1990-х. – начале 2000-х гг. таких своеобразных комплексов, как поселения Озеро Ченчерь 6 [Волков, 2001] (Прил. 3, рис. 141), поселения¹⁰ Марай 1 [Отчет ..., Еньшин, Цембалюк, 2011; Отчет ... , Цембалюк, 2014; Цембалюк, 2011; Еньшин, Цембалюк, 2015; Цембалюк, 2015] (Прил. 3, рис. 142), городища Марай 5 [Отчет ..., Рафикова, 2013] (Прил. 3, рис. 143; 144), ставит перед исследователями вопрос о правомерности включения в ареал баитовской культуры территории Приишимья [Цембалюк, Берлина, 2014].

Керамические коллекции вышеперечисленных памятников отличаются от притобольских материалов, и это своеобразие связано, на наш взгляд, с другой линией культурогенеза. В результате кластерного анализа на построенной дендрограмме видно, что приишимские памятники группируются вместе и образуют отдельный кластер. Причем их группа

¹⁰ В результате раскопок 2015 г. установлено, что в раннем железном веке здесь функционировало городище [Цембалюк, 2015б, с.30].

находится от основных баитовских кластеров на довольно большом расстоянии, а больше сближается с памятниками богочановской культуры (Прил. 2, рис. 38).

Пока мы располагаем ограниченной информацией о памятниках начала раннего железного века в Приишимье и не можем их полноценно охарактеризовать. Отметим некоторые особенности приишимских комплексов [Там же].

На поселении Озеро Ченчерь 6 исследовано трехкамерное сооружение 3 [Волков, 2001, с. 228] (Прил. 3, рис. 141, 1, 2), в то время как на территории Притоболья известны полуземляночные баитовские жилища одно- и двухкамерные. Полностью изученная камера представляла собой небольшую, около 22 кв.м., полуземлянку, углубленную в материк на 0,25–0,35 м. По всей видимости, эта камера была жилой: в ней зафиксирован очаг. Коридорами-переходами она была соединена с двумя соседними помещениями, о характере которых судить трудно вследствие их частичной исследованности. Котлованы двух исследованных полностью построек имели подпрямоугольную форму, площадь около 16 и 22 кв. м. и коридорообразные выходы [Там же], подобные отсутствуют в домостроительной традиции носителей баитовской культуры Притоболья.

На памятниках раннего железного века в Приишимье исследованы наземные жилища. Тип характерный для ранних баитовских памятников Притоболья. Их отличают конструктивные особенности возведения построек. Это, реконструированная по материалам Лихачевского городища [Цембалюк, Берлина, 2014], установка основания стены (каркаса (?) и жердей) в специально выкопанную канаву по периметру жилища и использование общих канав для соседних как боковых, так и задних стен построек [Там же, с. 61] (Прил. 3, рис. 142, 1).

Отмечаются различия и в оборонном зодчестве. Оборонительные линии, реконструированные по материалам Лихачевского городища,

представляют собой частокол кольцевой формы с двумя входами, где главный восточный вход укреплен сторожевыми башнями, а второй – южный, представлял собой ворота – калитку [Цембалюк, Берлина, 2014, с. 56-59] (Прил. 3, рис. рис. 142, 2). В притобольских баитовских материалах следов башен, либо конструкций близких к ним не зафиксировано.

Выше в работе, нами не раз отмечался факт «срочного» или поэтапного строительства фортификационных сооружений на уже обжитых баитовских поселках Притоболья [Матвеева, Цембалюк, 2010, с. 6; 11; Цембалюк, Илюшина, Рябогина и др., 2011, с. 105]. Для территории Приишимья реконструируется единовременное строительство жилых и оборонительных сооружений по заранее определенному плану [Цембалюк, Берлина, 2014, с. 61].

Большая насыщенность разнообразными находками (керамический материал, инвентарный набор, представленный железными, бронзовыми, костяными, глиняными и др. предметами), в том числе палеозоологическими материалами, мощность культурного слоя приишимских памятников до 1 м (на притобольских памятниках в среднем 0,2–0,4 м [Матвеева, 1989, с. 79]), интенсивность окраски, следы перестроек и ремонта жилищ, свидетельствует о длительной эксплуатации поселков. На один кв. м. приходится от 100 ед. находок, в отличие от притобольских, где на 100 кв.м. – от 3,6–5,8 (Большой Имбиряй 3 – Боровушка 2) до 10,8–18,5 (Баитовское городище) ед. находок [Цембалюк, Берлина, 2014].

Керамика приишимских памятников в морфологическом и орнаментальном плане очень похожа на позднюю баитовскую Притоболья. Это круглодонные, толстостенные сосуды, с раздутым, иногда шаровидным туловом, высокой, до 5 см, горловиной.

Одной из особенностей приишимских керамических комплексов является присутствие в них довольно большого процента сосудов баночных форм (Лихачевское – 15 % [Цембалюк, Берлина, 2014, с. 62] (Прил. 2, таб.

24); Марай 5 – 12,5 % (Прил. 2, таб. 25); Узловское – 7% [Стоянов, 1969, с. 79].

Горловина, так же как на сосудах с памятников Притоболья, украшена пояском ямок или жемчужин в сочетании с рядами наклонных линий, горизонтальной елочкой, реже зигзагом, нанесенных гребенчатым штампом [Матвеева, 1994, с.8]. Единственным и довольно существенным отличием в орнаменте приишимских горшков, являются параллельные ряды круглых ямок, горизонтально расположенные по тулову (Прил. 2, рис. 141, 143–145). На основании данного признака исследователи относили древности начала раннего железного века Приишимья к бархатовско-сузгунской линии генерации [Корякова, 1991а, с. 30; Матвеева, 1994, с. 8-9; Волков, 2001, с. 228-229].

На наш взгляд, на территории Приишимья происходили отличающиеся от имевших место в Притоболье культурогенетические процессы [Цембалюк, Берлина, 2014]. В первую очередь, это связано со своеобразием данного района как контактной зоны, на что неоднократно обращал внимание М.Ф. Косарев [1981, с. 167].

Территорию Приишимья в позднем бронзовом веке в основном занимало население сузгунской культуры [Полеводов, 2003, с. 8]. Здесь не фиксируются чистые бархатовские комплексы, и вместе с тем в материалах поселений Чупино и Кучум-гора присутствует смешанного облика сузгунско-бархатовская керамика [Матвеев, Аношко, 2009, с. 201-203]. В конце бронзового века в среду местного сузгунского населения начинают проникать таежные группы с крестовой керамикой. В результате образуются своеобразные комплексы типа Ефимово 1 [Матвеев, Горелов, 1991], Старо-Маслянского [Генинг, Евдокимов, 1969], Марай 1 [Цембалюк, 2013; 2015] и Мергень 2, 6 [Ландшафты голоцена ..., 2008, с. 179], отражающие сосуществование еще не в смешанном виде местного сузгунского и пришлого таежного населения [Там же] Данный период по материалам

памятника Хутор Бор 1 выделен А.Я. Труфановым как ранний, хуторборский этап красноозерской культуры [1983, с. 74; 1988, с. 20-21]. Дальнейшее развитие приводит к формированию журавлевских комплексов, памятники которых также известны на территории Приишимья Боровлянка 2 [Панфилов, Зах Е.М., Зах В.А., 1991], Борки 2 [Зах, Данченко, Еньшин и др., 2015]). На основе журавлевских комплексов в южно-таежном Прииртышье и Приишимье складывается богочановская культура [Данченко, 1996], а в лесостепном Приишимье, в результате постепенной трансформации, отраженной в материалах памятников Ласточкино Гнездо [Зах, 2009] и Марай 4, по всей видимости – своеобразные комплексы начала раннего железного века, близкие к баитовским Притоболья [Цембалюк, Берлина, 2014]. На сегодняшний день мы можем предположить время функционирования данных комплексов (лихачевских)¹¹. В материалах Лихачевского городища был обнаружен бронзовый кельт с валиковым орнаментом, датируемый VII–IV вв. до н.э. [Стоянов, 1975, с. 132]. Более точные даты получены по материалам городища Марай 1. По вещевому материалу время функционирования памятника определяется в рамках V–II вв. до н.э., по радиоуглеродным датам древесного угля, временные рамки сужаются до IV–III вв. до н.э. [Цембалюк, 2015, с. 7].

Предложенный нами вариант развития историко-культурных процессов на территории Приишимья гипотетичен и требует разработки на более широком круге источников [Цембалюк, Берлина, 2014, с.64].

¹¹ Мы предлагаем атрибутировать их, по предложенному В.Е. Стояновым [1970] термину для приишимских комплексов, как лихачевские.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения древностей байтовской культуры были сформулированы следующие выводы:

1. Анализ истории изучения археологических культур начала раннего железного века Зауралья, выполненный на основе археологической литературы, позволил выделить два этапа. Первый – 40–70-е гг. XX в., включает первичное накопление археологического материала в результате проведения масштабных раскопок памятников и разведочных работ на территории Зауралья. Осмысление и анализ полученных материалов позволил исследователям сначала выделить разнообразные культурные типы, а затем, на основе систематизации и классификации основных признаков, объединить их в археологические культуры, существовавшие в Зауралье в раннем железном веке. Тогда были выделены и хронологические атрибутированы саргатская, гороховская, иткульская, и, в том числе байтовская – культуры лесостепного Зауралья.

Второй этап – 80-е гг. XX в. – начало XXI в. В этот период изучения выделенных археологических культур, в процессе уточнения их характеристик, дискуссионность приобретают «культурно-генетические» вопросы: происхождения, развития, исторических связей и исторических судеб древнего населения. На данный момент наиболее изученной является саргатская культура. Ее характеризуют широкая территориальная и хронологическая вариативность исследованных памятников, представленных как погребальными, так и поселенческими комплексами. Большая степень изученности материалов саргатской культуры позволила ученым реконструировать происхождение, динамику, историческую судьбу,

социальную стратификацию и антропологический облик ее носителей. Выделить локальные варианты и определить основные направления связей с внешним миром на разных этапах ее развития. В значительной степени освещены проблемы развития гороховских древностей, основанные также на материалах поселенческих и погребальных памятников. Охарактеризованы материалы иткульской культуры, позволившие выделить и описать феномен – «иткульского металлургического очага» на Урале, и несколько позднее на основе исследования поселенческих комплексов выделить восточный локальный вариант иткульской культуры в Притоболье. На фоне масштабного изучения материалов саргатской, гороховской и иткульской культур, в первое десятилетие XXI в. возобновляется интерес к изучению баитовских памятников. Пополнение источниковой базы в результате раскопок памятников на территории Притоболья и их анализ в совокупности с полученными ранее материалами, позволили ученым предложить новые решения некоторых спорных вопросов баитовской проблематики. Во-первых, сформулирована и аргументирована отличная от предыдущей гипотеза о формировании баитовской культуры. Во-вторых, уточнены хронологические рамки и разработана периодизация баитовских древностей. В-третьих, сокращен ареал обитания баитовского населения. Таким образом, к настоящему времени, заполнены основные пробелы, возникшие в изучении археологических культур Зауралья эпохи раннего железа.

2. Исследование основных элементов материальной культуры баитовского населения и системы его жизнеобеспечения позволило наиболее полно охарактеризовать жизнедеятельность баитовских коллективов на территории Притоболья. На основе анализа базы источников по баитовской культуре Притоболья, установлено, что ее составляют материалы 109 памятников расположенных в лесостепной и подтаежной зоне Притоболья, из них 39 исследованы раскопками и 70 – разведками. Проведен анализ современной ландшафтно-климатической ситуации Притоболья. В

совокупности с палеоклиматическими реконструкциями, основанными на данных спорово-пыльцевого анализа почвенных разрезов баитовских памятников расположенных в разных природных зонах: лесостепной (Боровушка 2) и подтаежной (Чечкино 4). Установлено, что баитовские памятники, располагались в других ландшафтных условиях, чем они находятся в современности. Население баитовской культуры обеих природных зон, предпочитало селиться на участках приречных территорий, покрытых березовыми лесами, окруженных лугово-степными участкам. Это подтверждается геоморфологическим анализом расположения баитовских памятников. В большинстве случаев баитовские группы размещали поселки в поймах рек: на гривах, дюнах, останцах, на низких мысовидных выступах первой и второй, надпойменной террас, т.е. на участках, высота которых не превышала 8 м от уровня воды. Строительство Усть-Терсюкского городища на высоком 42-х метровом мысу, объясняется изменением на позднем этапе существования баитовской культуры политической обстановки в регионе, возникновением военной угрозы, связанной с миграцией саргатского населения. Большинство баитовских памятников (центр ареала культуры) сосредоточено в междуречье Тобола и Исети на территории обеспеченной лугово-травяными ресурсами. Недолговременный характер поселений их большое количество свидетельствует о мобильном образе жизни баитовского населения, чему способствовали равнинный характер местности и развитая система рек. Таким образом, выбор условий для размещения баитовских поселков был обусловлен характером их хозяйственной деятельности и удовлетворением жизненно необходимых потребностей.

2.1. На основе проведенной типологизации поселений, построек и фортификационных сооружений, оставленных населением баитовской культуры, установлено применение ими разнообразных традиций в домостроительстве и оборонном зодчестве. Баитовские памятники представлены как обширными, так и небольшими по площади

неукрепленными и укрепленными (городища) с обширными селищами поселениями. Городища в свою очередь – слабо- и хорошо укрепленными поселками. Оборонительные сооружения слабо укрепленных городищ в рельефе представлены слабовыраженными незамкнутыми валами и рвами (на некоторых рвы отсутствуют) различной конфигурации – ломаные дуги, прямые линии и т.д. Фортификации слабоукрепленных поселений вряд ли носили оборонительный характер, а связаны с хозяйством или идеологией байтовского населения. Хорошо укрепленные городища – мысовые, либо круглоплановые, с однолинейной земляной защитой из рва и вала, дополненного деревянными конструкциями (изгородь, частокол, стена). Установлено, что определенной системы застройки у байтовского населения не существовало, только на городищах прослеживаются некоторые черты упорядоченного размещения строений. Для домостроительной традиции байтовского населения реконструировано два типа каркасно-столбовых построек – наземные, оконтуренные по периметру ямами-карьерами или канавами, и полуземляночные – одно- двух камерные. Обогрев помещений и приготовление пищи осуществлялся с помощью открытых очагов, количество которых варьирует в зависимости от площади жилища. Для отдыха в жилищах использовались земляные нары (лежанки). Хозяйственными и бытовыми делами байтовское население занималось в специально отведенных помещениях и на открытом воздухе.

2.2. Хозяйство байтовского населения было комплексным, с доминированием отраслей производящей экономики в частности скотоводства, носившего отгонный характер, и значительной ролью металлообработки, которой, придавалось сакральное значение. Реконструированы занятия байтовским населением керамическим, металлообрабатывающим, кожевенным, ткацким, камне- и костеобрабатывающим и другими производствами. В целом, выработанная байтовским населением система многоотраслевой экономики позволяла ему

эффективно адаптироваться к изменениям окружающей среды и социально-политической обстановки в Притобольском регионе.

3. По результатам статистической обработки керамики, в совокупности с данными ее сравнительного анализа с материалами предыдущих археологических культур и синхронных образований, а также, выявленных различий в домостроительной традиции, оборонном зодчестве, некоторых категориях инвентаря, с учетом радиоуглеродных датировок: разработана схема хронологической дифференциации и уточнены временные рамки баитовских древностей; дополнительно аргументирована гипотеза о формировании баитовской культуры на основе восточного варианта иткульской и предложены механизмы их трансформации; подтверждена гипотеза об ассимиляции баитовского населения саргатским, предложено вычленивать древности раннего железного века Приишимья в отдельную культурную группу и исключить данный регион из ареала обитания баитовского населения.

3.1. Анализ керамических коллекций баитовских памятников подтвердил самобытность и уникальность баитовской керамики, позволяющей легко вычленивать ее из материалов синхронных и диахронных культурных образований. Морфологически – баитовская посуда представлена круглодонными сосудами горшковидных форм. Горшки с раздутым туловом, шаровидные, профилированные, имеют округлые плечики, вертикальную горловину чаще с плоским венчиком. По данным технико-технологического анализа посуда изготавливалась из запесоченного сырья способом лоскутного и спирально-жгутового налета. Во время обжига ей придавался коричневый цвет. В большинстве случаев украшалась только верхняя часть сосуда: жемчужинами, круглыми ямками, уголками, наклонными, горизонтальными линиями, горизонтальной елочкой, вертикальным зигзагом, реже – решеткой, «расчесами», качалкой, фестонами. Орнаменты обычно выполнены гребенчатым штампом.

Отличительной особенностью керамики баитовской культуры является украшение верхнего среза горловины «сеткой», рядами наклонных линий, выполненных в гребенчатой либо прочерченной технике. Декоративные композиции горловины представлены сочетанием двух-трех элементов орнамента: состоят из прямых либо наклонных линий, реже – горизонтальных отрезков, довольно часто – в сочетании с пояском жемчужин или округлых ямок, также используется «елочка», зигзаг, решетка. Шейка подчеркивалась пояском гребенчатого штампа, ямок, жемчужин. В зоне плечиков чаще всего встречаются наклонные линии, оттиски уголкового штампа, зигзаги, иногда сетка, «протащенные волны», шагающая гребенка.

3.2. Сравнение морфологических и орнаментальных признаков баитовской посуды при помощи методов математической статистики позволило разбить ее на группы. Анализ, выделенных керамических групп в совокупности с ранее выявленными различиями в домостроительной традиции и оборонном зодчестве с учетом данных радиоуглеродного датирования и датированных аналогий по инвентарю, позволил хронологически дифференцировать баитовские древности на два этапа. К раннему этапу относятся: слабо укрепленные городища, и неукрепленные поселения с наземными постройками в керамических комплексах которых преобладают слабопрофилированные тонкостенные сосуды яйцевидных форм с короткой горловиной, упрощенным декором, представленным пояском жемчужин или ямок на горловине иногда в сочетании с косыми или прямыми отрезками, вертикальным зигзагом, доминированием в орнаментации гребенчатой техники. Присутствием на раннебаитовских памятниках керамики воробьевского типа. Ранний этап баитовской культуры датируется концом VII–VI вв. до н.э. Поздний этап маркируют хорошо укрепленные городища, с одно- двухкамерными полуземляночными постройками. Керамический комплекс представлен хорошо профилированными толстостенными шаровидными сосудами, с высокой горловиной. В

орнаментации посуды увеличивается доля резных и прочерченных орнаментов, усложняется композиционное построение узора. В материалах поздних памятников отмечается присутствие саргатской керамики. Датируется поздний этап – V – нач. IV вв. до н.э.

3.3. Формирование баитовских древностей происходит на основе заключительного этапа восточного варианта иткульской культуры. Об этом свидетельствуют некоторые морфологические и орнаментальные характеристики раннебаитовской посуды, показывающие наличие признаков, свойственных позднеиткульским комплексам. Отдельные категории изделий, домостроительные и оборонительные характеристики раннебаитовских памятников также находят аналогии в материалах восточного варианта иткульской культуры.

3.4. В Притоболье баитовская культура сменяется гороховской и саргатской культурами. Население баитовской культуры к IV в. до н.э. было ассимилировано саргатским и гороховским населением.

3.5. Сопоставление материалов памятников начала раннего железного века Приишимья показало существенные отличия от баитовских Притобольского региона. Прежде всего, они выражаются – в керамическом комплексе: в орнаментации тулова и придонной части сосудов параллельными рядами круглых ямок, присутствием в комплексах большого количества сосудов баночной формы; в домостроительной традиции – наличии трехкамерных полуземляночных жилищ, строительством наземных сооружений с общими боковыми и задними стенами по заранее подготовленному архитектурному плану; в оборонном зодчестве – наличием башен, а также мощностью и насыщенностью культурного слоя, свидетельствующего о долговременном проживании коллективов в рамках одного поселка. В работе предложено объяснять вышперечисленные отличия приишимских материалов от притобольских иными

культурногенетическими процессами. Приишимские комплексы датированы V – III вв. до н.э..

Таким образом, комплексный анализ материалов начала раннего железного века Притоболья подтвердил идею об их культурном своеобразии и возможности объединения в особую археологическую культуру – баитовскую, существовавшую на территории лесостепного и подтаежного Притоболья с конца VII в. до н.э. – до IV в. до н.э.. Выделение хронологических групп, предложенная гипотеза о формировании и исторической судьбе баитовской культуры, ограничение ареала позволили определить место баитовских древностей среди культур раннего железного века Притоболья между древностями восточного варианта иткульской культуры и саргатскими.

В перспективе дальнейшего изучения требуют следующие вопросы: определение места памятников начала раннего железного века Приишимья в культурно-хронологической шкале древностей Зауралья. Возможно, проводимые в настоящее время активные работы на территории Марайского археологического микрорайона прольют свет на решение данной проблемы. Еще одной актуальной задачей является поиск могильников, в том числе методами магнитометрии и аэрофотосъемки, и изучение погребального обряда носителей баитовской культуры. Также уточнения требует восточная граница ареала распространения баитовских древностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. *Аношко О.М.* Разведочные работы в Ялуторовском районе Тюменской области в 2002 г. – Тюмень, 2003. – Архив ИПОС СО РАН. № 11/2.
2. *Аношко О.М.* Отчет об аварийно-спасательных работах на селище Карагужевское в Упоровском районе Тюменской области в 2005 г. – Тюмень, 2006. – Архив САИЭ ИГИ ТюмГУ. № 1/49.
3. *Бахарева Т.Н.* Разведочные исследования в Ялуторовском районе. Отчет о полевых исследованиях в 2003 г. – Тюмень, 2004. – Архив ИПОС СО РАН. № 18/1.
4. *Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е.* Отчет о раскопках Воробьевского поселения в 1981–1982 гг. – Свердловск, 1983. – Архив ИА РАН. Р–1. № 11016.
5. *Беспрозванный Е.М.* Отчет о разведке в Каргапольском районе Курганской области в 1976 г. – Архив ИА РАН. Р–1. № 6038.
6. *Борзунов В.А.* Отчет об исследованиях городищ Зотинского II (Нижнего Правобережного) и Зотинского III (Левобережного) на р. Багаряк в Каслинском районе Челябинской области в 1977 г. – Свердловск, 1977. – Архив КА УрГУ. № 77032886.
7. *Буслов И.А.* Отчет о рекогносцировочных археологических исследованиях в Исетском районе Тюменской области (исследования Ботниковского 3 святилища) в 1990 г. – Тюмень, 1991. – Архив ИА РАН. Р–1. № 15370.

8. *Бутакова Н.Н.* Отчет об археологической разведке на территории Курганской области (в Каргапольском и Шатровском районах) в 1975 г. – Тюмень, 1976. – Архив ИА РАН. Р–1. № 6027. №6027А.
9. *Викторова В.Д.* Отчет о работе Туринского отряда Уральской экспедиции в 1967 г. – Свердловск, 1968. – Архив ИА РАН. Р–1. №6340.
10. *Волков Е.Н.* Отчет о полевых исследованиях в 2000 г. «Разведки и раскопки на севере и юге Тюменской области» – Тюмень, 2001. – Архив ИПОС СО РАН. № 4/5.
11. *Гашева Т.Г.* Отчет об археологической разведке по Тоболу в Ялуторовском районе Тюменской области в 1963 г. – Свердловск, 1964. – Архив КА УрГУ. ф. II. № 44.
12. *Генинг В.Ф.* Отчет о работах Уральской археологической экспедиции в 1961 г. – Свердловск, 1962. – Архив ИА РАН. Р–1. № 2362.
13. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических исследованиях в Курганской области Уральской археологической экспедиции в 1962 г. ч. 1 – Свердловск, 1963. – Архив ИА РАН. Р–1. № 2480.
14. *Генинг В.Ф.* Отчет о раскопках Лихачевского поселения в 1964 г. – Свердловск, 1965. – Архив ИА РАН. Р–1. № 2865.
15. *Генинг В.Ф.* Отчет о раскопках Лихачевского городища (д. Лихачева Абатского района Тюменской области), произведенных Уральской археологической экспедицией летом 1966 г. – Свердловск, 1967. – Архив ИА РАН. Р–1. № 3382.
16. *Данилевич С.Б.* Отчет об археологической разведке, проделанной в нижнем течении р.Туры от д. Липчинское до г.Тюмени в 1963 г. – Свердловск, 1964. – Архив ИА РАН. Р–1. № 4211.
17. *Еньшин Д.Н., Цембалюк С.И.* Охранные исследования поселения Марай 1 в Казанском районе Тюменской области в 2010 г. – Тюмень, 2011. – Архив ИПОС СО РАН. №24/3.

18. *Жилина И.В.* Отчет об археологической разведке по Ялуторовскому и Заводоуковскому районам Тюменской области в 1981 г – Тюмень, 1982. – Архив ИПОС СО РАН. №23/2.

19. *Жилина И.В.* Отчет об археологической разведке по Ялуторовскому и Заводоуковскому районам Тюменской области в 1982 году. – Тюмень, 1983-2000г. – Архив КА УрГУ. ф. II. д. 252.

20. *Зах В.А.* Отчет о работе Аманадской археологической экспедиции в Тюменской области и на р. Ине в Новосибирской области в 1984 г. – Тюмень, 1985. – Архив ИПОС СО РАН. №5/1.

21. *Зах В.А.* Отчет о работе 4 отряда Тюменской археологической экспедиции в Тюменской области, в зоне Большой Аманадской системы (Ялуторовский район) и по трассе канала по переброске части стока сибирских рек в Среднюю Азию (Ярковский район) в 1985 г. – Тюмень, 1986. – Архив ИПОС СО РАН. №5/2.

22. *Зах В.А.* Отчет о работе 4 отряда Тюменской археологической экспедиции в 1986 году. – Тюмень, 1987. – Архив ИПОС СО РАН. №5/3.

23. *Зах В.А.* Охранные раскопки поселения Чепкуль 8б в Тюменском районе Тюменской области в 2006 г. – Тюмень, 2008. – Архив ИПОС СО РАН. № 5/5.

24. *Зими́на О.Ю.* Разведочные работы в Ишимском и Заводоуковском районах Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2000 г. – Тюмень, 2001. – Архив ИПОС СО РАН. № 8/1.

25. *Зими́на О. Ю., Усачева И. В., Саранулова Н. Г.* Отчет о полевых археологических исследованиях системы озер Туро-Пышминского междуречья в Тюменском районе Тюменской области в 2004 г. – Тюмень, 2005. – Архив ИПОС СО РАН. № 8/6.

26. *Матвеев А.В.* Отчет о работе Тюменской археологической экспедиции в 1982 г. – Тюмень, 1983. – Архив ИА РАН. Р-1. № 9374.

27. *Матвеев А.В.* Отчет о работе 1-го отряда Тюменской археологической экспедиции в 1986 г. – Тюмень, 1987. – Архив МАИЭ ТюмГУ. № 1/44.

28. *Матвеев А.В.* Изучение археологического микрорайона Ингальская долина. Отчет о полевых исследованиях в 1995 г. – Тюмень, 1996. – Архив ИПОС СО РАН. № 2/11.

29. *Матвеев А.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 2001 г. – Тюмень, 2002. – Архив ИПОС СО РАН. № 8/6.

30. *Матвеев А.В.* Отчет об археологических исследованиях в Ингальской долине в 2002 г. (поселения Заводоуковское 9, Большой Имбиряй 2, Имбиряй 3). – Тюмень, 2003. – Архив САИЭ ИГИ ТюмГУ. № I/15, № I/16.

31. *Матвеева Н.П.* Отчет о полевых археологических исследованиях в Тюменской области в 1981 г. – Тюмень, 1982. – Архив ИПОС СО РАН. № 3/3.

32. *Матвеева Н.П.* Отчет о полевых археологических исследованиях в Упоровском и Исетском районах Тюменской области в 1982 г. – Тюмень, 1983. – Архив ИПОС СО РАН. № 3/4.

33. *Матвеева Н.П.* Отчет о работе Исетской археологической экспедиции в 1983 г. – Тюмень, 1984. – Архив ИПОС СО РАН. № 3/6.

34. *Матвеева Н.П.* Отчет о работах 1-го отряда лесостепной археологической экспедиции Тюменского университета в 1984 г. – Тюмень, 1985. – Архив ИА РАН. Р–1. № 10578. № 10579.

35. *Матвеева Н.П.* Отчет о работе 2-го отряда Тюменской археологической экспедиции в 1985 г. – Тюмень, 1986. – Архив МАИЭ ТюмГУ. № 1-37.

36. *Матвеева Н.П.* Отчет о работе 2-го отряда Тюменской археологической экспедиции в 1986 г. – Тюмень, 1987. – Архив МАИЭ ТюмГУ. № 1-42.

37. *Матвеева Н.П.* Отчет об археологических исследованиях в Исетском и Заводоуковском районах Тюменской области в 1994 г. – Тюмень, 1995. – Архив ИПОС СО РАН. №3/17.

38. *Матвеева Н.П.* Отчет о полевых археологических исследованиях в Исетском и Ялуторовском районах Тюменской области в 2003 г. – Тюмень, 2004. – Архив ИПОС СО РАН. №3/28.

39. *Матвеева Н.П.* Отчет о полевых исследованиях в Исетском и Ялуторовском районах Тюменской области в 2004 г. – Тюмень, 2005. – Архив ИПОС СО РАН. № 3/36.

40. *Матвеева Н.П.* Отчет о проведении археологических раскопок в Тюменском и Заводоуковском районах Тюменской области в 2009 году. – Тюмень, 2010. – Архив САИЭ ИГИ ТюмГУ. №

41. *Могильников В.А.* Отчет о полевых исследованиях Сибирско-Среднеазиатской экспедиции в 1978 г. (Тюменская и Курганская области). – Москва, 1979. – Архив ИА РАН. Р–1. № 7999.

42. *Овчинникова Б.Б.* Отчет о раскопках Старо-Лыбаевского городища в Тюменской области (лето 1969). – Свердловск, 1970. – Архив ИА РАН. Р–1. № 8284.

43. *Панфилов А.Н.* Отчет о работах 3-го отряда Тюменской археологической экспедиции в Тюменской области в 1987 г. – Тюмень, 1988. – Архив ИА РАН. Р–1. № 12031.

44. *Петрин В.Т.* Отчет об археологической разведке на территории Курганской области в 1972 г. – Свердловск, 1973. – Архив ИА РАН. Р–1. № 5275.

45. *Потемкина Т.М.* Отчет об археологических разведках в Курганской области в 1966 г. – Курган, 1967. – Архив ИА РАН. Р–1. № 3370.

46. *Потемкина Т.М.* Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Курганского пединститута в 1970 г. – Курган, 1971. – Архив ИА РАН. Р–1. № 4189, № 4189А.

47. *Рафикова Т.Н., Берлина С.В.* Отчет об археологических раскопках Усть-Терсюкского городища в Шатровском районе Курганской области в 2007 г. – Тюмень, 2008. – Архив САИЭ ИГИ ТюмГУ.

48. *Рафикова Т.Н.* Отчет об археологических раскопках городища Марай 5 в Казанском районе Тюменской области в 2012 г. – Тюмень, 2013. – Архив ИПОС СО РАН. №14/4.

49. *Савельев В.Г.* Отчет Курганского областного краеведческого музея о разведках в Белозерском и Куртамьшском районах Курганской области в 1986 г. – Курган, 1987. – Архив ИА РАН. Р–1. № 11492.

50. *Сальников К.В.* Отчет об археологических исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции, производившихся по открытому листу №112, выданному 16 июня 1956 года на имя К.В. Сальникова. – Свердловск, 1957. – Архив ИА РАН. Р–1. № 1337.

51. *Сводный отчет* по государственному контракту №Э0264/14053 от 31 июля 2002 г. на выполнение работ по проекту «Археологические и палеоэкологические исследования в Ингальской долине в целях развития фундаментальной науки и использования ее достижений в учебном процессе» федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования России на 2002 – 2006 гг.». – Тюмень, 2003. – Архив ИПОС СО РАН. № 6/44.

52. *Сергеев А.С.* Отчет об археологических исследованиях в Свердловской и Тюменской областях в 1987 г. – Свердловск, 1988. – Архив ИА РАН. Р–1. № 12316.

53. *Стефанов В.И.* Отчет об археологической разведке в Упоровском районе Тюменской области в 1976 г. (а). – Свердловск, 1976. – Архив ИА РАН. Р–1. № 6348.

54. *Стефанов В.И.* Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино 2 в Упоровском районе Тюменской области, произведенных в 1979 г. – Свердловск, 1980. – Архив ИА РАН. Р–1. № 7600.

55. *Стоянов В.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Катайском, Шадринском и Белозерском районах Курганской области в 1961 г. – Свердловск, 1962. – Архив ИА РАН. Р–1. №2360.

56. *Стоянов В.Е.* Отчет об археологических исследованиях Исетского отряда экспедиции УрГУ на Воробьевском городище и разведке в среднем течении р. Исети от г. Шадринска до пос. Исетск в 1962 г. – Свердловск, 1963. – Архив ИА РАН. Р–1. № 2465.

57. *Стоянов В.Е.* Отчет Курганского отряда археологической экспедиции Уральского университета в 1963 г. – Свердловск, 1964. – Архив ИА РАН. Р–1. №2749.

58. *Фролов В.Н.* Отчет о разведках в Мехонском районе Курганской области и Исетском районе Тюменской области в 1962 г. – Свердловск, 1963. – Архив КА УрГУ. ф.П. д.43.

59. *Цембалюк С.И.* Разведочные работы в Упоровском районе Тюменской области в 2005 г. – Тюмень, 2006. Архив ИПОС СО РАН. № 13/3.

60. *Цембалюк С.И.* Охранные раскопки городища Боровушка 2 в Упоровском районе Тюменской области в 2007 г. – Тюмень, 2008. – Архив ИПОС СО РАН. № 13/4.

61. *Цембалюк С.И.* Продолжение охранных исследований городища Боровушка 2 в Упоровском районе Тюменской области в 2009 г. // Архив ИПОС СО РАН. – № 13/5.

62. *Цембалюк С.И.* Охранные раскопки Бочанецкого городища в Упоровском районе Тюменской области в 2011 г. – Тюмень, 2013. – Архив ИПОС СО РАН. № 13/6.

63. *Цембалюк С.И.* Продолжение охранных исследований поселения Марай 1 в Казанском районе Тюменской области в 2013 г. – Тюмень, 2014. – Архив ИПОС СО РАН. №13/7.

64. *Шарапова С.В.* Отчет о раскопках Баитовского городища в Белозерском районе Курганской области. – Екатеринбург, 2000. – Архив КА УрГУ. ф.И. д.595.

65. *Шилов С.Н.* Отчет об археологических исследованиях 1996 года Курганского государственного университета на территории Курганской области. – Курган, 1997. – Архив КГУ.

66. *Юровская В.Т.* Отчет об археологической разведке в среднем течении реки Тобол, проведенной летом 1962 г. – Свердловск, 1963. – Архив ИА РАН. Р-1. № 2480.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова М.Б., Стефанов В.И.* Красноозерская культура на Иртыше //Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск. – 1985. – С. 109-130.

2. *Аношко О.М.* Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 27 с.

3. *Археологическая карта Курганской области* / Н.Б. Виноградов. – Курган: ИПП «Зауралье», 1993. – 344 с.

4. *Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепной и подтаежной полосы* / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов, М.А. Буслова, В.А. Зах, В.А. Могильников. – Новосибирск: Наука, 1995. – 240 с.

5. *Археологические памятники Шигирского торфяника* / Н.М. Чаиркина, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, А.С. Литвяк. – Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2001. – 196 с.
6. *Багашев А.Н.* Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник: Материалы науч. конф. – Тюмень: Тюм. ун-т, 1996. – С. 20–28.
7. *Багашев А.Н.* Палеоантропология западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железного века. – Новосибирск: Наука, 2000 – 374 с.
8. *Бакулин В.В., Козин В.В.* География Тюменской области. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. – 240 с.
9. *Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1977. – С. 119–133. – (ВАУ; вып. 14).
10. *Бельтикова Г.В.* Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: УрГУ, 1982. – С. 65–77. – (ВАУ; вып. 16).
11. *Бельтикова Г.В.* Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 103–117. – (ВАУ; вып. 19).
12. *Бельтикова Г.В.* Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. – 1993а. – Вып. 21. – С. 93–106.
13. *Бельтикова Г.В.* Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н. э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: Наука, 1993б. – С. 38–75.
14. *Бельтикова Г.В.* Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири: (к 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 162–186.

15. *Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н.* Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. – 1991. – Вып.20. – С. 102–114.

16. *Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е.* Городище Думной горы – место специализированного металлургического производства (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1984. – С. 130–144. – (ВАУ; вып. 17).

17. *Берлина С.В.* Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 18 с.

18. *Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. – Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1954. – С. 63–65.

19. *Берс Е.М.* Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья: по материалам раскопок Средне-Уральской археологической экспедиции // Вопросы истории Урала. – 1958. – Вып.1. – С. 3–21.

20. *Берс Е.М.* Памятники и керамика гамаюнской культуры // Из истории Урала – Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1960. – С. 75–86.

21. *Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестности. – Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1963. – 116 с.

22. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

23. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 5–109.

24. *Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С.* Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры (XII–IX вв. до н.э.) в окрестностях

Кисловодска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 4 (23). – С. 142–154.

25. *Большая российская энциклопедия*. В 30-и т. Т. 16. Крещение Господне – Ласточкины / Науч. ред. Ю.С. Осипов; отв. ред. С.Л. Кравец. – 751 с.

26. *Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. – 188 с.

27. *Боровиков В.* STATISTICA. Искусство анализа данных на компьютере: Для профессионалов. – СПб.: Питер, 2003. – 688 с.

28. *Булдашов В.А.* К истории исследования и изучения погребальных памятников гороховской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. – 1997. – Вып. IV. – Ч.1. – С. 20–42.

29. *Бунятян Е.П.* О критериях скотоводства // Киммерийцы и скифы: тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. 25-28 мая 1992 г. – Мелитополь: Мелитопольская типография, 1992. – С. 20–21.

30. *Валдайских В.В.* Естественное восстановление растительности и почв на примере археологического памятника «Павлиново городище» // Экологические проблемы промышленных регионов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – С. 97–98.

31. *Викторова В.Д.* Археологическая карта бассейна рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников): Дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1969 // КА УрГУ. – Ф. III. – д. 127.

32. *Викторова В.Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников). Приложение: Дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1969 // КА УрГУ. – Ф. III. – д. 89.

33. *Вишневская О.А.* Центральный и Восточный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.:

Наука, 1992. – Гл. 5.– С. 130–140. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20- томах).

34. *Волков Е.Н.* Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998 – 1999 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии.– 2001. – № 3. – С. 226–231.

35. *Волков Е.Н.* Комплекс археологических памятников Ингальская долина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 224 с.

36. *Волков Е.Н., Ведерников П.А.* Материалы к археологической карте Ингальской долины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – № 3. – С. 130–137.

37. *Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.)* / Л.И. Ашихмина, Е.М. Черных, В.А. Шаталов. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-т, 2006. – 220 с.

38. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Май – удмуртский могильник VIII-IX вв. н.э.// ВАУ. – 1962. – Вып.3. – С. 7–111.

39. *Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–137.

40. *Генинг В.Ф.* Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наук. думка, 1992. – 188 с.

41. *Генинг В.Ф., Евдокимов В.В.* Старомаслянское поселение // Археологические памятники Ишимской лесостепи. Отчеты уральской археологической экспедиции 1963-1964 гг. / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск, 1969. – С. 57–64. – (ВАУ; вып. 8).

42. *Глазунов В.А.* Изучение элементов степной растительности на юге Тюменской области // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 82–84.

43. *Данченко Е.М.* Ранний железный век южно-таежного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 21 с.

44. *Данченко Е.М.* Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э.. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. – 212 с.
45. *Древности Андреевской озерной системы: В 2т. Том 1: Археологические памятники / В.А. Зах, И.В. Усачева, О.Ю. Зими́на, С.Н. Скочина, И.Ю. Чикунова.* – Новосибирск: Наука, 2014. – 225 с.
46. *Древняя культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М.Оразбаев.* – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
47. *Еньшин Д.Н., Цембалюк С.И.* Исследование поселения Марай 1в 2010 г. // АО 2010 – 2013 годов. – М.: Наука, 2015 г. – С. 641.
48. *Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1995. – 96 с.
49. *Зах В.А.* Чечкино 1 – городище X-XIII вв. в Нижнем Притоболье // Тюменский исторический сборник. – Тюмень: ТюмГУ, 1996. – С. 29–35.
50. *Зах В.А.* К вопросу формирования байтовских комплексов в Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 8. – С. 55–63.
51. *Зах В.А.* Городище Ласточкино гнездо в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – С. 67–80.
52. *Зах В.А., Волков Е.Н., Зими́на О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю., Усачева И.В., Цембалюк С.И.* // Адаптация, трансформация и взаимодействие культур в голоцене Тоболо-Ишимья в переходные периоды. – Москва: Изд-во РОССПЭН, 2010. – С.97–106.
53. *Зах В.А., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Костомаров В.М., Илюшина В.В.* Комплексы переходного времени городища Борки 1 в Приишимье // Человек и север. Антропология, археология, экология: Матлы. Всерос. конф., г. Тюмень, 6-10 апреля 2015 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. – С. .132–136.

54. *Зах В.А., Зах Е.М.* О культурно-исторической ситуации в Нижнем Притоболье на рубеже бронзового и раннего железного веков // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещания / Ин-т истории и археологии Уро РАН, Урал. Гос. Ун-т. – Екатеринбург, 1993. – С. 61–62.

55. *Зах В.А., Зах Е.М.* Городище раннего железного века Калачик 1 на Тоболе // Западная Сибирь – проблемы развития. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. – С. 32–44.

56. *Зах В.А., Зимина О.Ю.* Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков (Юртоборовский микрорайон) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. – 2001. – Вып. 3. – С. 138–149.

57. *Зах В.А., Зимина О.Ю.* Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. 4. – С. 103–106.

58. *Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е.* Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 219–233.

59. *Зах В.А., Рябогина Н.Е.* Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 85–100.

60. *Зах В.А., Цембалюк С.И.* Баитовской комплекс поселения Чепкуль 8б // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10. – С. 65–74.

61. *Зах В.А., Цембалюк С.И.* Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 54–67.

62. *Зах В.А., Цембалюк С.И.* К вопросу о происхождении саргатской культуры // Вопросы истории Сибири. – 2014. – Вып. 9. – С. 89–96.
63. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30. – 329 с.
64. *Зими́на О.Ю.* К вопросу о хозяйственной деятельности населения Нижнего Приоболья на рубеже бронзового – железного веков // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 116–118.
65. *Зими́на О.Ю.* Исследование городища Карагай Аул 1 в Нижнем Приоболье // Вестник археологии, антропологии, этнографии. – 2004а. – № 5. – С. 38–50.
66. *Зими́на О.Ю.* Исследование памятников переходного времени от бронзы к железу в Нижнем Приоболье в 2001 – 2003 гг. // Вестник археологии, антропологии, этнографии. – 2004б. – № 5. – С. 201–203.
67. *Зими́на О.Ю.* Аналогии кольцевым городищам Тюменского Приоболья в системе памятников с круговой планировкой Урало-Сибирского региона // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2005. – С. 71–84.
68. *Зими́на О.Ю.* Иткульская культура в Нижнем Приоболье (восточный локальный вариант): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 23 с.
69. *Зими́на О.Ю.* Новые поселения иткульской культуры в Зауралье // Человек и север. Антропология, Археология, Экология. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. – С. 136–140
70. *Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 232 с.
71. *Зими́на О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н., Колмогоров П.А., Галкин В.Т., Аношко О.М.* Городище Чеганово 3 в Нижнем Приоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 6. – С. 58–72.

72. *Зими́на О.Ю., Костомаров В.М., Цемба́люк С.И.* Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3(18). – С. 73–81.

73. *Зими́на О.Ю., Ско́чина С.Н.* О назначении керамических орудий городища Вак-Кур-2 // Северный археологический конгресс: Тез. докл. 9–14 сентября 2002. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Издат. Дом «ИздатНаукаСевер», 2002. – С. 225–227.

74. *Зими́на О.Ю., Цемба́люк С.И.* Памятники баитовской культуры подтаежной зоны Притоболья // АВ ORIGINE. – 2012. – Вып. 4. – С. 22–37.

75. *Зими́на О.Ю., Цемба́люк С.И.* Начало раннего железного века в Притоболье // Переходные эпохи в археологии: Мат-лы Всеросс. археол. конф. с междунар. уч-ем "XIX Уральское археологическое совещание". – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. 2013. – С. 65–67.

76. Зимовье овец. Зимний выпас – Электронный ресурс: <http://www.ya-fermer.ru/zimove-ovec> – Время обращения 26.02.2016

77. *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – М.: Наука, 1984. – 87 с.

78. *Иванов В.А., Пшеничнюк А.Х.* Городище финальной бронзы на р. Миасс // СА. – 1978. – № 4. – С. 255–260.

79. *Иванов С.Н., Рябогина Н.Е.* Реконструкция природных условий и палиностратиграфическая корреляция археологических отложений Нижнего Притоболья // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. 5. – С. 73–78.

80. *Илюшина В.В.* Эволюция культуры лесостепной части Западной Сибири второй четверти II – середины I тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Челябинск, 2011. – 26 с.

81. *История археологии Южного Зауралья: Учеб. Пособие / Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г., Самигулов Г.Х.* – Челябинск: Челяб. гос.ун-т, 2002. – 347.

82. *История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года).* – Курган: Изд-во Курганского гос. пединститута, 1995. – Том 1. – 370 с.

83. *Кайдалов А.И.* Городище Усть-Утяк 1 как источник по изучению историко-культурных процессов на территории Среднего Притоболья в переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2013. – 33 с.

84. *Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Комплекс поздней бронзы и перехода к раннему железному веку городища Усть-Утяк (по материалам исследований 2002-2003 г.) // Этнические взаимодействия на южном Урале: Мат-лы II регион. научно – практич. конф. – Челябинск: ООО «Рифей», 2004, – с. 73–76.

85. *Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Керамика и домостроительство лесного населения Среднего Притоболья в комплексе финальной бронзы и перехода к раннему железному веку городища Усть-Утяк 1: вопросы хронологии и атрибуции (по материалам исследований 2002 – 2004 гг.) // Зыряновские чтения: Мат.-лы III межрегион. научно. – практич. конф. – Курган: Изд-во Кург. ун-та, 2005. – С. 26–28.

86. *Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк 1 (по результатам исследований 2002-2004 гг.) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. – 2006. – № 7. – С. 76–84.

87. *Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С.* Природные условия лесостепного Притоболья в переходное время и средневековье (по материалам городища Усть-Утяк 1) // Экология древних и

традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 43–46.

88. *Каретин Л.Н.* Почвы Тюменской области. – Новосибирск: Наука, 1990. – 286 с.

89. *Кобелева Л.С.* Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 26 с.

90. *Ковригин А.А., Шаранова С.В.* Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем: Мат-лы науч. конф. – Ч. 1. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. – С. 67–73.

91. *Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири* / Н.П. Матвеева, Н.С. Ларина, С.В. Берлина, И.Ю. Чикунова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 228 с.

92. *Корякова Л.Н.* Саргатская культура раннего железного века западно-сибирской лесостепи (источниковедческий анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1981. – 19 с.

93. *Корякова Л.Н.* Хронология погребений саргатской культуры // ВАУ. – 1981. – Вып.15. – С.103–109.

94. *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 240 с.

95. *Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). – Препринт. – Екатеринбург: Изд-во УрО АН; Урал. ун-та, 1991а. – 53 с.

96. *Корякова Л.Н.* Саргатская культура или общность. // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1991б. – С. 3–8.

97. *Корякова Л.Н.* Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. – С. 138–154.

98. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
99. *Косинцев П.А., Стефанов В.И.* Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Приишимской лесостепи в переходное от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УроАН СССР, 1989. – С. 105–119.
100. *Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. – М.: Наука, 1971. – 168 с.
101. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии?: материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев // Рос. акад. наук; М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. – М.: Наука, Вост. лит., 1994. – 464 с.
102. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. – М.: Наука, 1983. – 256 с.
103. *Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье* / В.А. Зах, О.Ю. Зимина, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.
104. *Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы)* / Т.М. Потемкина, О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов. – М.: ПАИМС, 1995. – 157 с.
105. *Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. –1966. – №136 – 232 с.
106. *Матвеев А.В.* О происхождении и начальном этапе истории саргатской культуры // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 56–65.
107. *Матвеев А.В.* Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 93–124.

108. *Матвеев А.В.* Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д.и.н. – Новосибирск, 2000. – 50 с.
109. *Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. – Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. – 416 с.
110. *Матвеев А.В., Аношко О.М., Агишева О.С.* Результаты исследования селища Заводоуковское 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 6. – С. 73–81.
111. *Матвеев А.В., Горелов В.В.* Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. – Уфа: Башк. ун-т, 1991. – С. 52–54.
112. *Матвеев А.В., Горелов В.В.* Городище Ефимово 1. Препринт. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. – 76 с.
113. *Матвеев А.В., Матвеева Н.П.* Исследования в междуречье Тобола и Исети // АО 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 219–220.
114. *Матвеев А.В., Сидоров Е.А.* Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Тюм. ун-т, 1985. – С. 29–89.
115. *Матвеев А.В., Чикунова И.Ю.* Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – № 2. – С. 44–50.
116. *Матвеева Н.П.* Исследования на Рафайловском городище // АО 1985 г. – М.: Наука, 1987а. – С. 263.
117. *Матвеева Н.П.* Ранний железный век Среднего Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1987б. – 21 с.
118. *Матвеева Н.П.* Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. – С. 77–102.

119. *Матвеева Н.П.* О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // *Источники по этнокультурной истории Западной Сибири.* – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1991а. – С. 148–164.

120. *Матвеева Н.П.* О гороховской культуре в Зауралье // *Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях.* – Уфа: Ротапринт Башгосун-та, 1991б. – С. 85–89.

121. *Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

122. *Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

123. *Матвеева Н.П.* Край в раннем железном веке и средневековье // *История Курганской области.* – Курган: Изд-во Курганского гос. пединститута, 1995. – Том 1. – С. 76–131.

124. *Матвеева Н.П.* О гороховской культуре в Зауралье // *Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала.* – Уфа: «Восточный университет», 1996. – С. 83–97.

125. *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон): автореф. дис....док. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 45 с.

126. *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.

127. *Матвеева Н.П.* О сосуществовании групп разнокультурного населения на городищах раннего железного века лесостепного Зауралья // *Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез.* – СПб.: Изд-во ИИМК, 2007. – С. 40–58.

128. *Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И.* Новые материалы эпохи поздней бронзы из Приисетья // *Шестые исторические чтения памяти*

Михаила Петровича Грязнова: Мат.-лы. Всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь, 2004). – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. – С. 174–179.

129. *Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И.* Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. – 2006. – №2. – С. 24–38.

130. *Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. – Новосибирск: Наука, 2008. – 237 с.

131. *Матвеева Н.П., Сомова М.А., Цембалюк С.И.* Баитовский комплекс поселения Устюг 2 (из раскопок могильника Устюг 1). // АВ ORIGINE. – 2011. – Вып. 3. – С. 51–72.

132. *Матвеева Н.П., Цембалюк С.И.* Новый памятник баитовской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 230–235.

133. *Матвеева Н.П., Цембалюк С.И.* Городище Большой Имбиряй – 3 и хронология баитовских древностей // Вестник ТюмГУ. – 2010. – Вып. 1. – С. 4–12.

134. *Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Орлова Л.А., Поклонцев А.С.* Новые исследования Рафайловского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2004. – № 5. – С. 74–96.

135. *Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Берлина С.В., Поклонцев А.С., Цембалюк С.И.* Комплексные исследования Коловского городища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. 5. – С. 84–88.

136. *Матющенко В.И.* Об отношении саргатского населения к так называемому скифо-сибирскому культурно-историческому единству. // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. – С. 14–15.

137. *Махонина Г.И., Коркина И.Н.* Формирование подзолистых почв на археологических памятниках в Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Академкнига, 2002. – 264 с.

138. *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. Вооружение скифов // САИ. – 1964. – Вып. Д 1-4. – 113 с.

139. *Могильников В.А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. – С. 172–202.

140. *Могильников В.А.* К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 66–86.

141. *Могильников В.А.* Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАУ. – 1981. – Вып.15. – С. 100–103.

142. *Могильников В.А.* Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. – С. 62–77.

143. *Могильников В.А.* Некоторые проблемы изучения саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. – С. 8–16.

144. *Могильников В.А.* Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 274–284. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20- томах).

145. *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Изд-во Пущинского научного центра РАН, 1997. – 196 с.

146. *Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я.* Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху бронзы и раннего железа // СА. – 1991. – №3. – С. 196–220.

147. *Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

148. *Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV-I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспект* / В.И. Молодин, А.С. Пилипенко, Т.А. Чикишева, А.Г. Ромашенко, А.А. Журавлев, Д.В. Поздняков, Р.О. Трапезов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.

149. *Новые памятники бронзового и раннего железного веков* / Н.П. Матвеева, Е.Н. Волков, Н.Е. Рябогина. – Новосибирск: Наука, 2003. – 174 с.

150. *Обыденнов М.Ф.* Вопросы угорского этно-культурогенеза по археологическим источникам // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Уфа: Уфим. НЦ РАН, 1996. – Ч.2. – 56–60.

151. *Обыденнов М.Ф.* У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа: «Восточный университет», 1997. – 202 с.

152. *Овчинникова Б.Б.* Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 141–152. – (ВАУ; вып. 19).

153. *Основы животноводства* / А.И. Слабакина, А.П. Солдатов, М.А. Попова, П.Е. Поляков, А.П. Голикова, Л.Ю. Киселев, И.А. Соловьева. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Агропромиздат, 1988. – 287 с. – (Учебники и учеб. пособия для учащихся техникумов).

154. *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* – Т.1. – Кн.2. – Поселения и жилища. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – 485 с.

155. *Пантелеева С.Е.* Хроно-стратиграфия Павлинова городища (по результатам анализа керамики): автореф. дис. ... канд. ист. наук, – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

156. *Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А.* Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к же- лезу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1991. – С. 25–50.

157. *Папин Д.В., Шамшин А.Б.* Барнаульское Приобье в переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 202 с.

158. *Полеводов А.В.* Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

159. *Полосьмак Н.В.* К вопросу о нижней границе саргатской культуры // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов. – Иркутск: 1982. – С. 107–108.

160. *Полосьмак Н.В.* Культура населения Западной Барабы в скифо-сарматское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.

161. *Полосьмак Н.В.* Культурная принадлежность гороховской группы памятников // КСИА. – 1986. – Вып. 186.–144 с.

162. *Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

163. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 311 с.

164. *Рафикова Т.Н., Матвеева Н.П., Берлина С.В.* Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища // АВ ORIGINE. – 2008. – Вып.2. – С. 84–113.

165. *Рябогина Н.Е.* Природные условия Ингальской долины в бронзовом и раннем железном веках // Древности Ингальской долины: Новые

памятники бронзового и раннего железного веков. – Новосибирск: Наука, 2003. – Вып. 1. – С. 117-142.

166. *Рябогина Н.Е.* Стратиграфия голоцена Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. – Тюмень, 2004. – 16 с.

167. *Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Цембалюк С.И.* Реконструкция природного окружения бархатовского, байтовского и иткульского населения Притоболья // Человек и Север. Антропология, археология, экология. Мат.-лы. Всерос. конф. г. Тюмень, 24-26 марта, 2009 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. – С. 20–23.

168. *Рябогина Н.Е., Ларин С.И., Семочкина Т.Г.* Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменского Притоболья (по данным спорово-пыльцевого анализа) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 61–64.

169. *Рябогина Н.Е., Якимов А.А.* Палинологические и палеопочвенные исследования на археологических памятниках: анализ возможностей и методика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2 (13). – С. 186–200.

170. *Савельев Н.С.* Население Месягутовской лесостепи в V-III вв. до н.э. Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 121 с.

171. *Сальников К.В.* Три года работы на городище "Чудаки". Раскопки Челябинского музея // КСИИМК. – М.-Л. Изд-во: АН СССР, 1940. – Вып. 5. – С. 69–71.

172. *Сальников К.В.* Городище Чудаки Челябинской области по раскопкам 1947 г. // СА. – 1947. – т. IX. – С.221–238.

173. *Сальников К.В.* Исетские древние поселения: по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 г. // СА. – 1956. – Вып. 25. – С. 189–214.

174. *Сальников К.В.* Некоторые итоги и проблемы изучения истории Урала // Из истории Урала. – Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1960. – С. 7–17.

175. *Сальников К.В.* Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАУ. – 1961. – Вып. 1. – С. 48–52.

176. *Сальников К.В.* Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // КЗ ЧОКМ. – 1962. – Вып. 1. – С. 21–46.

177. *Сальников К.В.* Состав населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. – 1966. – №5. – С. 118–124.

178. *Скакун Н.Н.* Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла (по материалам Алтын—депе и Теккем—депе) // СА. – 1977. – Вып. 1. – С. 264–268.

179. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101. – 161 с.

180. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов – М.: Наука, 1964. – 380 с.

181. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. – 1963. – Вып. Д-9. – 70 с.

182. Содержание овец – Электронный ресурс: <http://ptica-ru.ru/> – Время обращения 26.02.2016.

183. *Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса)* / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйер, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О. В. Микрюкова, А.О. Сахарова. – Екатеринбург-Сургут: Изд-во «Магеллан», 2009. – 298 с.

184. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время* // Археология СССР в 20 т. – Москва: Изд-во «Наука», 1992. – 493 с.
185. *Стоянов В.Е.* Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. – 1969а. – Вып. 119. – С. 52–61.
186. *Стоянов В.Е.* Узловское поселение // Археологические памятники Ишимской лесостепи. Отчеты уральской археологической экспедиции 1963-1964 гг. / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – 1969. – С. 65–88. – (ВАУ; вып. 8).
187. *Стоянов В.Е.* Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // ПХКПАПЗС. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. – С. 238–254.
188. *Стоянов В.Е.* Носиловское 2 поселение (О зауральских памятниках начала раннего железного века) // ВАУ. – 1975. – Вып. 13. – С. 115–136.
189. *Стоянов В.Е., Крижевская Л.Я., Старков В.Ф.* Мезолитическая стоянка Сухрино 1 на Исети // ВАУ– 1977. – Вып. 14. – С. 72–84.
190. *Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанский степей в VII–VI вв. до н.э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
191. *Таиров А.Д.* Этнокультурные процессы в Урало-Казахстанских степях в VI–V вв. до н.э. // Наука в ЮУрГУ: материалы 61-й научной конференции. Секции естественно-научных и гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 2009. – Т. 1. – С. 173-177.
192. *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – 1953. – №35. – С. 242–357.
193. *Ткачев А.А.* Культурно-хронологические комплексы Абатского Приишимья (по материалам городища Абатское VI) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 40–44.

194. *Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 125 с.
195. *Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
196. *Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А.* Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. – С. 103–116.
197. *Труфанов А.Я.* Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – С. 63–76.
198. *Труфанов А.Я.* Работы в лесном и лесостепном Приртышье // АО – 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 234.
199. *Труфанов А.Я.* К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири: Межведомственный сборник научных трудов. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1986. – С. 55–63.
200. *Труфанов А.Я.* Закрытые комплексы городища Ямсыса VII // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Ранее и позднее средневековье. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1987. – С. 127–130.
201. *Усачева И.В.* Новые материалы к археологической карте Тюменской области // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1999. – Тюмень: ТОКМ, 2000. – С. 116–140.
202. *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. – М.: Наука, 1987. – 216 с.
203. *Физико-географическое районирование Тюменской области* // Под ред. Гвоздецкого Н.А. – М.: МГУ, 1973. – 246 с.

204. *Хабдулина М.Х.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алма-Ата: Ракурс, 1994. – 170 с.

205. *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА. – 1970. – № 161. – 266 с.

206. *Цембалюк С.И.* К вопросу об этнической интерпретации саргатской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. 5. – С. 99–102.

207. *Цембалюк С.И.* Ареал баитовской культуры раннего железного века в Зауралье // Этноистория и Археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: ИрГТУ, 2007а. – С. 101–105.

208. *Цембалюк С.И.* К вопросу о хозяйстве населения баитовской культуры // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: ТюмГУ, 2007б. – С. 152–154.

209. *Цембалюк С.И.* Итоги и проблемы изучения баитовской культуры раннего железного века Зауралья // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008а. – Т. II. – С. 178–180.

210. *Цембалюк С.И.* К проблеме генезиса баитовской культуры // Седьмые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Матлы. Всерос. научн. конф. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008б. – С. 120–123.

211. *Цембалюк С.И.* Боровушка 2, городище баитовской культуры // Человек и север. Антропология, Археология, Экология. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009а. – С. 117–119.

212. *Цембалюк С.И.* Характеристика поселений и жилищ баитовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009б. – № 10. – С. 57–65.

213. *Цембалюк С.И.* К вопросу о жилищах населения баитовской культуры раннего железного века Зауралья // Маргулановские чтения - 2009:

Мат-лы междунар. Науч. конф. – Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2009в. – С. 223–227.

214. *Цембалюк С.И.* Характеристика байтовской культуры Притобольшья начала раннего железного века // Культура как система в историческом контексте. Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Мат-лы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конф.. – Томск: Аграф-Пресс, 2010а. – С. 324–327.

215. *Цембалюк С.И.* Предварительные итоги исследований Бочанецкого городища // Зырянские чтения – 2010. Материалы Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010б. – С. 37.

216. *Цембалюк С.И.* О хронологической дифференциации древностей байтовской культуры начала раннего железного века Зауралья // III Северный археологический конгресс. Тез. Докл. 8-13 ноября 2010. – Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Издат. Дом «ИздатНаукаСевер», 2010в. – С. 155–156.

217. *Цембалюк С.И.* Марай 1, поселок финальной бронзы и раннего железного века // IX Зырянские чтения – 2011. Материалы Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 28.

218. *Цембалюк С.И.* Красноозерский комплекс поселения Марай 1 (предварительное сообщение) // Человек и север. Антропология, археология, экология. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – Вып. 2. – С. 180–182.

219. *Цембалюк С.И.* Хозяйство и быт населения красноозерской культуры по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье // Новые материалы и методы археологического исследования (материалы II международной конференции молодых ученых. Москва, 19-21 марта 2013 г.). – Москва: ИА РАН, 2013. – С. 70–72.

220. *Цембалюк С.И.* К вопросу о хозяйстве населения красноозерской культуры по материалам поселения Марай 1 // Труды IV (XX) Всероссийского съезда в Казани. – Казань:Отечество, 2014. – Т. III. – С. 548–550.

221. *Цембалюк С.И.* Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. – 2015а. – №3. – С. 43–54.

222. *Цембалюк С.И.* Исследование поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье // Зыряновские чтения – 2015. Материалы Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015б. – С. 30.

223. *Цембалюк С.И., Берлина С.В.* Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 3 (26). – С. 55–65.

224. *Цембалюк С.И., Зимина О.Ю.* Раскопки поселения Чечкино 4 //АО 2007 г. – М.: Наука, 2010. – С. 97.

225. *Цембалюк С.И., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Исследование поселения Чечкино 4 в Ярковском районе Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – С. 54–67.

226. *Цембалюк С.И., Илюшина В.В.* Керамика баитовской культуры городища Боровушка 2 // IX Зыряновские чтения: Мат. Всерос. научно.-практ. конф. – Курган: Изд-во Кург. ун-та, 2011. – С. 28–30.

227. *Цембалюк С.И., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Комплексное исследование баитовского городища Боровушка 2 (лесостепное Притоболье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2(15). – С. 103–113.

228. *Чемякин Ю.П.* Городища Барсов городок 1/11 и 1/12 – памятники раннего железного века Сургутского Приобья // ВАП. – Тюмень, 1979. – Вып. 2. С. 137–142.
229. *Чемякин Ю.П.* Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. – Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – 222 с.
230. *Чернецов В.Н.* Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК. – 1947. – Вып. 16. – С. 65–78.
231. *Черных Е.Н.* КАРГАЛЫ, том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Языки славянской культуры, 2007 – 200 с.
232. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – 172 с.
233. *Чикунова И.Ю.* Пряслица Рафайловского селища как источник по изучению прядения у саргатцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2002. – № 4. – С. 119–126.
234. *Чикунова И.Ю., Скочина С.Н.* Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10. – С. 49–57.
235. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск, 1984. – С. 84–88.
236. *Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования) / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайсс, А.Е. Гришин, О.Н. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Г. Беккер, Й. Фассбиндер, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков.* – Новосибирск: Из-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с. – (Материалы по археологии Сибири; Вып. 1).

237. *Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований)* / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайсс, А.Е. Гришин, О.Н. Новикова, Н.С. Ефремова, М.А. Чемякина, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик.– Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – (Материалы по археологии Сибири). – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; Вып. 4).

238. *Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи* / Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3.– 248 с.

239. *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

240. *Членова Н.Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М: Пущинский науч. центр РАН, 1994. – 170 с.

241. *Шарапова С.В.* Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа): Дис. ... канд. ист. наук – Екатеринбург, 2000. // Лаборатория археологического источниковедения и музеефикации ИИиА УрО РАН. – ф. II. – д.5, 5а.

242. *Шарапова С.В.* Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 123–134.

243. *Шилов С.Н., Рябинина Е.А.* Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правом берегу р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) научно.-практ. конф. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – С. 102–104.

244. *Шорин А.Ф.* Межовская культура Среднего Зауралья и ее роль в формировании уральских культур раннего железного века // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. – Уфа: Башк. ун-т, 1991. – С. 30–33.

245. *Шорин А.Ф.* О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. – Уфа: Изд-во "Восточный ун-т", 1996. – С. 20–32.

246. *Якимов А.С., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Демкина Т.С., Зимина О.Ю., Цембалюк С.И.* Природные условия Туро-Пышминского междуречья в X–IV вв. до н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007а. – № 8. – С. 206–225.

247. *Якимов А.С., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Демкина Т.С., Зимина О.Ю., Цембалюк С.И.* Природные условия Тобол-Ишимского междуречья в X–IV вв. до н.э // Материалы V конференции молодых ученых СО РАН, посвященной М.А. Лаврентьеву (Новосибирск, 20-22 ноября 2007 г.). – Новосибирск, 2007б. – Ч. 2: Науки о жизни, науки о Земле, экономические и гуманитарные науки. – С. 183-185.

248. *Habitats et nécropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie / M.-Y. Daire, L. Koryakova, V. Buldashov, P. Courtaud, A. Epimajov, E. Gonzalèz, A. Kovriguin, P. Kosintsev, L. Langouët, G. Makhonina, D. Marguerie, J-P. Pautreau, D. Rajev, S. Sharapova, M-C. Ugé, N. Berseneva, Y. Garcia, O. Koseko, N. Marcoux, O. Mikrukova, N. Molinès, S. Panteleyeva, L. Quesnel.* – Paris-Rennes: MAE, 2002. – 291p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН

ИГИ – Институт гуманитарных исследований ТюмГУ

ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет

КА УрГУ – Кабинет археологии УрГУ

КЗ – Краеведческие записки

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

ЛА – Лаборатория археологии

МАИЭ ТюмГУ – Музей археологии и этнографии ТюмГУ

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет

ПХКПАПЗС – Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

САИЭ ИГИ ТюмГУ – Сектор археологии и этнографии

СО РАН – Сибирское отделение РАН

СЭ – Советская этнография

ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей

ТюмГУ – Тюменский государственный университет

УрГУ – Уральский государственный университет

УрО РАН– Уральское отделение РАН

ЧОКМ – Челябинский областной краеведческий музей